

Анархия работает

Питер Гелдерлоос

2011

Оглавление

Незаметная Анархия: будущее в настоящем или возможность жить иначе	9
Предисловие к русскоязычному изданию	14
Введение	16
Анархия никогда не будет работать	16
Что такое анархизм на самом деле?	17
Слово воодушевления	18
Сложный вопрос представительства	20
Рекомендуемая литература	22
Человеческая природа	23
Разве люди не эгоистичны по своей природе?	23
Разве люди соревнуются не от природы?	26
Разве люди не всегда были патриархальны?	30
Разве люди не воинственны по своей сущности?	33
Разве доминирование и власть не естественны?	37
Более широкое самопознание	45
Рекомендуемая литература	47
Принятие решений	48
Как будут приниматься решения?	48
Как решения будут претворяться в жизнь?	60
Кто будет улаживать ссоры?	63
Собрания на улице	64
Рекомендуемая литература	66
Экономика	67
Кто захочет работать без зарплаты?	67
Но ведь людям нужны начальники и эксперты?	70
Кто будет убирать мусор?	76
Кто будет заботиться о стариках и инвалидах?	77
Как будет работать здравоохранение?	78
А что с образованием?	80
А как же наука и техника?	84
Как будет работать обмен?	87
А как быть с теми, кто не хочет отказываться от потребительского стиля жизни?	89
А как же строительство и организация масштабной инфраструктуры?	90

Что станет с городами?	94
А если засуха, голод или иная катастрофа?	100
Удовлетворение потребностей без подсчётов	101
Рекомендуемая литература	103
Окружающая среда	105
Как остановить разрушение окружающей среды?	105
А что делать с глобальными экологическими проблемами, такими как изменение климата?	112
Единственный способ спасти планету	115
Рекомендуемая литература	117
Преступность	118
Кто будет защищать нас, когда не будет полиции?	118
А как быть с бандами и хулиганами?	126
Как предотвратить убийство?	128
Что скажете об изнасиловании, домашнем насилии и других формах физического воздействия?	130
За гранью юстиции, приватизированной государством	134
Рекомендуемая литература	138
Революция	140
Как вообще организованные на принципах безвластия и координации люди могут победить государство?	140
Откуда нам знать, что вчерашние революционеры не станут завтрашними правителями?	154
Как сообщества могут принять изначальное решение о самоорганизации?	165
Как будет решаться вопрос с компенсацией за былые ущемления?	168
Каким образом зародится общая антиавторитарная экологическая этика?	170
Революция, состоящая из множества революций	178
Рекомендуемая литература	179
Соседские сообщества	181
Может ли анархистское общество защитить себя от авторитарных соседей?	181
Что мы будем делать с сообществами, остающимися патриархальными или расистскими?	185
Что предотвратит постоянные конфликты и междоусобицы?	187
Сети, а не границы	190
Рекомендуемая литература	192
Будущее	193
Не появится ли государство вновь с течением времени?	193
А как насчёт других проблем, которые мы не можем предвидеть?	196
Заставляя анархию работать	197
Рекомендуемая литература	198

Это работает, когда мы заставляем это работать	199
Библиография	202
Библиография и рекомендуемая литература на русском	209
Рекомендуемые сайты	211

В этой книге вы не найдёте рецептов того, как осуществить на практике ваши мечты о свободе, самоорганизации и взаимопомощи (некоторые радикалы называют это «анархией»). Зачем же её читать?

Иногда, по праздничным датам, мы вспоминаем: Чикаго 1886, Арагон 1936 и т. д., и т. п. Наша современная история — череда заранее проигранных кампаний солидарности и акций протеста. Во всяком случае, так преподносит всё СМИ, аналитики, да и многие учёные.

Мы (как и наши товарищи из других стран) считаем, что нам не хватает рассказов и преданий о наших победах. А ведь именно подобное знание, передающееся из уст в уста или, как в случае с данной книгой, посредством публикации, помогает поддержать друг друга в периоды затишья между протестами, во время нудной организационной работы или жизни в подполье.

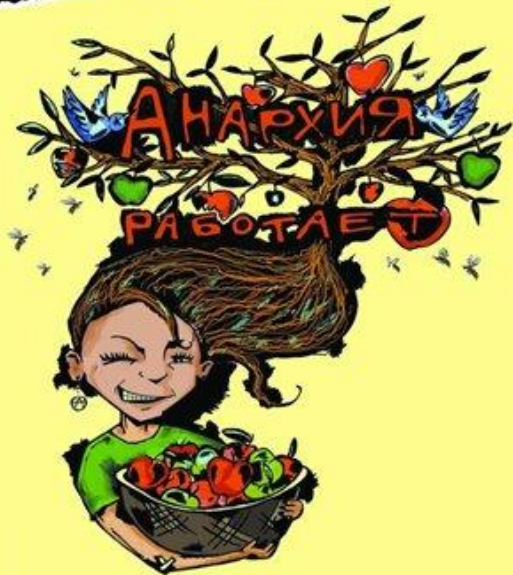
Таким образом, мы предлагаем вам книгу, в которой изложены истории о том, как в разные времена и на разных континентах люди (большинство из которых не называли себя анархистами и не состояли ни в каких организациях) сделали возможным долгосрочное, устойчивое и гармоничное существование вне рамок капитализма и системы патриархального господства.

РАДИКАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. 2012

Питер Гелдерлоос

Питер Гелдерлоос АНАРХИЯ РАБОТАЕТ

Больше никаких разговоров о старых деньках, время для чего-то великого.
Я хочу, чтобы ты вышел и заставил это работать...

Том Йорк

Посвящается замечательным людям из сквотов RuinAmalia, La Revoltosa и киевского инфошопа за то, что они заставляют анархию работать.

Хотя эта книга начиналась как индивидуальный проект, ближе к её завершению довольно много людей (большинство из которых захотело остаться неизвестными) помогли выпустить её в свет: корректируя и вычитывая, проверяя факты, давая ссылки, редактируя и т. д. В знак признательности за всю эту работу автор этой книги хотел поблагодарить Джона, Жозе, Vila Kula, аaaa!, L, J и G за предоставление в пользование компьютера в годы скитаний, выселений, неисправности операции, заражения вирусом и т. п. Спасибо Джесси Додсон и Кэти Кларк за помощь в исследовании других проектов, которые я не стал использовать в этой книге. Также спасибо С и Е за то, что одолжили свой пароль для бесплатного доступа в базы данных научных статей, доступных только студентам.

Вокруг нас происходит много неизвестного,
в горных заброшенных деревнях
или на пустых участках в городе,
окаменевают под нашими ногами остатки обществ,
которые отличны от всего, что мы знаем,
шепчущие нам, что всё может быть по-другому.
Но политик, известный тебе, лжёт.
Менеджер, который нанимает и выгоняет тебя с работы,
Домовладелец, который вас выселяет,
Президент банка, который владеет твоим домом,
Профессор, который ставит тебе отметки,
Мент, который патрулирует твою улицу,
Репортёр, который информирует тебя,
Доктор, который тебя лечит,
Муж, который тебя бьёт,
Мама, которая тебя шлёпает,
Солдат, который за тебя убивает,
И социальный работник, который загоняет твоё прошлое и будущее в
папку в картотечном шкафу,
Все спрашивают:
«ЧТО БЫ ТЫ БЕЗ НАС ДЕЛАЛ?
Это же будет анархия!»

И дочь, сбежавшая из дома,
Водитель автобуса на забастовочной блокаде,
Ветеран, выбросивший свою медаль,
но держащий свою винтовку,
Мальчик, спасённый от суицида любовью своих друзей,
Горничная, которая должна кланяться тем,
кто даже не может приготовить себе поесть,
Иммигрант, пробирающийся через пустыню,
чтобы найти на другой стороне свою семью,
Парнишка, отправляющийся в тюрьму за то, что сжёг торговую галерею,
    построенную на его детских мечтах,
Сосед, расчищающий пустой участок от шприцов, в надежде, что кто-то
    превратит его в сад,
Автостопщик на дороге,
Студент, отказавшийся от карьеры и медицинской страховки и иногда
    отказывающийся даже от еды, чтобы писать революционные стихи
    для всего мира,
Может быть, каждый из нас сможет почувствовать это:
Наши начальники и мучители боятся, что не смогут без нас,
И их опасение не напрасно —
Лучшая часть наших жизней уже сейчас — анархия.

Незаметная Анархия: будущее в настоящем или возможность жить иначе

«Если все вот так ходить начнут, — это же какая-то анархия настанет!»

Лозунг на одной из первомайских демонстраций в Новосибирске

Старый советский анекдот. Сидят два эскимоса на льдине на Северном Полюсе и один предлагает другому: «Хочешь, брат, расскажу тебе политический анекдот?» «Нет, что ты, что ты! — с ужасом отвечает второй. — Если я буду тебя слушать — меня ещё, чего доброго, сошлют куда-нибудь!»

Современный человек живёт, зачарованный этой же удивительной логикой. Конечно же, существующее общество ужасно устроено, полиция — нам страшнее преступников (не только в России!), телевидение — нагло врёт, начальники — нас обижают, системы образования и здравоохранения — основаны на неравенстве, коррупции и взятках, все политики — обманщики, экологическая катастрофа вселенского масштаба — на носу, однако, пытаться радикально изменить это общество — безумие: это же воцарится настоящая анархия. Так думают (с любезной подачи властей) не одни только глупые обыватели. Ещё на заре Нового Времени, в середине XVII века философ Томас Гоббс, напуганный событиями Великой Английской Революции, сформулировал жёсткую дилемму (между двумя полюсами которой обречено с тех пор метаться несчастное человечество): или беспощадный, бесконтрольный, бесчеловечный монстр — Левиафан Государственной Бюрократии, отнимающий у личности свободу в обмен на довольно эфемерную и условную безопасность, или — всеобщая конкурентная борьба всех против всех на уничтожение, логика буржуазного рынка, доведённая до конца.

Между тем, достаточно очевидно как то, что наш мир всё время существенно меняется — если не с нашим сознательным и активным участием в этих переменах, то с нашей страдательно-пассивной ролью, — так и то, что вера в незыблемость, безальтернативность и оптимальность status quo выгодна именно власти имущим: правителям, чиновникам, генералам, банкирам, гебистам, капиталистам. Эта вера лежит в основе всех идеологий, транслируемых «свыше» подданным Государства: телезрителям и читателям, избирателям и налогоплательщикам — при помощи армии учёных, писателей, журналистов, режиссёров, юристов, всевозможных экспертов и прочих официозных бойцов идеологического фронта. Они настолько привыкли отождествлять себя с властью, которую обслуживают (при всех дозволяемых идей-

ных оттенках), что сама возможность её крушения для них страшнее вселенского Апокалипсиса.

Однако, как всем известно, государство, частная собственность, бюрократия, индустриально-технологическая мегамашина, репрессивная психиатрия, тюрьма, армия, парламент, идеология, партии, государственная школа, моногамная семья, массовая культура, церковная иерархия и прочие замечательные и взаимосвязанные атрибуты современной «цивилизации» существовали не то что не всегда — а довольно-таки ничтожную часть человеческой истории на небольших участках суши, откуда лишь недавно и постепенно, как раковые метастазы распространились по планете. (Этот процесс почему-то называется сегодня «глобализацией» и отождествляется с прогрессом). Многие века люди на всех континентах жили совсем иначе — без налогов и идеологий, без патриотизма и товарного производства, без законов и политтехнологов, без генералов и бирж, без полицейских и депутатов, без систем иерархии, централизации, представительства, монополизированного посредничества в вопросах общественных интересов, без угнетения и эксплуатации. («Ах да, это же отсталые дикари в прошлом и неблагонадёжные маргиналы в настоящем, зачем их принимать в расчёт нам, сидящим на вершине всемирной исторической лестницы?», — услужливо подсказывает нам воспитанный школой и телевизором внутренний голос). Только чудовищная фальсификация и стерилизация истории, замалчивание вопиющих преступлений и бесчисленных альтернатив «столбовой дороге прогресса» позволяют представить существующий и господствующий ныне (да и то, к счастью, не везде и не во всём) порядок вещей, как наилучший, оправданный и единственно возможный. Достаточно посмотреть на нашу хваленую цивилизацию прямо и непредвзято (как, например, сделал Лев Толстой), чтобы понять ей цену и с отвращением отшатнуться в поисках иных, упущенных или возможных путей.

На самом деле, во все века, по мере укрепления системы организованного насилия, человеческого разобщения и узаконенной несправедливости, именуемой государством (со всеми его милыми признаками и спутниками), люди — чаще спонтанно и неосознанно, реже — осмысленно и теоретически продуманно — сопротивлялись ему и строили свою жизнь иначе: на началах солидарности, кооперации, координации, равноправия и диалога. Греческий полис и исландский тинг, «большие дома» ирокезов и коммуны толстовцев, датская Христиания и кибуцы Израиля, средневековая крестьянская община и рабочее движение конца XIX — начала XX веков, союзы ранних христиан и бразильское движение безземельных сквоттеров, махновское повстанчество и современные автономисты — примеры более или менее последовательных и более или менее успешных либертарных альтернатив государственно-классовому обществу, разрывающему связи между людьми, культивирующему в них конкуренцию, потребительство, пассивность и склонность к подчинению и господству (а потом цинично декларирующему, что, мол, «так было всегда и иначе быть не может; люди — скоты и нуждаются в вечной опеке»). И даже в нашем, казалось бы, наглухо забетонированном и разделённом тысячами искусственных перегородок, полумёртвом обществе, (прошедшем через ад Гулага и коллективизации, а вдогонку ещё через ад приватизации) живая травка спонтанности и чувство человеческой

солидарности пробиваются сквозь асфальт законничества, ксенофобии, сексизма и атомизации.

Питер Гелдерлоос (вместе со своими друзьями и помощниками, которым отдельное спасибо!) взял на себя чрезвычайно нужный, благодарный и благородный труд: собрать по всем эпохам и концам света крупницы живого анархического опыта в прошлом и настоящем и предъявить их читателю — не как музейные экспонаты, красивую сказку былых времён или высокую мечту, а как воплощённую утопию свободного общества, раскрепощённой личности и либертарной культуры. Попутно ему пришлось развенчивать самые распространённые и дремуче-пещерные мифы об «анархии», бытующие и тиражируемые сегодня. Анархия в этой книге предстаёт не как страна молочных рек с кисельными берегами и не как мир уголовного беспредела мрачных злодеев, а как вполне осуществимая (и уже осуществлённая, осуществляемая там и сям) модель общественного устройства, моральных принципов, человеческих взаимоотношений — со своими сложностями, несовершенствами и непредсказуемостями, лишь подчёркивающими «сбыточность» этой вечной мечты о более свободном, справедливом и человеческом обществе. В этом обществе без тюрем, боссов, войн, голодных и ментов люди, наконец, смогут целиком посвятить себя подлинно человеческим — вечным вопросам и занятиям (творчеству и созерцанию, мучительному постижению и разрешению вопросов любви, свободы, смерти).

Более всего меня восхищает как колоссальность собранного в книге материала и систематичность его детального изложения, так и честность автора (сразу показывающая — чем свободный мыслитель отличается от идеолога). Испанские анархисты 1930-х годов или современные участники бразильского движения за сквоттирование земли или аборигены-полинезийцы не рисуются в идиллических красках с чёрно-красными нимбами вокруг голов: их либертарный опыт показан во всей неуклюжей и грубой непоследовательности, противоречивости, изъянах и неполноте (неизбежной до тех пор, пока эти островки анархии будут существовать во враждебном океане общества, основанного на противоположных принципах и стремящегося (в лице своих элит) уничтожить и изолировать их или полностью извратить их революционную природу). Не одно серьёзное возражение против анархизма (будь то представление о «злой природе человека» или вопросы о возможности анархической координации усилий в глобальных масштабах и о судьбе убеждённых лентяев в коммунистическом обществе) так же как и не один важный аспект анархической культуры, этики и организации (от экологии до экономики и преступности, от внешних институтов до внутренних мотивов) — не оставлен без внимания и детального, хотя и лаконичного рассмотрения.

Современные анархисты часто возмещают крикливой фразеологией, повторением лозунгов столетней давности и бездумным протестным активизмом или самодовольным герметичным окукливанием в субкультуру, презирающую «обычных смертных», острую нехватку фундаментальной рефлексии, глобальных (но жизненных) обобщений и системных размышлений над существующим обществом, культурой, человеком и альтернативами им. А между тем мечты о «радикально ином», умение увидеть ростки будущего в настоящем и прошлом, бескомпромиссная и всеобъемлющая критика существующего порядка вещей, попытки разрабатывать анархическое мировоззрение в его различных вариантах и представить различные аспекты аль-

тернативы данности в их совокупной взаимосвязи — всегда были характерны для анархической мысли. (Достаточно вспомнить «Хлеб и Волю» Петра Кропоткина, «Вести ниоткуда» Уильяма Морриса, «Обездоленных» Урсулы Ле Гуин или «Позитивную программу анархизма» Георгия Хаджиева). Питер Гелдерлоос достойно продолжает эту давнюю и славную традицию вольной мысли. Его книга — не просто набор анархических заклинаний или проклятий, не просто пересказ старых общих мест, но отличный пример живой, антидогматической и неразрывно связанной с практикой анархической теории. Целостность видения сочетается здесь с вниманием к деталям, честная и свежая мысль одушевлена горячим романтическим чувством, как в пламенных работах Бакунина.

Среди современных анархистов (в России, по крайней мере) есть некоторое количество историков и публицистов, но очень мало людей, сведущих в экономике, культурологии, социологии, философии, экологии. Гелдерлоос же творчески и компетентно сочетает в своём труде все эти аспекты, столь неразрывно связанные в жизни.

Эта книга — не инструкция по построению либертарного общества и не идеологическая конструкция. Она — важное свидетельство (не без ноток памфлета) о том, что возможно. О том, что может быть, что было и ещё (уже) есть, но о чём не принято говорить вслух и размышлять в конформистском и монологическом современном мире, обречённом на гибель уже самой своей унылой безальтернативностью. Однако из того, что анархическая утопия возможна (и уже существует в сотнях форм и обликов), ещё не следует, что она неизбежна (как думали верующие в прогресс и не верившие в личность анархисты XIX века). Ведь, как говорится в одном попсовом культовом фильме, «будущее не предопределено», и всё не сводится к социальным институтам и механизмам. Прежде всего, все общественные изменения (или их постыдное отсутствие) опираются на живых людей — бунтарей или конформистов, мечтателей или мещан, рабов или вольнодумцев. Радикальный антиутопизм, отказ патетически мечтать об ином — проблема проблем человека сегодняшнего дня. Далеко не всякая социальность априорно либертарна (иначе откуда бы возникло государство? фашизм? суд Линча?). Сегодня социальная ткань Запада и России изорвана на клочки. Её предстоит (вос)создавать заново — с общин, кружков, профсоюзных инициатив, аффинити-групп, что имеет и свои преимущества (осознанность, возможность изначальной и последовательной либертарности и эгалитарности) и свои огромные недостатки (атомизация, отсутствие опыта диалога и совместного действия). И, как верно заметил автор, само создание этой книги (а также её перевод, корректура и публикация) — хороший, хотя и небольшой, но воодушевляющий и конкретный пример того, как «работает анархия». И лично я благодарен за честь и радость принять участие (как редактор-корректор книги и автор этого предисловия) в этом нужном деле.

Знание, разумеется, само по себе не может заменить ни способности мечтать и верить и возмущаться и сопереживать, ни чувства человеческого достоинства и межличностной солидарности, ни «святого чувства Бунта» (говоря словами Бакунина). Если всего этого нет, то никакие факты, примеры, рассуждения и аргументы не убедят человека в том, что можно жить иначе, не побудят его к действию. Однако знание и понимание как неискоренимых и самоубийственных пороков существу-

ющего порядка вещей, так и возможных альтернатив могут быть очень полезны и нужны протестующим и мечтающим — как оружие полезно бойцам.

Эта чудесная книга будет полезна и тем, кто предубеждён против анархии, но не совсем утратил дар восприятия иных позиций, чем его собственная (ибо она блистательно развенчивает дурацкие одиозные стереотипы о ней), и тем, кто «в принципе за» либертарную альтернативу, но не представляет, как «это может работать» и «с чего начать» (поскольку она даёт конкретные примеры и — для начинающих и интересующихся — снабжена обширными списками книг по ключевым темам, некоторые из которых изданы теперь и на русском языке), и тем, кто погряз в сиюминутной «узкой», чересчур конкретной борьбе (за экологию, за эмансипацию полов, за права трудящихся и всевозможных меньшинств, против фашизма, полиции или милитаризма) и утратил широту и целостность видения реальности — в которой всё связано со всем тысячами нитей, и государственно-технологически-патриархально-буржуазная гидра мигом отращивает три головы на смену одной отрубленной рыцарями сопротивления, переставшими «быть реалистами», то есть «требовать невозможного». Поистине, эта замечательная книга позволяет «мыслить глобально», не переставая «действовать локально», мечтать — не отрываясь от земли, быть умеренными и трезво-зрячими оптимистами (осознавая огромную сложность и непредсказуемость этого мира и более чем реальную опасность потерпеть неудачу). Она, при всём том, вселяет надежду в «успех нашего безнадёжного дела».

*Пётр Рябов
21 апреля 2011 года*

Предисловие к русскоязычному изданию

Два года назад, вскоре после того, как я закончил писать и редактировать книгу «Анархия работает», но за несколько месяцев до её выхода на бумаге, московские товарищи устроили мне историческую экскурсию по городу. Я был искренне восхищён их переживанием истории — как что-то очень внутреннее, как почву под ногами, как кровь, текущую в жилах и отмечающее время биением наших сердец. И дело тут не во всяких подробностях и датах, а в мечтах и направлениях, за которые всё ещё идёт борьба.

Итак, когда мы остановились на месте, где несколько смелых анархистов девяносто лет назад забрались на крышу здания, где собиралось большевистское руководство, и бросили вниз бомбу в надежде убить Ленина (поскольку их бывлой товарищ оказался диктатором), мы почувствовали надежду и трагичность, тяжкую реальность, так же как на месте убийства Станислава и Анастасии в этом году. Последнее было свежей раной, очень болезненным воспоминанием для тех, кто знал их, но товарищи из Москвы оживили оба воспоминания с одинаковой преданностью и пылом, ведь оба они относятся к одной и той же борьбе.

История — не объективная формация социальной жизни, которая обязана быть. Это нечто живое, которое надо кормить, поить и выгуливать. Она живёт на улицах, в пространствах меж нас и если эти пространства осушить, история зачахнет.

Я приехал из страны, где люди передоверили память телевидению, где все дома построены не позднее двадцати лет назад и где даже природа забывает. И в США, и в России есть богатые традиции сильной анархической борьбы, это родина Хеймаркета и Кронштадта соответственно. В прошлом эта история была всем, но сейчас забыта. Она не обеспечивает устойчивый фундамент текущей борьбы, как должна бы. Возможно, так кажется из-за романтизма вследствие расстояния, но я думаю, что российские товарищи приложили геркулесовы усилия, чтобы вернуть память об анархии в область практики, в долгие годы борьбы и краткие моменты автономии. И это несмотря на десятилетия диктатуры, уничтожавшей любые следы либертарной версии коммунизма.

В соответствии с американским представлением об истории, всё, что предшествует последней моде, считается вышедшим из употребления и неподходящим к текущему моменту. Такая историография уместна в обществе планового устаревания, обществе, где всё делают дешёвым, быстроизнашивающимся, требующим скорой замены, чтобы удержать постоянное ускорение самоубийственной машины производства. Неслучайно анархическая критика капитализма, которой уже сотни лет, снова находит подтверждение в каждой мелочи сегодняшнего дня.

Поэтому книга «Анархия работает» состоит из практических примеров анархии с древнейших времён вперемешку с современными примерами. Эти примеры являются эпизодами непрерывающейся борьбы за мечту о всеобщей свободе, за Идею, полностью подходящую сегодняшнему дню, когда экономисты вроде Элино́р Остром и антропологи вроде Джеймса Скотта совершают революцию в стандартном мышлении анархическими заявлениями, как сотню лет назад, когда учёные-анархисты, такие как Пётр Кропоткин и Элизе Реклю, дискредитировали авторитарные пред-рассудки своего времени.

Идеи самоорганизации и безграничной свободы всегда будут актуальны. Они являются альфой и омегой человеческого существования. Анархия предшествует Государству, существует непобедимой в его рамках и выскочит снова, когда мы, наконец, прекратим трагический эксперимент Власти.

Я горжусь тем, что эту книгу перевели на русский язык и таким образом влили в русло борьбы, дающей столько воодушевления анархистам и вообще всем людям, борющимся за повсеместную свободу, будь то нигилисты, убивавшие тиранов, синдикалисты и анархокоммунисты, помогавшие создавать свободные советы, махновцы и кронштадтские матросы, создававшие коммуны и боровшиеся с бюрократической властью большевиков, изгнанники и заключённые, годами выживавшие и сопротивлявшиеся, сохранившие преемственность памяти.

Поскольку товарищи из России вновь вдохновляют людей по всему миру своей непрерывающейся борьбой, начиная с битвы за Химкинский лес и заканчивая мужественным сопротивлением неонацистам, я надеюсь, что эта книга сыграет свою маленькую роль в распространении идей всеобщей свободы и покажет, что анархия столь же реальна и возможна сегодня, как и сотню лет назад.

*В знак солидарности,
Питер Гелдерлоос
Барселона, сентябрь 2011 г.*

Введение

Анархия никогда не будет работать

Анархизм — это храбрейшее из революционных социальных движений, вышедшее из борьбы против капитализма. Это движение ставит своей целью мир, свободный от любых форм господства и эксплуатации. Но в основе его лежит простое и убедительное утверждение: люди лучше знают, как прожить собственные жизни и самоорганизоваться, чем любые сторонние эксперты. Кое-кто цинично утверждает, что люди сами не знают, что больше соответствует их интересам, что они нуждаются в правительстве для защиты, что выдвижение какой-либо политической партии может тем или иным образом защитить интересы всех членов общества. Анархисты считают, что процесс принятия решений не должен быть сосредоточен в руках какого-либо правительства, а, напротив, власть должна быть децентрализована: это значит, что каждый человек должен быть центром общества и все должны иметь возможность строить сети и ассоциации, необходимые для удовлетворения общих потребностей.

В государственных школах нас учат сомневаться в нашей способности к самоорганизации. Это приводит к тому, что многие считают анархию непрактичной и утопичной: «Она никогда не будет работать». Вопреки этому анархическая практика уже имеет длинную историю и часто отлично срабатывала. Официальные учебники истории описывают историю выборочно, отрицая факты существования в разные эпохи всех компонентов анархического общества и многочисленных безгосударственных обществ, которые благоденствовали тысячелетиями.

Как сравнить анархическое общество с государственным и капиталистическими обществами? Очевидно, что согласно определённому критерию иерархические общества работают хорошо. Они кажутся очень эффективными при завоевании соседей и приобретении огромных состояний их владельцами. С другой стороны, поскольку изменение климата, нехватка воды и продовольствия, нестабильность рынков и другие глобальные кризисы усиливаются, иерархические модели не демонстрируют особенной успешности. Истории в этой книге показывают, что анархическое общество может справляться со всеми задачами гораздо лучше, учитывая нужды и желания всех участников.

Множество историй из прошлого и настоящего, показывающих, как работает анархия, замалчиваются и искажаются из-за того, что мы можем сделать из них революционные выводы. Мы можем жить в обществе без боссов, хозяев, политиков или бюрократов; обществе без судей, полиции и криминала, без бедных и богатых; обществе, свободном от сексизма, гомофобии и трансфобии; обществе, в котором вековые раны рабства, колониализма и геноцида будут, наконец, излечены. Всё, что

нас останавливает, — это тюрьмы, психологическое программирование и чеки от власть имущих, а так же недостаток нашей веры в себя.

Конечно, анархисты не обязаны быть чрезмерно практичными. Если мы когда-нибудь добьемся свободы жить своей собственной жизнью, мы, вероятно, найдём совершенно новые организационные подходы, которые улучшат эти испытанные и верные формы. Итак, пусть эти истории будут точкой отсчёта и вызовом.

Что такое анархизм на самом деле?

Множество томов было написано в поисках ответа на этот вопрос, и миллионы людей посвятили свои жизни созданию, расширению, определению и борьбе за анархию. Есть бессчётные пути к анархизму и бесчисленные его источники: рабочие в Европе XIX века боролись против капитализма и верили в себя, а не в идеологии авторитарных политических партий; аборигены, боровшиеся против колонизации и за сохранение своих традиционных горизонтальных культур; студенты, пробуждающиеся от своей отчуждённости и несчастья; мистики от Китая тысячелетней давности до Европы пятьсот лет назад; даосы или анабаптисты, боровшиеся против правительств и религиозных организаций; женщины, восстающие против авторитаризма и сексизма левых. Нет Центрального Комитета, выдающего партбилеты, нет и единой доктрины. Анархия имеет разные смыслы для разных людей. Тем не менее, есть несколько базовых принципов, с которыми согласны почти все анархисты.

Автономия и горизонтальность. Все люди достойны свободы самоопределения и самоорганизации, исходя из своей собственной природы. Структуры принятия решений должны быть горизонтальными, а не вертикальными, чтобы никто ни над кем не доминировал. Они должны поощрять возможность свободы действий, а не власть над другими. Анархизм противостоит всем принудительным иерархиям, включая капитализм, государство, расовое превосходство и патриархат.

Взаимопомощь. Люди способны добровольно помогать друг другу. Узы солидарности и великодушия являются более прочным социальным клеем, чем страх, вызванный законами, границами, тюрьмами и армиями. Взаимопомощь — это не разновидность благотворительности и не безденежный обмен; оба — дающий и берущий — равны и могут меняться ролями. Поскольку ни один не обретает власть над другим, вместе они увеличивают свою коллективную силу, создавая возможности для совместной работы.

Добровольные ассоциации. Люди должны быть вольны сотрудничать с кем они хотят, как они сочтут нужным; так же они вольны отказаться от любых отношений или соглашений, если решат, что это противоречит их интересам. Каждый должен иметь возможность свободно передвигаться, как физически, так и социально. Анархисты противостоят границам всех сортов и принудительному делению по признакам гражданства, пола или расы.

Прямое действие. Быстрее и эффективнее достигать целей непосредственно самими людям, чем полагаться на власти или уполномоченных лиц. Свободные люди не просят изменить мир, они меняют его сами.

Революция. Сегодняшние устоявшиеся репрессивные системы уже не могут быть реформированы. В иерархической системе реформы осуществляют те, в чьих руках находится власть, и обычно они делают это таким образом, чтобы власть сохранялась или даже усиливалась. Системы вроде капитализма и превосходства белых являются формой вражды, насаждаемой элитами; анархическая революция означает борьбу за свержение этих элит, чтобы создать свободное общество.

Самоосвобождение. «Освобождение трудящихся — дело самих трудящихся», — гласит старый лозунг. Это относится и к другим группам: люди должны быть на линии фронта их собственного освобождения. Свободу не дают, её берут.

Слово воодушевления

Плюрализм и свобода не являются старомодными идеологиями, поэтому исторические примеры анархии не должны быть в явной форме анархическими. Большинство обществ и организаций, которые успешно жили без правительства, не называли себя «анархическими». Этот термин появился в Европе в XIX веке, и анархизм как осознающее себя социальное движение не столь универсален, как простое желание свободы.

Слишком претенциозно вешать ярлык «анархист» на людей, которые не выбрали его; вместо этого мы можем использовать множество других терминов для описания примеров анархии на практике. «Анархия» — это социальная ситуация свободы от господства и принудительной иерархии вкупе с самоорганизующимися горизонтальными отношениями, «анархисты» — люди, которые идентифицируют себя с социальным движением или философией анархизма. Антиавторитарии — люди, которые очень хотят жить в обществе без принудительных иерархий, но, насколько нам известно, не идентифицируют себя как анархисты либо потому, что им не известен этот термин, либо потому, что они не видят, как именно анархическое движение может действовать в их мире. Кроме всего прочего, анархическое движение вышло из Европы и унаследовало мировоззрение своего окружения, но многие другие борющиеся с властью силы вышли из иных мировоззрений и не имеют нужды называть себя «анархистами». Общество, которое существует без государства, но не идентифицирует себя как анархическое, является безгосударственным; если же это общество почему-то не является безгосударственным, но сознательно работает над

---

¹ Сэм Мбах и И. Е. Игаривэй (Sam Mbah и I. E. Igariway) пишут, что в доколониальную эпоху почти все традиционные африканские общества были анархическими, и они делают на этом сильный акцент. То же можно сказать и о других континентах. Но поскольку автор не имеет корней ни в одном из этих обществ, в контексте западной культуры, традиционно считающей своим правом представлять другие общества в своих собственных интересах, лучше избегать столь широких характеристик, пытаясь вместо этого учиться на их примерах.

предотвращением возникновения иерархий и характеризует себя эгалитарно, его можно описать как «анархическое»¹.

Примеры в этой книге были отобраны из разных эпох и мест, и их около девяноста. Тридцать из них чисто анархические, остальные же безгосударственные, автономные или осознанно антиавторитарные. Более половины примеров относятся к современному западному обществу, треть описывает безгосударственные общества, которые дают широкое представление о человеческих возможностях вне западной цивилизации, а несколько оставшихся являются классическими историческими примерами. Некоторые из них, такие как гражданская война в Испании, описаны много раз, т. к. они хорошо документированы и по ним имеется масса информации. Множество включённых в книгу примеров делает невозможным исследовать каждый из них в заслуживающих того подробностях. В идеале читатель заинтересуется этими вопросами самостоятельно, выводя дальнейшие практические уроки из стараний тех, кто занимался этим прежде.

Из этой книги станет ясно, что анархия существует в конфликте с государством и капитализмом. Многие приведённые здесь примеры были, в конечном счёте, разрушены полицией или победившими армиями, и, в значительной степени благодаря этим систематическим репрессиям против альтернатив господствующему миропорядку, осталось не так уж много примеров работающей анархии. Эта кровавая история приводит нас к заключению, что анархическая революция должна быть глобальной, для того чтобы стать бесповоротной и успешной. Капитализм — глобальная система, постоянно расширяющая и колонизирующая все автономные общества, с которыми она сталкивается. В долгосрочной перспективе ни одно общество или страна не смогут оставаться анархическими, когда весь остальной мир капиталистический. Антикапиталистическая революция должна уничтожить капитализм тотально или будет уничтожена сама. Это не значит, что анархизм должен быть единственной глобальной системой. Разнообразные формы анархического общества могут сосуществовать между собой и, в свою очередь, сосуществовать с неанархическими обществами, если они не будут враждебно авторитарными или репрессивными. На следующих страницах продемонстрировано великое множество форм, которые могут принимать анархия и автономия.

Примеры в этой книге показывают анархию работающей в течение некоторого периода времени или преуспевающей в определённом направлении. Пока существует капитализм, такие примеры всегда будут частичными. Эти примеры поучительны в своих слабых и сильных сторонах. Они не только описывают людей, создающих сообщества и удовлетворяющих свои потребности без начальников. Они поднимают вопрос о том, что пошло не так и что мы можем сделать лучше в следующий раз.

С этой целью упомянем несколько повторяющихся тем, над которыми стоит подумать во время чтения этой книги:

Изоляция. Многие анархические проекты работают хорошо, но влияют на жизни лишь незначительного количества людей. Что порождает эту изоляцию? Из-за чего она возникает и что ей можно противопоставить?

Альянсы. Во многих случаях анархисты и антиавторитарии предавались предпологаемым союзникам, которые саботировали возможность освобождения, чтобы

заполучить власть в свои руки. Почему анархисты участвовали в этих альянсах, и какие выводы об участии в современных альянсах мы можем сделать?

Репрессии. Автономные сообщества и революционная активность время от времени останавливались полицейскими репрессиями или военными вторжениями. Люди были запуганы, арестованы, подвергнуты пыткам или убиты, а выжившие должны были уходить в подполье или прекращать борьбу; сообщества, оказавшие помощь, закрывались, чтобы защитить себя. Какие действия, стратегии и формы организации лучше помогали людям пережить репрессии? Как можно обеспечить эффективную поддержку снаружи?

Коллаборационизм. Некоторые социальные движения или радикальные проекты выбирают участие в каких-то составляющих нынешней системы или приспосабливаются к ней, чтобы преодолеть изоляцию, быть доступными широким слоям населения или избежать репрессий. Каковы выгоды и подводные камни такого подхода? Есть ли иные способы преодолеть изоляцию или избежать репрессий?

Временные победы. Многие примеры, описанные в этой книге, более не существуют. Конечно, анархисты вовсе не всегда стремятся создавать постоянно работающие институты, которые займут всю их жизнь; отдельные организации могут существовать до тех пор, пока в них есть необходимость. Осознавая это, как мы можем извлечь максимум из этих автономных очагов, пока они существуют, и как мы можем получать информацию о них, после того, как они исчезнут? Как цепь временных пространств и событий может связать непрерывную борьбу и общество?

Сложный вопрос представительства

Во многих случаях мы по возможности искали прямой контакт с людьми, лично участвовавшими в событиях и сообществах, описанных в этой книге. Иногда это было невозможно из-за непреодолимых пропастей пространства или времени. В таких случаях мы вынуждены были полагаться исключительно на письменные источники, обычно созданные сторонними наблюдателями. Но описание не может быть совершенно нейтральным, внешние наблюдатели проецируют собственный опыт и систему ценностей на объект наблюдения. Конечно, такие описания неизбежны в человеческом общении, более того, сторонние наблюдатели могут добавлять новые и полезные тезисы.

Однако наш мир не столь прост. Поскольку европейская цивилизация распространилась и доминировала над остальной частью планеты, отправляемые ею наблюдатели были в основном топографами, миссионерами, писателями — апологетами правящего порядка. В мировом масштабе это единственная цивилизация с правом интерпретировать себя и все остальные культуры. Западный образ мышления был насильно распространён по всему миру. Колонизированные общества были уничтожены и служили источником рабского труда, экономических ресурсов и идеологического капитала. «Незападные» люди были представлены Западу таким способом, которым возможно подтвердить западное мировоззрение и чувство превосходства и оправдать реализуемый в настоящее время империалистический проект как необходимый для пользы людей, которых насильно делают цивилизованными.

Как анархисты, пытающиеся уничтожить властные структуры, ответственные за колониализм и многие другие несущие зло вещи, мы хотим беспристрастно рассмотреть эти иные культуры, чтобы учиться у них, но если мы не будем осторожны, то легко скатимся к привычному евроцентричному образцу и будем манипулировать и эксплуатировать эти культуры в пользу нашего собственного идеологического капитала. В случаях, когда мы не могли найти никого из описываемого сообщества, чтобы проверить и покритиковать наши собственные интерпретации, мы пытались «внедрить» рассказчика в историю, чтобы проверить её объективность, чтобы намеренно поставить под сомнение точность информации и чтобы предложить новые представления, гибкие и признающие свою ограниченность.

Мы точно не знаем, как окончательно уравновесить всё это, но надеемся научиться в процессе.

Некоторые аборигены, которых мы считаем товарищами в борьбе против власти, чувствуют, что белые люди не имеют права представлять аутентичные культуры, и это мнение особенно справедливо с учётом того, что в течение пяти сотен лет евроамериканские представления о коренных жителях были своекорыстными, эксплуататорскими и связанными с продолжающимися процессами геноцида и колонизации. С другой стороны, одна из наших целей при публикации этой книги заключалась в том, чтобы бросить вызов историческому евроцентризму анархического движения и побудить это движение к большей открытости другим культурам, и мы не могли бы добиться этого, используя примеры безгосударственности только нашей собственной культуры. Автор и большинство людей, редактирующих эту книгу, — белые, и потому не удивительно, что описанное нами отражает наше происхождение. По сути, центральный вопрос этой книги — может ли анархия работать? — и сам кажется евроцентристским. Только люди, которые вычеркнули из памяти воспоминания о своём безгосударственном прошлом, могут спрашивать себя, нужно ли им государство. Мы понимаем, что не для всех эта область является историческим «слепым пятном» и что наша публикация может не быть особенно полезной для людей другого происхождения. Но мы надеемся, что, рассказывая истории культур и борьбы других обществ, мы поможем исправить евроцентризм, присущий некоторым из наших сообществ, и стать более хорошими союзниками и более хорошими слушателями, если бы люди из других культур захотели поведать нам свои истории.

Один из тех, кто прочитал этот текст, указал нам, что взаимность является фундаментальной ценностью для аборигенного мировоззрения. Вопрос, который он поставил перед нами, был таков: если анархисты, которые в большинстве своём являются европейцами или американцами, собираются брать уроки у аборигенов или других сообществ, культур и наций, что можем мы предложить взамен? Я надеюсь, что везде, где только можно, мы предлагаем солидарность — расширение борьбы и поддержки других людей, которые борются против власти, не называя себя анархистами. В конце концов, если нас вдохновляют некоторые другие общества, не должны ли мы делать больше для познания и помощи их текущей борьбе, без навязывания мировоззрения и политических ярлыков, обычно навешиваемых на анархистов?

Книга «Декolonизирующие методологии: исследование и коренные жители» Линды Тухивай Смит (Linda Tuhiwai Smith «Decolonizing Methodologies: Research and

Indigenous People», London, Zed Books, 1999) указывает на важные перспективы некоторых из этих тем.

Рекомендуемая литература

1. Errico Malatesta. *At the Cafe: Conversations on Anarchism*. London: Freedom Press, 2005.
2. The Dark Star Collective. *Quiet Rumours: An Anarcha-Feminist Reader*. Oakland: AK Press, 2002.
3. CrimethInc. *Days of War, Nights of Love*. CrimethInc. 2002.
4. Daniel Guerin. *Anarchism: From Theory to Practice*. New York: Monthly Review, 1996.
5. Bell hooks. *Ain't I a Woman? Black women and feminism*. Boston: South End Press, 1981.
6. Mitchell Verter and Chaz Bufe, eds. *Dreams of Freedom: A Ricardo Flores Magon Reader*. Oakland: AK Press, 2005.
7. Derrick Jensen. *A Culture of Make Believe*. White River Junction, Vermont: Chelsea Green, 2004.
8. Vine Deloria, Jr. *Custer. Died for Your Sins: an Indian Manifesto*. New York: Macmillan, 1969.
9. Ward Churchill. *From a Native Son: Selected Essays on Indigenism 1985-1995*, Cambridge: South End Press, 1999; или его интервью о местных культурах и анархизме в журнале *Upping the Anti*.

Человеческая природа

Анархизм бросает вызов типичной западной концепции человеческой природы, представляя общество, построенное на кооперации, взаимопомощи и солидарности между людьми, а не на соревновании и выживании наиболее «приспособленных».

Разве люди не эгоистичны по своей природе?

У каждого есть инстинкт собственной выгоды и способность так или иначе действовать в корыстных целях за счёт других. Но у каждого также есть инстинкт понимания потребностей окружающих людей, и каждый способен на благородные и самоотверженные поступки. Выживание человечества зависит от щедрости. В следующий раз, когда кто-то скажет вам, что коммунальное, анархистское общество не может функционировать из-за того, что люди эгоистичны по своей природе, посоветуйте ему перестать кормить собственных детей бесплатно, отказаться от помощи родителям, чтобы обеспечить им достойную старость, никогда не жертвовать на благотворительность и никогда не помогать соседям или не быть приветливыми с незнакомцами, если из этого нельзя извлечь выгоды. Будет ли он способен вести полноценную жизнь, доводя капиталистическую идеологию до логического заключения? Конечно же, нет. Даже спустя сотни лет подавления, общность и великодушие остаются жизненно важными для человеческого существования. И даже не надо обращаться к радикальным социальным движениям, чтобы получить примеры этого. Возможно, США на структурном уровне наиболее эгоистичная нация во всём мире: самая богатая из «развитых» стран, но средняя продолжительность жизни там одна из самых низких, потому что государство скорее позволит бедному умереть, чем обеспечит социальной поддержкой и бесплатной медициной. Но даже в США довольно просто найти институциональные примеры того, как коллективизм стал важной частью общества. Библиотеки предлагают объединённую сеть миллиона бесплатных книг. Общественные обеды и соседские барбекю собирают людей вместе, чтобы поделиться угощениями и насладиться компанией друг друга. А то ли ещё будет вне государства и капитала?

Товарно-денежные экономики существует всего несколько тысяч лет, а капитализм всего несколько сот лет. Последний, как показала практика, работает крайне скверно и ведёт к сильному неравенству в распределении богатства, крупнейшим голоданиям и худшей системе распределения за всю мировую историю — хотя (снимаю шляпу!) и создал немало чудесных устройств. Возможно, люди будут удивлены, узнав, насколько широко распространены были другие виды экономики, существовавшие ранее, и как сильно они отличались от капитализма.

Одной из экономик, развиваемых людьми на протяжении долгого времени на всех континентах, была экономика дарения. В этой системе, если у человека чего-то больше, чем ему необходимо, он отдаёт это. Он не назначает цену и не считает долги. Всё, что ты лично не используешь, можно отдать кому-то в качестве подарка, и, раздавая подарки другим, ты воодушевляешь их на щедрость и усиливаешь дружбу, которая позволяет тебе самому купаться в подарках. Многие экономики, основанные на дарении, просуществовали много тысяч лет и при этом оказались намного более эффективными в удовлетворении потребностей человека. Капитализм может значительно увеличить производительность, но ради чего? В одном конце типичного капиталистического города кто-то умирает от голода, в то время как в другой части этого же города кто-то поедает икру.

Западные экономисты и политологи вначале предполагали, что многие из этих экономик дарения были, на самом деле, бартерными экономиками: протокапиталистическими системами обмена, которым не хватало полноценной валюты: «Я дам тебе овцу за двадцать буханок хлеба». Как правило, эти общества сами себя описывали иначе. Позже антропологи, которые отправились жить в подобные общества и получили возможность раскрыть их культурные привычки, доказали европейцам, что многие из этих экономик, на самом деле, были экономиками дарения, в которых люди специально не вели учёт того, кто кому и что должен, чтобы способствовать развитию общества благородства и коллективизма.

Но эти антропологи, возможно, не знают, что такие экономики дарения никогда не были полностью подавлены на Западе; фактически, они постоянно возникают в рамках мятежных движений. Сегодня анархисты в Америке также являются примером людей, жаждущих отношений, основанных на благородстве и гарантии, что нужды каждого будут удовлетворены. В ряде городов и посёлков анархисты организовали дармарки (фримаркеты) — в основном, вещевые рынки без установленных цен. Люди приносят туда вещи, которые сделали сами или в которых они больше не нуждаются, и отдают их бесплатно прохожим или другим участникам мероприятия. Или они делятся навыками и умениями с другими. На одном ежемесячном бесплатном рынке в Северной Каролине:

«Двести или более совершенно разных людей собираются вместе в центре нашего города. Они приносят всё (от ювелирных украшений до дров), чтобы отдать это, и берут то, что им нужно. Там также стоят палатки, в которых предлагают ремонт велосипедов, парикмахерские услуги и даже гадание по картам Таро. Люди уходят с полноразмерными рамами для кровати и старыми компьютерами; если у них нет транспорта, чтобы перевезти их, то есть водители-добровольцы, готовые помочь. И это без каких-либо денег, никто не торгуется по поводу относительной стоимости товаров или услуг, никого не упрекают в том, что он в чём-то нуждается. Вопреки постановлению правительства, никакая плата не взимается за использование этого публичного пространства и никто не руководит. Иногда появляется марширующий оркестр, иногда проводится кукольное представление или люди просто

---

¹ Пиньята — мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или лёгкой обёрточной бумаги с орнаментом и украшениями; своей формой пиньята воспроизводит фигуры животных или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей — прим. пер.

выстраиваются в очередь, чтобы со всего размаху бить по пиньяте¹. Игры и общение можно увидеть повсеместно, каждый получает тарелку тёплой еды и сумку с бакалейными продуктами. На баннерах, висящих на ветвях деревьев и стропилах, написано: „ДЛЯ ОБЩИН, НЕ ДЛЯ ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ ИЛИ БЮРОКРАТОВ“ и „НИ ГРАНИЦ, НИ БОССОВ“; и расстелено огромное одеяло с радикальной литературой, но это не существенно для момента — это социальный институт, а не демонстрация.

Благодаря нашему ежемесячному бесплатному рынку, у каждого в нашем городе есть работающий пример анархистской экономики. Жизнь немного легче для тех из нас, у кого низкий доход или он отсутствует вовсе; и взаимоотношения развиваются в пространстве, где социальные классы и финансовые средства, по крайней мере временно, не существуют»².

Традиционное общество семаи в Малайзии основано на дарении, а не на бартере. Мы не можем найти записи самих семаи о своём обществе, но принципы работы этого сообщества описаны Робертом Дентаном — западным антропологом, который некоторое время жил среди семаи. Дентан пишет, что «система, с помощью которой семаи распространяют еду и услуги, является одной из самых важных взаимосвязей всего сообщества... Экономика обмена семаи больше похожа на рождественский обмен, нежели на коммерческий»³. Семаи рассматривают подсчёт ценности полученного или подаренного как «пунан», или табу. Другие широко распространённые правила: обязательно делиться всем, что у них есть и не нужно им в текущий момент; следует делиться с гостем или кем-либо ещё, кто попросил. Так же пунан — не делиться или отказать просьбе, но и просить больше, чем человеку требуется.

Многие другие сообщества также распределяют избыток и обмениваются подарками. Помимо укрепления социальных связей и наслаждения от деления со своим сообществом без алчного стремления к накоплениям, экономика дарения также может быть объяснена в рамках личных интересов. Обычно человек не в состоянии употребить всё, что он сам производит. Мясо с дневной охоты непременно испортится, прежде чем вы всё съедите. Инструмент, например, пила, большую часть времени будет лежать без дела, если он является собственностью только одного человека. Логичнее отдать мясо, которое ты не съешь, или поделиться пилой с соседом, потому что в будущем они поделятся с вами едой и инструментами. Таким образом, вы получите доступ к более широкому выбору еды и инструментов без эксплуатации кого-либо.

Но, насколько нам известно, представители экономик дарения будут объяснять свои действия не расчётливыми собственными интересами, а моральной стороной дела, рассматривая процесс раздачи подарков как правильный поступок. В конце концов, экономический избыток является результатом определённого взгляда на мир: это не неизбежный материальный факт, а социальный выбор. Со временем обществу приходится выбирать между общим улучшением жизни всех членов общества или же потреблением необходимого минимума, оставляя остальные блага на складах, контролируемых классом лидеров. Если группе охотников или собирате-

---

² «The Really Really Free Market: Instituting the Gift Economy», Rolling Thunder, No. 4 Spring 2007, p. 34.

³ Robert K. Dentan «The Semai: A Nonviolent People of Malaya». New York: Holt, Rinehart and Winston, 1979, p. 48.

лей повезёт и они принесут домой огромное количество еды, избыток не появится, если они считают нормальным поделиться с остальными, устроить настоящий пир или пригласить соседнее племя на вечеринку, пока всё не съедят. Но это, определённо, куда веселее, чем взвешивать каждый килограмм и рассчитывать процент заработанного.

Что же до бездельников, то даже когда люди не ведут бухгалтерию и не считают подарки, то рано или поздно они заметят, если кто-то постоянно отказывается делиться или вносить свою лепту, нарушая обычаи общества и чувство взаимопомощи. Постепенно подобные люди испортят свои отношения с окружающими и начнут терять удобства от жизни в обществе. Похоже, во всем известных экономиках дарения даже лентяям не отказывали в еде (в контраст капитализму!), кормление нескольких бездельников не принесёт значительных убытков ресурсам общества, в отличие от потакания жадной элите нашего общества. И потеря незначительного объёма ресурсов куда более предпочтительна, чем потеря сострадания и безучастие к гибели человека от голодной смерти. В более серьёзных случаях, когда подобный член общества пытается ещё больше паразитировать, пытаясь монополизировать ресурсы или заставить других работать на себя (другими словами, вести себя как капиталист), такой член общества может быть подвергнут остракизму или даже изгнан.

В некоторых безгосударственных обществах есть вожди, исполняющие ритуальные роли, обычно относящиеся к дарению и распределению ресурсов. По сути, понятие «вождь» может быть обманчиво, так как нам известно много обществ, у которых были, как классифицируют это на западе, «вожди», и в каждом из обществ роль «вождя» имела различные функции. Во многих обществах вожди не имели принудительной власти: в сферу их ответственности входила помощь при разрешении споров или исполнение ритуалов, и от них ожидали большей щедрости, чем от всех остальных. В конечном счёте, они работали более усердно и имели меньше богатств. Одно из исследований показало, что одной из распространённых причин смены вождя было признание старого вождя недостаточно щедрым⁴.

Разве люди соревнуются не от природы?

В западном обществе соревнования стали нормой жизни — неудивительно, что мы считаем подобное естественной формой человеческих взаимоотношений. С самого детства нас учат, что мы должны быть лучше остальных, чтобы чего-то стоить. Корпорации поощряют увольнение рабочих, лишая их доступа к пище и здравоохранению, позволяя тем самым этим корпорациям «оставаться конкурентоспособными». К счастью, всё не обязательно должно быть подобным образом. Индустриальный капитализм — всего лишь одна из тысяч форм организации общества, развитых людьми, и в любом случае не будет последней. Очевидно, что люди способны на соревнующееся поведение, но несложно увидеть, насколько наше общество поощряет подобные взаимоотношения и подавляет кооперативное поведение. Несчётное количество

---

⁴ Christopher Boehm, «Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy», *Current Anthropology*, Vol. 34, No. 3, June 1993.

общин по всему миру развили кооперативные формы проживания, которые значительно отличаются от норм, работающих при капитализме. Сейчас большинство этих общин стали частью капиталистического общества через колониализм, рабство, завоевания или уничтожение ареалов существования, но некоторые всё же остались, чтобы напомнить нам о великом разнообразии существовавших культур.

Охотники-собиратели мбути лесов Итури, центральная Африка, традиционно жили без правительства. По записям древних историков учёные сделали предположения, что мбути жили как безгосударственные охотники-собиратели ещё во времена египетских фараонов, и, по словам самих мбути, они всегда жили подобным образом. В разрез общему представлению, группы, подобные мбути, не изолированы или примордиальны. На самом деле у них есть постоянная связь с оседлым народом банту, проживающим недалеко от леса, и у них всегда было достаточно возможностей увидеть, на что похожи более развитые общества. В течение уже нескольких столетий мбути развили отношения обмена и дарения с соседними фермерами, сохраняя при этом свою идентичность «детей леса».

Сегодня несколько тысяч мбути всё ещё живут в лесах Итури и развивают динамичные взаимоотношения с меняющимся миром поселенцев, борясь при этом за собственный традиционный образ жизни. Другие мбути живут в поселениях вдоль новых дорог. Добыча колтана для мобильных телефонов — главный источник финансирования гражданских войн и разрушения поселений, сотрясающих регион и убивающих сотни тысяч жителей. Правительства Конго, Руанды и Уганды пытаются захватить контроль над этой многомиллиардной индустрией, которая работает в основном на США и Европу, в то время как сюда со всей Африки прибывают шахтёры в поисках работы. Вырубка лесов, рост населения и интенсивная охота для того, чтобы прокормить солдат и шахтёров, истощили дикую природу. При недостатке пищи и борьбе за территориальный контроль солдаты и шахтёры прибегают к зверствам, в том числе и к каннибализму, против мбути. Некоторые мбути призывают к международному суду против каннибализма и прочего насилия.

Европейцы, путешествовавшие по континенту во время колонизации, поместили мбути в собственные моральные рамки. Так как они встречали мбути только в деревнях фермеров банту, окружающих леса Итури, они сделали предположение, что мбути — примитивный класс слуг. В 1950-х гг. мбути пригласили западного антрополога Колина Торнбулла для проживания к себе в лес. Они терпели его грубые и невежественные вопросы и постепенно учили своей культуре. Описываемые им истории уходят далеко за пределы того, что западное мировоззрение считает возможным. Ко времени, когда антропологи, а впоследствии и западные анархисты, начали обсуждать, что мбути «значат» для их достопочтенных теорий, глобальные экономические институты тщательно разработали процесс геноцида, который угрожает полным уничтожением мбути. Однако многие западные писатели уже идеализировали или унизили мбути для создания аргументов за или против примитивизма, веганизма, феминизма и других политических программ.

Следовательно, возможно, самый важный урок, который можно извлечь из истории мбути, не тот, что анархия — кооперативное, свободное и относительно здоровое общество, но что свободное общество невозможно до тех пор, пока правительство пытается уничтожить любую искру независимости, пока корпорации уничтожают

население, чтобы производить сотовые телефоны, и якобы интересующиеся люди больше заняты этнографическими описаниями, чем борьбой за самобытность этого общества.

В описаниях Торнбулла мбути были решительно эгалитарными, они сводили к минимуму соревнования и развивали кооперацию между членами общества во многих вопросах организации своей жизни. Добывание еды было общим делом, а когда они охотились, то все принимали участие. Часть трясла кусты, в то время как вторая часть ждала в другом конце с сетями, ожидая выбегающих животных. Успешная охота была результатом эффективной совместной работы всех, и вся община разделяла добычу.

Дети мбути получали высокую степень автономии и проводили большую часть своего времени в секции лагеря, недоступной для взрослых. Одна из частых игр — взбираться на дерево до тех пор, пока их общий вес не наклонит дерево до земли. В идеале дети должны были одновременно отпускать дерево, и оно резко выпрямлялось. Но если кто-то делал это не синхронно с остальными и отпускал слишком поздно, то он улетал через деревья и хорошенько пугался. Подобные игры учили приоритету групповой гармонии над индивидуальными характеристиками, и обеспечивали ранние формы социализации в культуре добровольной кооперации. Военные игры и индивидуальные соревнования, характерные для западного общества, представляют значительно отличающуюся форму социализации.

Мбути также отвергают соревнования или даже чрезмерные гендерные различия. Вместо гендерных они используют похожие слова — т.е. вместо «сын» они говорят «ребёнок», «родственник» вместо «сестры» — за исключением родителей, где существует функциональное различие между тем, кто рождает и кормит молоком, и тем, кто обеспечивает другими формами заботы. У мбути есть важный ритуал для борьбы с гендерной конкуренцией. Как описывает Торнбулл, игра начинается с перетягивания каната, где женщины тянут одну сторону верёвки или лозы, а мужчины другую. Но как только одна из команд начинает побеждать, кто-нибудь из неё перебегает на вторую сторону, символически меняя гендер и становясь членом второй группы. Никто не побеждает, но в этом, похоже, и состоит суть. Групповая гармония восстанавливается.

Мбути традиционно рассматривают конфликт, или «шум», как общую проблему и угрозу гармонии группы. Если спорщики не могут разобраться сами, всё племя устраивает важный ритуал, который обычно длится всю ночь. Все собираются вместе для обсуждения, и если проблему не могут решить, молодёжь, которая играет обычно роль искателей справедливости, прокрадывается в ночь и начинает метаться вокруг лагеря, дуя в рог, издающий звук, похожий на рёв слона, символизируя то, как проблемы угрожают существованию всего племени. В особенно сложных спорах, которые нарушают гармонию группы, молодёжь может придать дополнительное выражение волнению, пробегая через лагерь, руша костры и жилища. Тем временем взрослые поют гармонию с двумя частями, создавая чувство кооперации и единства.

Мбути также подвержены своеобразному делению и объединению на протяжении года. Обычно под влиянием межличностных конфликтов группа делится на меньшие, создавая более близкие группы. У людей есть возможность найти своё место, вместо подавления проблемных конфликтов большой общиной. Спустя некоторое время путешествий и отдельной жизни, небольшие группы вновь объединяются —

после того, как конфликт остыл. В результате вся группа собирается вновь, и весь процесс начинается заново. Похоже, мбути синхронизировали социальные колебания в соответствии с экономической активностью таким образом, что в те времена года, когда необходима охота или собирательство в больших группах, они собираются вместе, а когда выгоднее заниматься собирательством или охотой в небольших группах, рассеянных по всем лесу, они разделяются на небольшие группы.

К несчастью для нас, ни экономические, ни политические, ни социальные структуры западного общества не созданы для кооперации. Когда наши рабочие места и социальный статус зависят от превосходства над такими же, как мы, «лузерами», уволенными или изгнанными из общества без заботы о том, как это ущемляет их достоинство, или о том, что человек не сможет прокормить себя, то неудивительно, что случаи конкуренции превосходят случаи кооперации. Но умение жить сообща не утеряно для тех, кто живёт под постоянным деструктивным влиянием капитализма. Социальная кооперация не ограничена обществами вроде мбути, которые обитают на последних клочках автономного мира. Жизнь в сотрудничестве возможна для всех прямо сейчас.

В начале 2000-х гг. в одном из самых индивидуалистических и конкурирующих обществ в мире государственная власть на некоторое время пала в одном городе. Несмотря на период катастрофы, с сотнями погибших и ограниченными ресурсами, необходимыми для выживания, незнакомцы объединились для содействия друг другу в духе взаимопомощи. Город, о котором говорится, — это Новый Орлеан после урагана Катрина в 2005 году. В конце концов, корпоративные медиа распространяли расистские истории о жестокости, о преступлениях, совершённых в основном чёрными, и мифы о полиции и национальной гвардии, героически спасавших жизни, сражаясь с бродячими бандами мародёров. Лишь позже признали, что эти истории — ложь. На самом деле большинство спасательных работ было проведено не полицией и профессионалами, а простыми жителями Нового Орлеана, как правило, в нарушение правительственного приказа⁵. Тем временем полиция отстреливала людей, которые выносили воду, подгузники и прочие жизненно необходимые ресурсы из магазинов, которые иначе бы выкинули из-за того, что наводнение сделало их непригодными для продаж.

Новый Орлеан не исключителен: каждый из нас может научиться кооперативному поведению, когда возникает необходимость или желание. Социологические исследования показали, что при природных бедствиях кооперация и солидарность среди людей усиливается, и обычные люди, а не правительства, добровольно выполняют большую часть спасательных работ и защищают друг друга во время кризиса⁶.

---

⁵ Amy Goodman «Louisiana Official: Federal Gov't Abandoned New Orleans», Democracy Now, September 7, 2005. Fox News, CNN и The New York Times ложно сообщали об убийствах и бродячих бандах насильников в Супердоуме, где находились беженцы после урагана Катрина. (Aaron Kinney «Hurricane Horror Stories», Salon.com)

⁶ Jesse Walker («Nightmare in New Orleans: Do disasters destroy social cooperation?», Reason Online, September 7, 2005) ссылается на исследование социолога E. L. Quarantelli, который обнаружил, что «после катаклизма социальные связи становятся прочнее, бурно развивается добровольческая деятельность, а насилие становится редкостью...».

Разве люди не всегда были патриархальны?

Одной из старейших форм угнетения и иерархии является патриархат — разделение людей на две строгие гендерные роли и доминирование мужчин над женщинами. Но патриархат не естественен и не универсален. Многие сообщества имели больше двух гендерных категорий и позволяли своим членам менять гендер. Некоторые даже создали уважаемые духовные роли для тех, кто не мог вписаться в один из основных гендеров. Большинство доисторических картин изображают людей неопределённого гендера или людей с непонятными, преувеличенными чертами мужского и женского. В таких обществах гендер был изменчив. В определённом смысле исторический переворот позволил сформироваться двум чётким, доведённым до идеала гендерам, которые мы сегодня считаем естественными. Исключительно с физиологической точки зрения многие абсолютно здоровые люди рождаются одинаково похожими на мальчика и/или девочку (интерсексными), с мужскими и женскими физиологическими характеристиками, демонстрируя, что эти категории существуют на подвижной почве. Бессмысленно заставлять людей, не вписывающихся в одну категорию, чувствовать себя неестественно.

Даже в нашем патриархальном обществе, где каждый вынужден верить в естественность патриархата, всегда существовало сопротивление. Большая часть квир⁷ и трансгендерного сопротивления принимает горизонтальную форму. Организация из Нью-Йорка под названием FIERCE! (СВИРЕПЫЕ!) объединяет широкий круг людей, исключённых и угнетённых патриархатом: трансгендеров, лесбиянок, геев, бисексуалов, двудуховных (почётная категория людей во многих культурах коренных американцев, не ассоциирующих себя чётко с мужчиной или женщиной), квир и сомневающихся (люди, которые не определились со своей сексуальностью или гендером или не чувствуют себя комфортно в какой бы то ни было категории). FIERCE! была основана в 2000 г. в основном цветной молодёжью с участием анархистов. Они придерживаются горизонтальной этики «организовано нами и для нас», активно связывают сопротивление патриархату, трансфобии и гомофобии с сопротивлением капитализму и расизму. Они участвуют в протестах против полицейского насилия в отношении трансгендерной и квир молодёжи; просвещают людей через документальные фильмы, зины⁸ и интернет; выступают за беспристрастное здравоохранение и против джентрификации⁹, особенно когда последняя угрожает уничтожением культурных и социальных пространств квир молодёжи.

Во время написания этой книги они наиболее активны в кампании против джентрификации района Кристофер Стрит Пьер — одного из немногих общественных мест для бездомной и малозарабатывающей цветной молодёжи, где можно встре-

---

⁷ Квир, от англ. queer – термин для обозначения всего отличного от гетероцентристской модели поведения; квир-идентичность позволяет одновременно сделать политическое заявление против гетеронормативности и вместе с тем отказаться от традиционной политики категоризации идентичностей – прим. пер.

⁸ Фэнзин, или зин, (англ. fanzine, от fan magazine) — любительское малотиражное периодическое или непериодическое издание (журнал, информационный бюллетень, фотоальбом, альманах и так далее). — прим. пер.

⁹ Джентрификация, или гентрификация, (англ. gentrification) — реконструкция и обновление строений в прежде нефешенебельных городских кварталах либо согласно программе запланированного

чаться и развивать общины. С 2001 года город пытается перестроить Пьер, усилилась полицейская агрессия и увеличилось количество арестов. Кампания FIERCE! объединила под одним лозунгом тех, кто хочет спасти место, и изменила ход публичных дебатов таким образом, что сейчас можно услышать не только правительство или частных предпринимателей. Отношение нашего общества к гендеру и сексуальности радикально изменилось за последние несколько столетий, в значительной степени благодаря таким группам, занимающимся прямым действием для создания вещей, которые считаются невозможными.

Сопротивление патриархату уходит глубоко в историю. В «старые добрые времена», когда гендерные роли были неприкосновенны и считались естественными, мы можем найти истории об утопиях, нарушавших предположение о естественности патриархата и представления о том, что прогресс цивилизации неуклонно ведёт нас от зверских истоков к более просвещённой чувствительности. По сути, идея полной свободы всегда играла роль в человеческой истории.

В 1600-ых гг. европейцы отправлялись в Северную Америку по различным причинам, создавая разнообразные колонии: они включали в себя экономики, построенные на рабстве, исправительные колонии, торговые сети, пытающиеся заставить коренное население добывать в больших количествах шкуры животных, и колонии, воплощающие в жизнь фундаменталистские религиозные утопии, основанные на полном истреблении коренных жителей. Но так же, как в рабских колониях, были свои повстанцы, в религиозных — свои еретики. Одним из таких еретиков, достойных нашего внимания, была Анна Хатчинсон. Анабаптистка, она сбежала из старого мира в Новую Англию от религиозного преследования, начала проводить женские собрания в своём доме и вести дискуссии по свободной интерпретации Библии. С ростом популярности этих собраний мужчины тоже начали их посещать. Анна добилась общей поддержки благодаря хорошо аргументированным идеям, выступая против рабства африканцев и коренных американцев, критикуя церковь и настаивая на том, что родиться женщиной — счастье, а не проклятье.

Религиозные лидеры колонии в заливе Массачусетс судили её за богохульство, но на суде она отстаивала свои идеи. Её прервали и заклеили как инструмент дьявола, а один из судей заявил: «Ты находишься не на своём месте. Ты предпочитаешь быть мужем, а не женой, пастором, а не слушателем, и магистратом, а не гражданином». После изгнания Анна Хатчинсон организовала группу (1637 г.) и основала поселение под названием Покассет. Для него намеренно выбрали место рядом с тем, где Роджер Вильямс, прогрессивный богослов, основал Providence Plantations — поселение, основанное на идее общего равенства, свободы для всех его обитателей и дружественных отношениях с коренным населением. Эти поселения впоследствии стали, соответственно, городами Портсмут и Провиденс, Род-Айленд. Чуть раньше они объединились, чтобы создать колонию Род-Айленд. По свидетельствам современников, оба поселения оставались в дружественных отношениях с соседним племенем

городского восстановления, либо в результате решений, принимаемых профессионалами и управляющими. Независимо от того, запланирована или не запланирована джентрификация, беднейшие жители часто переселяются, а их потребности не принимаются в расчёт. Этот процесс иногда называют городской рециркуляцией. — прим. пер.

Наррагансет. Поселение Роджера Вильямса располагалось на подаренной земле, в то время как группа Хатчинсон договорилась о бартере, чтобы купить землю.

Вначале сообщество Покассет было организовано при помощи избираемых представителей, и люди отказывались иметь руководителя. Поселение признавало равенство полов и суд присяжных; отменило смертную казнь, суды над ведьмами, аресты за долги и рабство; и допускало полную религиозную свободу. Вторая синагога в Северной Америке была построена в колонии Род-Айленд. В 1651 году один из членов группы Хатчинсон захватил власть в колонии и получил поддержку властей Англии в управлении колонией, но спустя два года поселенцы выкинули его, организовав мини-революцию. После этого инцидента Анна Хатчинсон осознала, что её религиозные верования противоположны «магистрату», или правительственной власти, и, говорят, в последующие годы своей жизни развивала политико-религиозную философию, близкую индивидуалистскому анархизму. Кто-то может сказать, что Хатчинсон и её коллеги опережали время, но в каждой исторической эпохе существуют истории о людях, создававших утопии, женщинах, защищавших своё равенство, мирянах, отрицавших монополию религиозных лидеров на истину.

За пределами западной цивилизации мы можем найти много примеров непатриархальных обществ. Некоторые безгосударственные общества намеренно сохраняли гендерную текучесть, как, например, описанные выше мбути. Многие общества приняли фиксированные гендеры и разделение ролей между мужчинами и женщинами, пытаясь при этом сохранить равенство между этими ролями. Некоторые из этих обществ принимают трансгендерные выражения — личностей, меняющих гендер или принимающих уникальную гендерную идентичность. В сообществах охотников и собирателей «резкое и жёсткое разделение труда между полами не универсально... [и в случае одного определённого общества] фактически любой жизненно необходимый труд может, а обычно и исполняется как мужчинами, так и женщинами»¹⁰.

Игбо из Западной Африки имели отдельные сферы деятельности для мужчин и женщин. Женщины отвечали за одни экономические задачи, а мужчины — за другие, и каждая группа обладала автономной властью над своими сферами. Эти сферы определяли, кто какие продукты производил, кто каких животных приручал и кто какие обязанности выполнял в саду или на рынке. Если мужчина вмешивался в женскую сферу деятельности или оскорблял жену, женщины проводили ритуал для восстановления баланса и наказания обидчика, который назывался «сидеть на мужчине». Все женщины собирались вокруг дома обидчика, кричали и оскорбляли его, чтобы ему стало стыдно. Если он не выходил извиниться, то женщины могли снести ограду вокруг здания и уничтожить прилегающие постройки. Если его оскорбление было достаточно тяжёлым, то женщины могли ворваться в дом, вытащить его оттуда и избить. Когда британцы колонизировали игбо, то они признали мужские институты и экономические роли, но проигнорировали или не заметили соответствующие женские сферы социальной жизни. Когда женщины игбо ответили на непристойное поведение британцев традиционной практикой «сидения на мужчине», то британцы, возможно, приняв это за женское восстание, открыли огонь, положив тем самым

---

¹⁰ Roger M. Keesing, Andrew J. Strathern, *Cultural Anthropology: A Contemporary Perspective*, 3rd Edition, New York: Harcourt Brace & Company, 1998, p.83.

конец ритуалу гендерного уравнивания и цементируя институт патриархата в колонизированном обществе¹¹.

Хауденосауни, европейцами названные Ирокезами, — матрилинейное эгалитарное общество на востоке Северной Америки. Они традиционно использовали несколько способов для уравнивания гендерных отношений. Несмотря на то, что европейская цивилизация использует гендерное разделение для социализации людей по жёстким ролям и притеснения женщин, квир и трансгендеров, гендерное разделение работы и социальных ролей среди хауденосауни существует для сохранения баланса: наличие определённых автономных ниш и функций для различных групп предоставляет большую свободу передвижения между гендерами, нежели это возможно в западном обществе. На протяжении веков хауденосауни координировали многие племена, используя федеративную структуру, и на каждом уровне организации были женские и мужские советы. На уровне, который можно назвать национальным, решавшем вопросы войны и мира, мужчины принимали финальное решение, хотя женщины обладали правом вето. На местном уровне у женщин было больше влияния. Базовая социально-экономическая единица, длинный дом, считалась принадлежащей женщинам, и у мужчин не было советов на этом уровне. Когда мужчина женился на женщине, то он переезжал к ней в дом. Любого мужчину, который плохо себя вёл, женщины могли выкинуть из длинного дома.

Западное общество привычно рассматривает «высокие» уровни организации как более важные и могущественные — даже язык, которым мы пользуемся, отображает это; но из-за того, что хауденосауни были децентрализованы и эгалитарны, более низкие или местные уровни организации, на которых женщины имели больше влияния, были важнее в повседневной жизни. Фактически, когда между различными племенами не было вражды, верховный совет мог не встречаться долгое время. Тем не менее, это не было «матриархальным» обществом: мужчин не использовали и не недооценивали, как в патриархальном обществе женщин. Скорее, каждая группа обладала определённой автономией и средствами для сохранения баланса. Вопреки вековой колонизации патриархальной культурой, многие группы хауденосауни сохранили традиционные гендерные взаимоотношения и всё ещё выделяются на фоне гендерно-угнетающих культур Канады и Соединённых Штатов.

Разве люди не воинственны по своей сущности?

Такие политические философы, как Томас Гоббс, и психологи, как Зигмунд Фрейд, предположили, что государство и цивилизация оказывают регулирующее действие на то, что они понимали под человеческой воинственностью и brutальным инстинктом. Представления массовой культуры о человеческом происхождении, как, например, первые сцены фильма «2001: Космическая Одиссея» или изображения в детских книгах супермужественного пещерного человека, сражающегося с мамонтом и саблезубым тигром, дают нам картину, которая может быть настолько же

---

¹¹ Judith Van Allen «Sitting On a Man»: Colonialism and the Lost Political Institutions of Igbo Women». Canadian Journal of African Studies. Vol. ii, 1972, pp. 211-219.

убедительной, как и воспоминания: доисторические люди вынуждены были сражаться друг с другом и даже с природой, чтобы выжить. Но если бы ранняя жизнь человечества была бы такой же кровавой и воинственной, как это описывает наша мифология, то человек бы просто вымер. Любой вид с репродуктивным циклом 15-20 лет, воспроизводящий обычно одного отпрыска за раз, не смог бы выжить, если бы вероятность смерти превышала пару процентов. Было бы математически невозможно для Homo Sapiens пережить эту воображаемую битву с природой и друг другом.

Анархисты давно заявляют, что война — продукт государства. Некоторые антропологические исследования выявили факты существования мирных безгосударственных обществ, и сведения об их военных стычках с другими безгосударственными обществами, которые были не более чем грубыми спортивными состязаниями с несколькими несчастными случаями¹². Естественно, что государство нашло своих защитников, которые занялись доказательством того, что война неминуема и поэтому не является порождением определённых структур угнетения. В монументальном исследовании «Война до цивилизации» Лоуренс Кийли («War Before Civilization» Lawrence Keeley) показал подробные примеры безгосударственных обществ, многие из которых принимали участие в агрессивной войне, и значительное большинство, как минимум, участвовало в оборонительной войне. Лишь крошечное меньшинство никогда не участвовало в войнах, и некоторые оставили свою родину во избежание войны. Кийли пытался показать, что люди воинственны, несмотря на то, что результаты его исследования продемонстрировали способность людей выбирать поведение из многих возможностей, в том числе принять войну и сражаться, избегать войны, но защищаться в ответ на агрессию, не знать войны вообще, ненавидеть её настолько, чтобы покинуть родину, а не сражаться. Вопреки названию книги, Кийли документировал войну после цивилизации, а не до. Большая часть его данных о незападных обществах получена от путешественников, миссионеров, солдат, торговцев и антропологов, оседлавших волны колонизации по всему миру, несущие территориальные и этнические конфликты в заранее неизвестных масштабах через массовое порабощение, геноцид, оккупацию, преимущественную христианизацию и внедрение нового оружия, болезней и аддитивных веществ. Не стоит и говорить о том, что цивилизационное влияние колонизаторов породило войну на границах.

В исследовании Кийли называет военизированными общества, которые были мирными многие сотни лет, но их прогнали с их земли, и они были вынуждены выбирать между голодной смертью или вторжением на соседскую территорию, чтобы найти место для проживания, и выбрали последнее. Факт в том, что в условиях глобального колониализма, геноцида и порабощения любое общество, остающееся

---

¹² Johan M.G. van der Dennen «Ritualized 'Primitive' Warfare and Rituals in War: Phenocopy, Homology, or...?» <http://rechten.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/Algemeen/overigepublicaties/2005enouder/RITU>. Помимо прочих примеров ван дер Деннен рассказывает о горцах Новой Гвинеи, среди которых различные группы, встретившись, выкрикивали оскорбления и стреляли стрелами без перьев, которыми нельзя прицелиться, в то время как другая группа со стороны кричала, что неправильно братьям сражаться друг с другом, и пыталась уладить конфликт до того, как прольётся кровь. Источником этих данных послужила книга Rappaport R.A. (1968) «Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People». New Haven: Yale University Press.

мирным, доказывает, что если человек действительно захочет, то сможет быть мирным даже в худших условиях. Не говоря уже о том, что в таких условиях нет ничего неправильного в том, чтобы отвечать на агрессию!

Война может быть результатом естественного человеческого поведения, но и мир является таковым. Насилие определённо существовало до государства, но государство развило войну и доминирование до небывалого уровня. Как отметил один из величайших сторонников войны: «Война — здоровье государства». Не будет ошибкой сказать, что институты власти в нашей цивилизации (медиа, научное сообщество, правительство, духовенство) преувеличили распространённость войны и занизили возможности мира. Эти институты инвестируют в непрекращающиеся войны и захваты; они делают на этом деньги, а попытки создать более мирное общество угрожают их существованию.

Одна из таких попыток — Лагерь Мира Фаслэйн: расположен на захваченной земле за пределами Шотландской Военно-Морской Базы Фаслэйн, на которой расположены ядерные ракеты Тридент. Лагерь Мира — массовое выражение желания мирного общества, организован на анархистских и социалистических началах. Лагерь Мира Фаслэйн существует с июня 1982 года и на данный момент хорошо оснащён: имеются горячая вода и душевые, общественная столовая и зал, 12 домов на колёсах, а также место для гостей. Лагерь Мира служит базой для протестов, во время которых перекрывают дороги, закрывают ворота и даже проникают на саму базу для акций саботажа. Существует широкое сопротивление, инициированное Лагерем Мира, против военной базы; и некоторые политические партии призвали к закрытию базы. В сентябре 1981 года группа женщин из Уэльса организовала похожий лагерь — Лагерь Мира Женской Общины Гринхэма, рядом с базой ВВС в Беркшире, Англия, на которой хранились крылатые ракеты. Женщин прогнали силой в 1984 году, но они сразу же вернулись обратно, и к 1991 году последняя ракета была вывезена. Лагерь оставался на месте до 2000 года, когда женщины получили право поставить победный мемориал.

Эти лагеря мира имеют некоторые общие черты с общиной толстовцев «Жизнь и Труд» — сельскохозяйственной коммуной, созданной под Москвой в 1921 году последователями пацифистских и анархистских идей Льва Толстого. Её члены (около тысячи человек в её лучшие времена) были не в ладах с советским правительством, так как отказывались служить в армии. Из-за этого в 1930 году власти, в конце концов, общину закрыли, но на протяжении её существования коммунары создали большую самоорганизованную коммуну, существовавшую в гармонии и сопротивлении.

Движение католических рабочих зародилось в Штатах в 1933 году в ответ на Великую депрессию, но сегодня большинство из 185 общин движения в Северной Америке и Европе сфокусировано на противодействии милитаризму правительства и создании основы мирного общества. Неразрывно с их противостоянием войне идёт и их преданность социальной справедливости, что доказывают бесплатные столовые для нуждающихся, приюты и прочие услуги для помощи бедным — неотъемлемая часть любого дома католиков-рабочих. Несмотря на то, что они христиане, они критикуют церковную иерархию и проповедуют терпимость ко всем религиям. Они также антикапиталисты, проповедующие добровольную бедноту и «распределительный коммуитаризм; самодостаточность через фермерство, занятие ремёслами

и экологичные технологии; радикально новое общество, в котором люди будут рассчитывать на плоды своего тяжёлого труда; чувство общности и справедливости при разрешении конфликтов»¹³. Некоторые участники католического рабочего движения даже называют себя Христианскими Анархистами. Коммуны католиков-рабочих, которые действуют как общины или центры помощи бедным, обычно служат базой для протестов и прямого действия против военных. Участники католического рабочего движения входят на военные базы для саботирования вооружения, затем ждут там полицию и намеренно отправляются в тюрьму в продолжение своего протеста. Некоторые из их коммун предоставляют убежище жертвам войны, таким как выжившие после пыток, бежавшие от результатов американского империализма в другие страны.

Насколько мирным будет созданное нами общество, если мы сможем преодолеть воинственность государств и воспитать новые ценности в нашей культуре? Семаи, фермеры из Малайи (западной части Малайзии), характеризуются одним показателем: у них на 100000 человек приходится 0,56 убийств в год; сравните с Норвегией (0,86), США (6,26) и Россией (20,20)¹⁴. Это может быть связано с их методом воспитания детей: традиционно семаи не бьют своих детей и проявляют уважение к независимости детей. Это нормальные ценности в их обществе. Одним из немногих случаев, когда взрослые могут вмешаться, является драка или ссора. В этом случае взрослые, оказавшиеся поблизости, разнимают детей и отводят их по домам. Главной силой, поддерживающей миролюбие семаи, является упор на обучение самоконтролю и огромная роль общественного мнения в обществе, которое нацелено на сотрудничество.

По словам Роберта Дентана, западного антрополога, который некоторое время жил с ними, «насилие почти не присутствует в обществе семаи. Насилие, в действительности, похоже, пугает семаи. Семаи отвечают на силу не силой, а пассивностью и отступлением. Тем не менее, у них нет никакого институционализованного пути предотвращения насилия — нет социального контроля, полиции или судов. Каким-то образом семаи учатся держать в узде агрессивные импульсы»¹⁵. Впервые они участвовали в войне, когда британцы рекрутировали их на борьбу с коммунистическим восстанием в начале 1950-х гг. Очевидно, что воинственность не неизбежна и определённно не является человеческой потребностью — скорее, это следствие политических, социальных и экономических устройств, и эти устройства мы сможем формировать сами.

---

¹³ «The Aims and Means of the Catholic Worker», The Catholic Worker, May 2008.

¹⁴ Graham Kemp, Douglas P. Fry (eds.), *Keeping the Peace: Conflict Resolution and Peaceful Societies around the World*, New York: Routledge, 2004. Показатель уровня убийств семаи на стр. 191, остальные показатели — стр. 149. Низкий уровень убийств в Норвегии также показывает, что и индустриальные общества могут быть мирными. Стоит также отметить, что в Норвегии разрыв между богатыми и бедными один из самых низких, а также низок уровень доверия полиции и тюрьмам. Большинство гражданских дел в Норвегии решается через посредничество (стр. 163).

¹⁵ Robert K. Dentan, *The Semai: A Nonviolent People of Malaya*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1979, p. 59.

Разве доминирование и власть не естественны?

В наши дни сложно найти идеологическое обоснование необходимости государства. Множество исследований доказывают, что многие человеческие сообщества были строго эгалитарными. И даже при капитализме многие люди продолжают создавать эгалитарные сети и сообщества. Чтобы согласовать этот факт и мнение, что эволюция представляет собой жёсткую конкуренцию, некоторые учёные постулировали «эгалитарный синдром», создав теорию, что люди менялись так, чтобы жить в сплочённых однородных группах, в которых передача генов участников гарантировала не выживание индивида, а выживание группы.

В соответствии с этой теорией, кооперация и эгалитаризм преобладали в этих группах, потому что у всех был генетический интерес в том, чтобы группа выжила. Генетическое соревнование возникло между группами, и группы, лучше заботящиеся о своих членах, были теми, кто передавал свои гены. Прямое генетическое соревнование между индивидуумами уступило конкуренции между различными группами, использующими различные социальные стратегии, и люди, таким образом, развили целую массу социальных навыков для лучшего взаимодействия. Это сможет объяснить, почему на протяжении большей части существования человечества мы жили в сообществах со слабой иерархией или вообще без неё до тех пор, пока новые технологии не позволили некоторым сообществам расслоиться и начать доминировать над соседями.

Нельзя сказать, что доминирование и власть неестественны, а технологии были запретным плодом, испортившим невинное человечество. На самом деле, некоторые сообщества охотников и собирателей были настолько патриархальными, что использовали групповое изнасилование как форму наказания женщин, а некоторые сообщества с сельским хозяйством и металлическими орудиями были яростно эгалитарными. Некоторые люди с северо-западного побережья Тихого океана Северной Америки представляли собой оседлые группы охотников и собирателей и имели сильно расслоённое общество с классом рабов. И на другом конце технологического спектра кочевые охотники и собиратели из Австралии были под властью старейшин-мужчин. Старики могли иметь много жён, хотя у молодых не было жён вообще, а женщин, по сути, расценивали как социальную собственность¹⁶.

Люди способны как на авторитарное, так и на антиавторитарное поведение. Горизонтальные сообщества, которые не были намеренно антиавторитарными, могли принять принудительную иерархию, когда новые технологии давали такую возможность, и даже без технологий они могли превратить жизнь групп, считающихся низшими, в ад. Похоже, наиболее распространёнными формами неравенства среди эгалитарных сообществ в других планах были гендерная и возрастная дискриминации, которые могли приучить общество к неравенству и создать прообраз иерархической лестницы, где управляли мужчины-старейшины. Эта структура могла

---

¹⁶ Dmitri M. Bondarenko и Andrey V. Korotayev, *Civilizational Models of Politogenesis*, Moscow: Russian Academy of Sciences, 2000 (На русском языке см. Коротаев А.В., Бондаренко Д.М. Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование // *Алгебра родства* / Сост. и отв. ред. В.А. Попов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб.: МАЭ РАН, 2001. — Вып. 7. — прим. пер.)

стать более властной с появлением металлических инструментов и оружия, излишка, городов и т. п.

Но дело в том, что эти формы неравенства не были неизбежны. Сообщества, не одобрявшие авторитарное поведение, сознательно избежали развития иерархии. На самом деле, многие сообщества отвергли централизацию и технологии, допуская доминирование. Всё это показывает, что история — не односторонняя дорога. К примеру, марокканские имазигены (в переводе «свободные люди» или «люди земли» — прим. пер.), или берберы, не сформировали централизованной политической системы за последние несколько веков, хотя прочие сообщества вокруг них это сделали. «Установление династии почти что невозможно, — пишет один из их исследователей, — из-за того факта, что вождь постоянно борется с восстаниями, которые, в конце концов, становятся успешными, и система возвращается к старому децентрализованному анархистскому порядку»¹⁷.

Какой фактор позволяет сообществам избежать доминирования и принудительной власти? Исследование Кристофера Боэма, наблюдавшего десятки эгалитарных сообществ на всех континентах, включая собирателей, садоводов, фермеров и пастухов, показали, что одним из главных факторов является сознательное желание оставаться антиавторитарными — антиавторитарная культура. «Главная и непосредственная причина эгалитарного поведения — моральная уверенность части основных политических деятелей локальной группы в том, что никто из членов сообщества не должен доминировать над остальными»¹⁸. Кажется, что, скорее, не культура определяется материальными условиями, а что культура создаёт социальную структуру, которая воспроизводит материальные условия.

В некоторых ситуациях определённые формы лидерства неизбежны, так как у некоторых людей больше навыков или они более харизматичны. Сознательные эгалитарные сообщества отвечают на такую ситуацию не регламентацией позиции лидера, не наделением его какими-либо особенными привилегиями, а поощрением культуры, осуждающей людей, выставляющих напоказ своё лидерство или пытающихся добиться власти над другими. Более того, пост лидера занимают разные люди в зависимости от ситуации или необходимости в навыках для решения имеющейся проблемы. Лидеры на охоте отличаются от лидеров при строительстве или во время церемоний. Если человек в роли лидера пытается добиться большей власти или доминировать над себе подобными, остальная часть группы использует «механизм намеренного выравнивания»: ряд действий для того, чтобы вернуть лидера обратно на землю. К примеру, во многих антиавторитарных сообществах охотников и собирателей наиболее умелые охотники подвергаются критике и высмеиванию, если их заметят за хвастовством или использованием талантов для раздутия своего эго, а не для выгоды всей группы.

Если социальное давление не работает, то происходит эскалация санкций, и во многих эгалитарных сообществах, в конечном счёте, лидера, который неисправимо авторитарен, изгоняют или убивают задолго до того, как он обретёт власть, позво-

---

¹⁷ Harold Barclay «People Without Government: An Anthropology of Anarchy», London: Kahn and Averill, 1982, p. 98.

¹⁸ Christopher Boehm «Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy», Current Anthropology, Vol. 34, No. 3, June 1993.

ляющую вынуждение. Эти «обратные иерархии подчинения», при которых лидеры должны подчиняться общей воле, так как они бессильны в сохранении позиции лидера без поддержки, появились во многих обществах и функционировали в течение продолжительного времени. Записи Боэма о некоторых эгалитарных сообществах свидетельствуют о существовании вождя или шамана, игравшего ритуальную роль или роль беспристрастного примирителя в спорах; другие коллективы назначали лидеров в сложные времена или имели вождя на период мира и вождя на время войны. Но эти позиции лидеров не являются властными и спустя сотни лет не развились до авторитаризма. Обычно люди, исполняющие эти роли, рассматривают их как временную социальную нагрузку, от которой они хотели бы быстрее избавиться из-за высокого уровня критики и ответственности во время выполнения этих ролей.

Европейская цивилизация на протяжении истории демонстрировала более высокий уровень терпимости к авторитаризму, чем эгалитарные сообщества. Хотя политические и экономические системы, которые станут современным государством и капитализмом, развивались в Европе, всё равно существовало определённое количество бунтов, демонстрировавших, что даже здесь власть – обман. Одним из величайших восстаний была Крестьянская Война XVI века в Германии. В 1524 и 1525 годах 300 000 крестьянских повстанцев вместе с городскими жителями и частью низшего дворянства восстали против владельцев собственностью и церковных иерархов, начав войну, которая оставила около 100 000 убитых в Баварии, Саксонии, Тюрингии, Швабии, Эльзасе, а также на территории современной Швейцарии и Австрии. Правители и духовенство Священной Римской Империи регулярно увеличивали налоги на постоянно повышающиеся административные и военные расходы, так как становилось всё больше и больше административных служащих. Ремесленники и городские рабочие пострадали от этих налогов, но крестьянам досталась самая тяжёлая ноша. Для увеличения власти и доходов принцы загнали крестьян в неволю и возродили римское право, которое устанавливало частную собственность на землю: что-то вроде шага назад от феодальной системы, при которой владение землёй было основано на определяющих права и обязанности соглашения между крестьянином и лордом.

Тем временем представители старой феодальной иерархии, такие как рыцари и духовенство, начали приходить в упадок и конфликтовать с другими представителями правящего класса. Новый меркантильный класс бюргеров, также как и многие правители, противостоял привилегиям духовенства и консервативных структур Католической Церкви. Новая менее централизованная структура, сила которой основывалась на советах в городах, глашатаем которой выступал Мартин Лютер, позволила подняться новому политическому классу.

За несколько лет до начала Войны какое-то количество анабаптистских проповедников начало путешествовать по региону, распространяя революционные идеи против политической власти, церковных доктрин и даже против реформ Мартина Лютера. Среди этих людей были Томас Дрешель, Николас Сторч, Марк Томас Стюбнер и самый известный — Томас Мюнцер. Некоторые из них выступали за полную религиозную свободу, прекращение принудительного крещения и отмену правительства на земле. Не говоря уже о том, что их преследовали католические власти и сторонники Лютера, их изгнали из многих городов, но они продолжили путешествовать по

Богемии, Баварии и Швейцарии, находя сторонников и подогревая крестьянскую непокорность.

В 1524 году крестьяне и городские рабочие встретились в регионе Шварцвальд¹⁹ и составили «Двенадцать статей»²⁰. Организованное ими движение быстро разрослось. Статьи со ссылками на Библию использовались как обоснование и призывали к отмене крепостного права и установлению свободы для всех; требовали избираемой муниципальной власти с полномочиями избирать и снимать с должностей священников; требовали отмены налогов на скот и наследство; требовали отменить привилегии дворянства устанавливать произвольные налоги; выступали за свободный доступ к воде, охоте, рыболовству и лесу и за восстановление общинных земель, отнятых дворянами. Другим печатным и распространяемым повстанцами текстом было Земское устройство, которое разъясняло модель социального порядка, основанного на федеративных муниципалитетах. Менее образованные представители движения были даже более радикальны, насколько можно судить по действиям и фольклору, который они оставили после себя; их целью было стереть с лица земли дворянство и установить мистическую утопию «здесь и сейчас».

Социальные трения со временем усилились из-за того, что власти пытались предотвратить восстания, запретив любые сельские общественные мероприятия, как, например, народные фестивали или свадьбы. В августе 1524 года ситуация наконец взорвалась в Штюлингене в регионе Шварцвальда. Графиня потребовала от крестьян предоставить дополнительный урожай на церковный праздник. Вместо этого крестьяне отказались платить все налоги и создали армию из 1 200 человек под предводительством бывшего наёмника Ганса Мюллера. Они отправились в город Вальдсхут, где к ним присоединились городские жители, а после промаршировали к замку в Штюлингене и начали его осаду. Поняв, что им нужна военная организация, они сами избрали капитанов, сержантов и капралов. В сентябре они оборонялись от габсбургской армии (бой не имел решающего значения) и позже отказались сложить оружие и просить прощения, когда от них требовали сделать это. Той осенью крестьянские забастовки, отказы платить десятину и восстания вспыхивали по всему региону из-за того, что крестьяне расширили свою политику сопротивления угнетению от индивидуальных жалоб до объединённого отказа в признании всей феодальной системы.

С весенней оттепелью 1525 года бой возобновился с ещё большей яростью. Крестьянские армии захватили города и казнили большое количество представителей духовенства и дворян. Но в феврале Швабская Лига – альянс местных дворян и духовенства – добилась победы в Италии, где они боролись совместно с Карлом V. Таким образом, появилась возможность вернуть войска и направить их на борьбу с крестьянами. Тем временем Мартин Лютер, буржуазия и прогрессивные правители отказались от поддержки революционных крестьян и призывали к их уничтожению; они хотели реформировать систему, а не уничтожить её. Восстание, в свою очередь,

---

¹⁹ Шварцвальд, от нем. Schwarzwald — «чёрный лес» — горный массив в земле Баден-Вюртемберг на юго-западе Германии — прим. пер.

²⁰ Двенадцать статей (нем. Zwölf Artikel) — манифест Реформации и Крестьянской войны в Германии, часть требований крестьян в борьбе за свои права. Был принят в 1525 году в Швабии, в имперском городе Меммингене. — прим. пер.

уже значительно дестабилизировало властную структуру. В конце концов, революционная армия была решительно разгромлена 15 мая 1525 года под Франкенхаузенем; Мюнцер и остальные влиятельные лидеры восстания были схвачены и казнены, а восстанию был положен конец. Тем не менее, в последующие годы анабаптистское движение распространилось по Германии, Швейцарии и Нидерландам, крестьянские восстания продолжали вспыхивать в надежде на то, что в один прекрасный день государство и церковь будут навсегда уничтожены.

Капитализм и современные демократические государства со временем преуспели в установлении самих себя, но их всегда преследовал призрак восстаний снизу. В рамках государственных обществ всё ещё существует возможность организовываться без иерархии, и всё ещё существует возможность создания антиавторитарных культур, которые могут заставить возможных лидеров спуститься с небес на землю. Соответственно, большая часть сопротивления мировой власти организована горизонтально. Всемирное антиглобалистское движение возникло, по большому счёту, из восстания сапатистов Чиапаса, автономов и анархистов Европы, фермеров и рабочих Кореи и народных восстаний против таких финансовых институтов, как МВФ, происходивших по всему миру от Южной Африки до Индии. Для сапатистов и автономов особенно характерна антиавторитарная культура, явный отрыв от иерархического марксизма-ленинизма, который доминировал в международной борьбе предыдущих поколений.

Антиглобалистское движение показало себя в качестве глобальной силы в июне 1999 года, когда сотни тысяч людей в городах от английского Лондона до нигерийского Порт-Харкорта организовали на улицах J18 Карнавал Против Капитализма; в ноябре этого же года участники этого же движения шокировали мир закрытием саммита Всемирной Торговой Организации в Сиэтле.

Наиболее выдающимся моментом в этом глобальном сопротивлении было то, что оно было организовано горизонтально различными организациями и аффинити-группами²¹, создававшими новые формы консенсуса. У этого движения не было лидеров, и оно находилось в постоянной оппозиции любым формам власти, развивавшимся внутри него. Тех, кто хотел постоянно пребывать в роли вождя или оратора, изгоняли (или даже размазывали по его лицу пирог – как это было с видным организатором Медея Бенджамином на Американском Социальном Форуме в 2007 году).

При отсутствии лидеров, избегая формальной организации, постоянно критикуя внутреннюю динамику власти и изучая более эгалитарные способы организации, антиглобалистские активисты продвинулись вперёд и достигли тактических побед. В Праге в сентябре 2000 г. 15 000 протестующих смогли победить массовое полицейское присутствие и сорвать последний день саммита Международного Валютного Фонда.

---

²¹ «Аффинити-группа», или «группа близости» (от англ. affinity — близость, родство), — круг друзей, знающих достоинства, слабости, жизнь друг друга, уже установивших общий язык и намеревающихся достигнуть одну или несколько целей. Аффинити-группа — не временное образование, а удобная меняющаяся структура, созданная на основе сообщества заинтересованных, доверяющих друг другу людей. Кто-то может действовать совместно снова и снова в рамках аффинити-группы, но её члены также могут участвовать в деятельности других аффинити-групп, дробиться на более мелкие аффинити-группы, а также действовать вне каких бы то ни было аффинити-групп. — прим. пер.

В Квебеке в апреле 2001 г. протестующие прорвали ограду вокруг саммита, планировавшего соглашение об американской зоне свободной торговли (ФТАА); полиция настолько заполнила улицы слезоточивым газом, что он просочился даже в здание, где проходили переговоры. В результате многие жители города стали предпочитать протестующих. Полиция была вынуждена увеличить репрессии для остановки разрастающегося антиглобалистского движения; они арестовали 600 человек и ранили из огнестрельного оружия троих во время саммита ЕС в Швеции в 2001 г., а через месяц убили анархиста Карло Джулиани во время протестов против большой восьмёрки в Генуе, где собралось 150 000 человек, чтобы выразить протест против конференции представителей восьми наиболее могущественных правительств.

Сеть Dissent! возникла из европейского антиглобалистского движения для организации масштабных протестов против G8 в Шотландии в 2005 г. Сеть также организовывала крупные протестные лагеря и блокады против G8 в Германии в 2007 г., а также помогала с мобилизацией против G8 в Японии в 2008 г. Без централизованного лидерства или иерархии сеть обеспечивала связь между группами из различных городов и стран и организовывала большие собрания для обсуждения и принятия стратегий по предстоящим действиям против G8. Стратегии были направлены на разнообразие тактик, таким образом, что многие аффинити-группы могли организовывать взаимоподдерживаемые действия в рамках общей схемы, вместо исполнения приказов центральной организации. К примеру, план блокады может определить одну дорогу, ведущую к саммиту, зоной для людей предпочитающих мирные или театральные тактики, в то время как другой путь может быть обозначен для людей, желающих возводить баррикады и защищаться от полиции. Эти стратегические встречи собирали людей из десятка стран и переводились на многие языки. Впоследствии флаеры, объявления, заявления и критика были переведены и размещены на вебсайтах. Анархистские формы координации, используемые протестующими, не раз доказывали свою эффективность при конфронтации с полицией, а иногда и помогали перехитрить её и корпоративные медиа, на службе у которых были многотысячные команды оплаченных профессионалов, снабжённые средствами связи и слежки, а также ресурсами, намного превосходящими то, что было доступно движению.

Антиглобалистское движение можно сравнить с антивоенным движением, возникшим в ответ на Борьбу с Терроризмом. После 11 сентября 2001 г. мировые лидеры попытались ослабить растущее антикапиталистическое движение, определив терроризм как врага номер один, таким образом, представив нарратив глобального конфликта в новом контексте. После распада Советского Блока и окончания Холодной Войны им необходима была новая война и новая конфронтация. Людям был дан выбор между иерархической статичной властью демократии или фундаменталистскими террористами, вместо выбора между доминированием и свободой. В обстановке реакции, последовавшей сразу же за событиями 11 сентября, в антивоенном движении стали преобладать реформисты и иерархически организованные группы. Несмотря на то, что 15 февраля 2003 г. антивоенный протест стал крупнейшим протестным днём в истории человечества, организаторы намеренно направили энергию участников в строго контролируемые ритуалы, которые не бросали вызов

военной машине. В течение двух лет антивоенное движение полностью потеряло импульс, подготовленный во время антиглобалистской эры.

Антивоенное движение не смогло остановить оккупацию Ирака, или даже поддержать само себя, потому что люди не воодушевляются и не удовлетворяются пассивным участием в символических спектаклях. В отличие от этого, эффективность децентрализованных сетей можно увидеть во многих победах антиглобалистского движения: закрытии саммитов, коллапсе ВТО и ФТАА, драматичном сворачивании форумов МВФ и ВБ²². Это неиерархическое движение продемонстрировало, что у людей есть желание освободиться от доминирования, что у них есть способность взаимодействовать в антиавторитарной манере даже в больших группах незнакомцев различных национальностей и культур.

Таким образом, доказательства (от научных исследований истории человечества и до практики протестующих, создающих историю сегодня) значительно противоречат государственному взгляду на человеческую природу. То, что у человечества не было единой траектории развития, видится более реальным, чем то, что люди произошли от жёстко авторитарных предков и позже трансформировали эти инстинкты в конкурирующие системы, основанные на покорности руководству. наших предков, судя по всему, можно было вписать в диапазон от строгого эгалитаризма до небольшой иерархии с относительно равным распределением богатства. Когда всё же появились иерархии с принуждением, то они не быстро распространились повсюду, а обычно вызвали значительное сопротивление. Даже в сообществах, управляемых авторитарными структурами, сопротивление является такой же частью социальной реальности, как доминирование и подчинение. Более того, государство и авторитарная цивилизация — не последние остановки в человеческой истории. Хотя мировая революция всё ещё не произошла, у нас есть много примеров постгосударственных сообществ, в которых мы можем увидеть намёки на безгосударственное будущее.

Полвека назад антрополог Пьер Кластре сделал вывод, что безгосударственные и антиавторитарные сообщества, которые он изучал в Южной Америке, не были пережитком первобытной эры, как предполагали другие западные исследователи. Он утверждал, что, наоборот, они отлично знали о возможности возникновения государства и самоорганизовывались, чтобы предотвратить это. Выяснилось, что многие из них были, на самом деле, постгосударственными сообществами, основанными беженцами и повстанцами, которые бежали из ранних государств или уничтожили их. Аналогично, анархист Питер Ламборн Уилсон предположил, что антиавторитарные сообщества в восточной части Северной Америки были созданы в противовес иерархическим хоупвеллским сообществам, строившим курганы, и последние исследования, похоже, подтверждают это предположение. То, что другие интерпретировали как доисторические этносы, — было конечным результатом политических движений.

Казачи, проживавшие по российским границам, — ещё один пример этого феномена. Их сообщества были основаны людьми, бежавшими от рабства и прочих неудобств государственного угнетения. Они научились верховой езде и развили

---

²² Победы движения и проигрыш МВФ и ВБ обсуждаются в статье Дэвида Гребера «Шок Победы», Роллинг Сандер, №5, весна 2008 (David Graeber «The Shock of Victory», Rolling Thunder no. 5, Spring 2008).

боевые искусства для выживания в приграничных условиях и самозащиты от соседних государств. В конце концов, их начали рассматривать как этническую группу с привилегией автономии, а царь, от которого отказались их предки, стремился сделать их военными союзниками.

По словам йельского политолога Джеймса С. Скотта, всё в подобных сообществах — от зёрен, из которых они выросли, до систем родства — можно рассматривать как антиавторитарные социальные стратегии. Скотт задокументировал горцев в юго-восточной Азии — скопление сообществ на сильнопересеченной местности, где хрупкие государственные структуры проявляют серьёзные недостатки. На протяжении сотен лет эти сообщества противостояли государственному доминированию, включая частые завоевательные войны или зачистки Китайской империей и периоды постоянных атак работорговцев. Культурное и лингвистическое разнообразие в горах экспоненциально больше, чем в долинах и на рисовых полях, контролируемых государствами, где укрепилась монокультура. Горцы обычно говорят на многих языках и принадлежат к нескольким этносам. Их социальная организация приспособлена для быстрого и лёгкого рассеивания и сбора, позволяющих им избегать нападений и вести партизанские войны. Их система родства основана на пересекающихся и многообразных отношениях, создающих сильную социальную сеть и ограничивающих формализацию власти. Их устные культуры куда более децентрализованы и гибки, нежели культуры, использующие письменность, в которых опора на написанные слова поощряет ортодоксальность и даёт дополнительную власть тем, у кого есть возможность вести записи.

У горцев интересные отношения с окружающими государствами. Жители долин рассматривают их как «живых предков», несмотря на то, что они возникли как следствие цивилизации долин. Они находятся в постгосударственном состоянии, а не догосударственном, но идеология государства отказывается признавать такие категории как «постгосударственность», потому что государство рассматривает себя как вершину прогресса. Жители цивилизаций долин часто «отправлялись в горы», чтобы жить более свободной жизнью; тем не менее, повести и мифология китайцев, вьетнамцев, бирманцев и других авторитарных цивилизаций до Второй мировой войны, похоже, были созданы для того, чтобы предотвратить «возвращение» к тем, кого они считали варварами. По мнению некоторых учёных, Великая Китайская Стена была построена скорее для того, чтобы удержать китайцев внутри, чем сдержать варваров снаружи; хотя в цивилизациях долин Китая и юго-восточной Азии мифы, язык и ритуалы, которые могли бы объяснить подобные культурные «измены», подозрительно отсутствовали. Культура была ещё одной Великой Стеной, которую использовали для удержания этих хрупких цивилизаций вместе. Не удивительно, что «варвары» отказались от письменности в пользу более децентрализованной устной культуры: без записей и специализированного класса писарей история стала общим достоянием вместо того, чтобы быть инструментом идеологической обработки.

Не являясь необходимым социальным достижением, охотно принятым людьми, государство является поздним наростом на обществе, от которого многие пытаются бежать. Бирманская пословица гласит: «Рабу легко найти господина, но господину сложно найти раба». В юго-восточной Азии до недавних пор главной целью военных конфликтов было не завоевание территорий, а захват рабов, так как люди часто

убегали в горы для создания эгалитарных сообществ²³. Есть некая ирония в том, что многие из нас уверены в естественной необходимости государства, когда, на самом деле, это мы нужны государству.

Более широкое самопознание

Сто лет тому назад Пётр Кропоткин, российский географ и анархистский теоретик, опубликовал свою революционную книгу под названием «Взаимопомощь как фактор эволюции», в которой он писал, что стремление людей помогать друг другу в духе солидарности было куда более важным в человеческой эволюции, чем конкуренция. Мы можем увидеть похожее кооперативное поведение, играющее важную роль в выживании млекопитающих, птиц, рыб и насекомых. Однако всё равно сохраняется убеждение в том, что люди эгоистичны, конкурентны, воинственны и патриархальны. Это убеждение основано на неверном представлении о так называемых «первобытных людях», как о жестоких, и о государстве, как о необходимой умиротворяющей силе.

Западные жители, которые считают себя вершиной человеческой эволюции, обычно рассматривают охотников, собирателей и других лишённых государственности людей как памятники прошлого, даже если они существуют сегодня. Таким образом, они уверены в том, что история — это неминуемый прогресс от простого к сложному, и в том, что западная цивилизация более сложная, чем остальные культуры. Если история сводится к каменному, бронзовому, железному, индустриальному, информационному и т. д. векам, то тот, кто не использует металлические инструменты, должен всё ещё жить в каменном веке, верно? Но это, мягко выражаясь, европоцентрично — предполагать, что охотник-собиратель, знающий как использовать тысячу разных растений, менее изощрён, чем оператор атомной электростанции, знающий, как нажимать тысячи разных кнопок, но не знающий, откуда берётся его еда.

Возможно, капитализм способен на производство и распределение, недоступные прежде, но в то же время подобное общество, к сожалению, не способно поддерживать всех сытыми и здоровыми и никогда не существовало без большого неравенства, угнетения и экологического истощения. Кто-то может заявить, что члены нашего общества социально недоразвиты, если вообще не примитивны, когда дело доходит до кооперации и самоорганизации без авторитарного контроля.

Если посмотреть на все оттенки безгосударственных сообществ, то видно, что у них есть свои формы развитых социальных организаций и своя сложная история — оба этих факта противоречат западным понятиям о «естественных» человеческих характеристиках. Огромное разнообразие способов поведения человека, считающихся нормальными в различных сообществах, ставит под вопрос саму идею человеческой природы.

---

²³ Часть про горцев и юго-восточную Азию основана на лекции Джеймса С. Скотта «Цивилизации не могут лазить по холмам: политическая история безгосударственности в юго-восточной Азии» в Университете Брауна, Провиденс, Род Айленд, 2 февраля 2005 г. (James C. Scott «Civilizations Can't Climb Hills: A Political History of Statelessness in Southeast Asia», lecture at Brown University, Providence, Rhode Island, February 2, 2005).

Наше понимание человеческой природы прямо влияет на то, что мы ожидаем от людей. Если люди от природы эгоистичны и конкурентны, мы не можем ожидать жизни в кооперативном обществе. Когда мы видим, насколько по-разному различные культуры характеризуют человеческую природу, мы можем определить человеческую природу как культурную ценность, идеализированную и нормативную мифологию, оправдывающую способ организации общества. Западная цивилизация тратит безмерное количество ресурсов на социальный контроль, полицию и культуру, укрепляющие капиталистические ценности. Западная идея человеческой природы служит частью этого социального контроля, препятствуя восстанию против власти. Нас учат с детства, что без власти человеческая жизнь превратится в хаос.

Этот взгляд на человеческую природу был развит Гоббсом и прочими европейскими философами для объяснения происхождения и цели государства; это послужило сдвигом в сторону научных аргументов в то время, когда «небесных» аргументов стало недостаточно. Гоббсу и его современникам не хватало психологических, исторических, археологических и этнографических данных, которые мы имеем сегодня. Кроме того, их взгляды были наследием христианского учения. Даже сейчас, в изобилии информации, противоречащей христианской космологии и государственным политическим наукам, популярная концепция человеческой природы не претерпела серьёзных изменений. Почему же мы всё ещё так необразованны? Второй вопрос отвечает на первый: кто контролирует образование в нашем обществе? Тем не менее, любой, кто поставит под сомнение авторитарные догмы, вступает в напряжённую борьбу против обвинения в «романтизме».

Но если человеческая природа не фиксирована, если она может охватывать широкий спектр возможностей, почему бы не использовать романтическую дозу воображения для представления новых возможностей? Акты сопротивления, появляющиеся в нашем обществе сейчас, начиная с Лагеря Мира Фаслэйн и заканчивая дармарками и фришопами, содержат семена мирного и великодушного общества. Народная реакция на природные катастрофы, такие как ураган Катрина в Новом Орлеане, показывает, что многие люди способны к сотрудничеству, когда нарушен доминирующий социальный порядок. Эти примеры показывают путь к более широкому пониманию себя — пониманию человеческого существа, как создания способного на широкий спектр моделей поведения.

Кто-то может сказать, что эгоизм естественен, в том смысле, что люди неизбежно живут в соответствии со своими желаниями и опытом. Но эгоизм не должен порождать жёсткую конкуренцию или исключать других. Наши взаимоотношения уходят далеко за границы нашего тела и разума — мы живём в сообществах, зависим от экосистемы в еде и воде и нуждаемся в друзьях, семьях и любимых для нашего эмоционального здоровья. Без институционализированной конкуренции и эксплуатации интересы человека будут взаимодействовать с интересами его сообщества и окружающей среды. Взгляд на наши взаимоотношения с друзьями и природой как на основополагающие части нас самих расширяет наше понимание связей с миром и ответственности перед ним. Не в наших интересах подчиняться чужой власти или самим доминировать. Развивая более широкое понимание самих себя, мы можем построить наши жизни, а, следовательно, и жизнь сообщества соответственным образом.

Рекомендуемая литература

1. Robert K. Dentan «The Semai: A Nonviolent People of Malaya». New York: Holt, Rinehart and Winston, 1979.
2. Christopher Boehm «Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy», Current Anthropology, Vol. 34, No. 3, June 1993.
3. Pierre Clastres «Society Against the State», 1974, New York: Zone Books, 1987.
4. Leslie Feinberg «Transgender Warriors: Making History from Joan of Arc to Dennis Rodman», Boston: Beacon Press, 1997.
5. David Graeber «Fragments of an Anarchist Anthropology», Chicago: Prickly Paradigm Press, 2004.
6. Colin M. Turnbull «The Forest People», New York: Simon & Schuster, 1961.
7. James C. Scott «Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts», New Haven: Yale University Press, 1990.

Принятие решений

Анархия — это отсутствие правителей. Свободные люди не подчиняются приказам; они принимают свои собственные решения, приходят к согласию внутри своих сообществ и разрабатывают совместные способы осуществления этих решений на практике.

Как будут приниматься решения?

Не должно быть сомнений в том, что люди могут принимать решения неиерархическими, эгалитарными способами. Большинство человеческих обществ были безгосударственными, и многие безгосударственные общества управлялись не повелениями неких «Больших Людей», а общими собраниями, использовавшими какие-то виды консенсуса. Многочисленные общества, основанные на использовании консенсуса, выживают уже тысячи лет, даже несмотря на европейский колониализм. Они существуют и в наши дни в Африке, Австралии, Азии, странах Америки и на окраинах Европы.

Людям из тех обществ, в которых право принятия решений монополизировано государством и корпорациями, поначалу может казаться, что принятие решений равноправным способом затруднительно, но по мере привыкания это становится проще. К счастью, мы все имеем некоторый опыт горизонтального принятия решений. Большинство решений, которые мы принимаем в повседневной жизни с друзьями и, будем надеяться, с коллегами, а также с семьёй, мы принимаем на основе взаимодействия, а не авторитета. Дружба драгоценна потому, что она является пространством, в котором мы взаимодействуем как равные, в котором наши мнения оцениваются вне зависимости от нашего общественного положения. Группы друзей обычно используют неформальный консенсус, чтобы решить, как совместно провести время, спланировать деятельность, помочь друг другу и ответить на вызовы своей повседневной жизни. Таким образом, многие из нас уже понимают консенсус интуитивно. Требуется больше практики, чтобы научиться приходить к консенсусу с людьми, значительно отличающимися от нас, особенно в больших группах или тогда, когда возникает необходимость согласовать сложные действия, но это возможно.

Консенсус является не единственным возможным способом принятия решений, который обеспечит нас силой. В определённых обстоятельствах группы, которые представляют из себя истинно свободные ассоциации, могут обеспечить своих участников силой при использовании принятия решения большинством голосов. Или один человек, принимая собственное решение и действуя в одиночку, может вдохновить множество других людей на осуществление подобных действий или на поддержку того, что он начал, избегая, таким образом, порою удушающей тяжести собраний. В

творческой или вдохновляющей обстановке люди часто преуспевают в спонтанной и хаотической самокоординации, давая беспрецедентные результаты. Определённая форма принятия решений является всего лишь инструментом, будь то консенсус, или индивидуальное действие, или принятие решения большинством; люди могут принять активное участие, используя тот или иной инструмент тогда, когда видят его уместным.

Корейские анархисты получили возможность продемонстрировать способность людей принимать свои собственные решения в 1929 г. Корейская Анархо-Коммунистическая Федерация (КАСФ) была значительной организацией того времени и имела достаточно поддержки, чтобы создать автономную зону в провинции Синмин¹. Синмин находилась за пределами Кореи, в Маньчжурии, но там проживало 2 миллиона корейских иммигрантов. Используя собрания и децентрализованную федеративную структуру, которая выросла из КАСФ, они создали советы деревень, советы округов и областные советы для обсуждения вопросов, касающихся совместного сельского хозяйства, образования и финансов. Они также сформировали армию, возглавленную анархистом Кимом Джа Джинном (Kim Jwa-jin), которая применяла партизанские тактики против советских и японских вооружённых сил. Секции КАСФ в Китае, Корее и Японии организовали международную поддержку движения. Зажатая между сталинской и японской императорской армиями, автономная провинция была окончательно разбита в 1931 году. Но на два года многие жители освободили себя от власти помещиков и правителей и подтвердили свою способность принимать коллективные решения, организовывать свою повседневную жизнь, следовать своей мечте и защищать её от оккупационных армий².

Одна из самых известных страниц в истории анархии — гражданская война в Испании. В июле 1936 г. генерал Франко поднял фашистский переворот в Испании. С точки зрения элиты, это было необходимостью; государственные офицеры, собственники недвижимости и монахи ужаснулись растущему анархическому и социальному движению. Страна уже избавилась от монархии, но рабочие и крестьяне не были довольны представительной демократией. Переворот не прошёл «без сучка, без задоринки». Тогда как во многих областях испанское республиканское правительство легко сдалось фашистам, анархический профсоюз CNT³ и другие анархисты, действующие автономно, формировали ополчение, захватывали оружие, брали штурмом казармы и нанесли поражение регулярным войскам. Анархисты были особенно сильны в Каталонии, Арагоне, Астурии и на большей части территории Андалусии.

---

¹ Подробнее об этом можно прочитать в переведённой на русский язык статье Джейсона Адамса «Не-западный анархизм: переосмысливая глобальный контекст». Данный перевод можно найти в сообществе Анархия_ру в Живом Журнале (http://community.livejournal.com/anarchia_ru/) – прим. пер.

² Alan MacSimoin «The Korean Anarchist Movement», выступление в Дублине, сентябрь 1991 г. MacSimoin упоминает Ha Ki-Rak «A History of the Korean Anarchist Movement», 1986 г.

³ Национальная конфедерация труда (НКТ; исп.:CNT — Confederación Nacional del Trabajo) — испанская конфедерация анархо-синдикалистских профсоюзов, коллективный член Международной ассоциации трудящихся. Официальное название целиком звучит как НКТ-МАТ (CNT-AIT). НКТ была основана в 1910-м году в Барселоне группами, объединёнными профсоюзом Solidaridad Obrera, оказав в дальнейшем огромное влияние на развитие испанского анархизма. – прим. пер.

Рабочие также предотвратили переворот в Мадриде и Валенсии, где были сильны социалисты, а также на большей части территории Страны Басков. В анархических областях правительство фактически перестало действовать.

В этих свободных от государства сельских областях Испании в 1936 году крестьяне организовались в соответствии с принципами коммунизма, коллективизма и взаимопомощи, в зависимости от своих предпочтений и условий местности. Они сформировали тысячи коллективов, главным образом, в Арагоне, Каталонии и Валенсии. Некоторые из них полностью отменили деньги и частную собственность; некоторые организовали систему квот, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей каждого. Разнообразие форм, которые у них появились, является заветом свободы, которую они создали для себя. Там, где когда-то все эти деревенские жители вязли в душной обстановке феодализма и развивающегося капитализма, в течение нескольких месяцев после свержения власти правительства и объединения в сельские ассамблеи они дали рождение сотням различных систем, объединённых общими ценностями, такими как солидарность и самоорганизация. Они развили эти различные формы, проводя открытые собрания и сообща принимая решения о своём будущем.

В городе Магдалена-де-Пульпис, например, полностью были отменены деньги. «Каждый работает и каждый имеет право получить то, что ему нужно, бесплатно. Он просто идёт в магазин, куда поставляются все продовольственные товары и другие предметы первой необходимости. Всё распространяется бесплатно, только записывается, кто что взял», — рассказывал местный житель⁴. Учёт того, кто что взял, позволял сообществу распределять ресурсы поровну во времена дефицита и, как правило, обеспечивал прозрачность.

Другие коллективы разработали свои собственные системы обмена. Они выпускали местные деньги в виде ваучеров, талонов, буклетов для продажи по карточкам, сертификатов и купонов, которые не действовали за пределами выпускающего их коллектива. Сообщества, которые запретили деньги, расплачивались с работниками купонами в соответствии с размерами их семей — «семейная зарплата», основанная на потребностях семьи, а не продуктивности её работоспособных членов. Имеющиеся в избытке местные товары, такие как хлеб, вино и оливковое масло, распространялись свободно, в то время как другие предметы «могли быть получены в обмен на купоны в общинных складах. Товары, имеющиеся в избытке, обменивались с другими анархистскими городами и сёлами»⁵. Было много экспериментов с новыми денежными системами. В Арагоне существовали сотни различных видов купонных и денежных систем, так что Арагонская Федерация Крестьянских Коллективов единогласно решила заменить местные валюты стандартными продовольственными книжками — несмотря на это, каждый коллектив сохранил право решать, как товары будут распределяться и сколько купонов будут получать рабочие.

Все коллективы, как только взяли под контроль свои сёла, организовали массовые собрания, чтобы обсудить проблемы и набросать планы того, как самоорганизоваться. Решения принимались голосованием или консенсусом. Сельские собрания обычно устраивались от раза в неделю до раза в месяц; иностранные наблюдате-

---

⁴ Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974, p. 73.

⁵ Там же, стр. 73. Данные о городе Граус со стр. 140.

ли, исследовавшие их, заметили, что участие было широким и полным энтузиазма. Многие из коллективизированных деревень объединились с другими коллективами для создания общего фонда ресурсов, помощи друг другу и организации торговли. Коллективы в Арагоне жертвовали сотни тонн провизии добровольцам народного ополчения, которые сдерживали фашистов на фронте, и также в больших количествах принимали беженцев, которые бежали от фашистов. Например, деревня Граус с населением 2 600 человек приняла и поддерживала 224 беженца, из которых только 20 могли работать. На собраниях коллективы обсуждали проблемы и предложения. Многие коллективы избирали административные комитеты, обычно состоящие из полудюжины человек, чтобы управлять делами до следующего собрания. Открытые ассамблеи:

«...позволяли жителям знать, понимать, и чувствовать себя интегрированными в общество, участвовать в управлении общественными делами в своей зоне ответственности, следовательно, взаимные обвинения, напряжение, которые всегда происходят, когда право принимать решения доверяется немногим... там отсутствовали. Собрания были общенародными, возражения, предложения обсуждались публично, каждый был волен, как и на собраниях профсоюзов, участвовать в дискуссиях, критиковать, предлагать и т. д. Демократия распространилась на всю общественную жизнь. Во многих случаях даже индивидуалисты (местные, которые не присоединились к коллективу) могли принять участие в обсуждениях. К ним прислушивались так же, как и к людям, вступившим в коллектив»⁶.

В тех случаях, когда не каждый житель деревни был членом коллектива, в дополнение к собранию коллективов мог существовать муниципальный совет, с тем чтобы никто не был исключён из процесса принятия решений.

Во многих коллективах уславливались, что в случае единичного нарушения членом коллектива правил он получит выговор. Если это произойдёт второй раз, дело будет передано на рассмотрение общего собрания. Только общее собрание могло исключить члена из коллектива; делегаты и распорядители лишались карательных функций. Власть общего собрания по реагированию на нарушения также использовалась для предотвращения того, чтобы люди, которым делегировались полномочия, были безответственными или авторитарными; полномочия делегатов или выборных распорядителей, которые отказывались придерживаться решений коллектива или узурпировали власть, приостанавливались или отбирались на общем голосовании. В некоторых деревнях, в которых существовало разделение на анархистов и социалистов, крестьяне образовывали два коллектива бок о бок, чтобы допустить различные способы принятия и исполнения решений, вместо того чтобы навязывать единственный метод для всех.

Гастон Леваль описывал общее собрание в деревне Тамарите-де-Литера в провинции Уэска, которое позволялось посещать также отдельным крестьянам, не входящим в коллектив. Одной из проблем, поднятых на собрании, было то, что несколько крестьян, которые не присоединились к коллективу, оставили своих престарелых родителей на попечение коллективу, в то время как сами взялись единолично возделывать земли родителей. Вся группа обсудила дело и, в конце концов, решила

---

⁶ Gaston Leval «Collectives in the Spanish Revolution», London: Freedom Press, 1975, pp. 206-207.

принять особое предложение: они не будут изгонять пожилых родителей из коллектива, но они хотят заставить индивидуалистов отвечать за своих родителей, иначе они не смогут ожидать ни солидарности, ни земли от коллектива. В конце концов, решение, с которым согласилось всё сообщество, будет иметь большую легитимность, и ему с большей вероятностью будут следовать, чем тому, что было бы спущено сверху специалистом или государственным чиновником.

Важные решения также имели место в повседневной работе в поле:

«Работа коллективов велась бригадами работников, возглавляемыми делегатами, выбранными каждой бригадой. Земля была поделена на обрабатываемые зоны. Делегаты от бригад работали вместе с остальными. Не существовало особых привилегий. После дневной работы делегаты всех рабочих бригад быстро собирались и принимали необходимые технические договорённости по работам на следующий день... Собрание принимало конечные решения по всем важным вопросам и выпускало инструкции как для делегатов от бригад, так и для исполнительной комиссии».⁷

Во многих областях также существовали Окружные Комитеты, которые объединяли в общий фонд ресурсы всех коллективов в округе, по существу, действуя как расчётная палата для передачи излишков от коллективов, имеющих их, коллективам, в них нуждающимся. Сотни коллективов присоединились к федерациям, организованным CNT или UGT⁸. Федерации обеспечивали экономическую координацию, объединение ресурсов в общие фонды, чтобы позволить крестьянам построить собственные фруктовые и овощные консервные заводы; сбор информации о том, какие предметы были в изобилии, а какие в ограниченном количестве, и организацию систем эквивалентного обмена. Эта коллективная форма принятия решений доказала эффективность для примерно семи-восьми миллионов крестьян, вовлечённых в это движение. Половина земель в антифашистской Испании — три четверти земель Арагона — были коллективизированы и самоорганизованы.

В августе 1937 г., спустя год после того, как крестьяне-анархисты и социалисты начали образовывать коллективы, правительство Республики под контролем сталинистов достаточно консолидировалось, чтобы выдвинуться против непокорных зон Арагона. Бригада имени Карла Маркса, Интернациональные Бригады и другие формирования разоружили и ликвидировали коллективы в Арагоне, подавляя любое сопротивление и похищая многих анархистов и либертарных социалистов, помещая их в тюрьмы и камеры пыток, учреждённые сталинистами для использования против своих революционных союзников.

Сходство с Испанией 1936 года имеет сегодняшняя Бразилия, в которой крошечный процент населения владеет почти половиной всей земли, в то время как миллионы людей лишены земли или средств к существованию. В ответ на это выросло большое социальное движение — Движение Безземельных Рабочих⁹, состоящее из 1,5 миллионов разорённых рабочих, которые захватили неиспользуемую землю,

⁷ Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974, p. 113.

⁸ Всеобщий союз трудящихся (UGT) — крупнейший испанский профсоюз, исторически связанный с Испанской социалистической рабочей партией. Во время Первой Мировой войны UGT тесно взаимодействовали с CNT — прим. пер.

⁹ Движение Безземельных Рабочих (португ. Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra, MST) — социальное движение в Бразилии. Наиболее крупное в Латинской Америке, насчитывает около 1,5 мил-

чтобы учредить сельскохозяйственные коллективы. Со времени основания в 1984 году MST отвоевало право на землю для 350 000 семей, живущих в 2 000 различных посёлках. Базовая единица организации состоит из группы семей, живущих вместе в поселении на занятой земле. Эти группы сохраняют автономию и самостоятельно организуют повседневную жизнь. Для участия в региональных собраниях они назначают двух или трёх делегатов, которые по правилу должны включать мужчину и женщину, хотя на практике такое происходит не всегда. MST имеет федеративную структуру; имеются также координационные органы на уровне штатов и страны. Хотя принятие решений по большей части вопросов происходит на низовом уровне — по занятию земель, сельскому хозяйству и образованию поселений, MST также осуществляет организацию более высокого уровня для координации крупных протестов и перекрытия автомагистралей с целью надавить на правительство и вынудить его передать право на землю поселениям. MST продемонстрировало творческий и успешный подход, организуя школы и защищая себя от частых репрессий со стороны полиции. Члены MST разработали практики устойчивого экологического сельского хозяйства, включая организацию семенных банков для местных культур, захватили и уничтожили вредные для окружающей среды лесоводческие насаждения эвкалипта и опытные участки для генетически модифицированных посевов.

Если следовать логике демократии, 1,5 миллиона человек — слишком большая группа, чтобы каждый имел доступ к прямому участию в процессе принятия решений; большинство должно доверить эту власть политикам. Но MST придерживается идеала, согласно которому любое принятие решений, по возможности, остаётся на местном уровне. Однако на практике они часто не достигают этого идеала. Как огромная организация, которая не добивается уничтожения капитализма или свержения государства, но, скорее, давления на него, MST втягивается в политические игры, в которых все принципы продаются. Кроме того, огромная часть членов происходит из крайне бедных и угнетённых сообществ, которые несколько поколений контролируются смесью религии, патриотизма, преступности, наркотической зависимости и патриархата. Эти движущие силы не исчезают, когда люди вступают в движение, а приводят к значительным проблемам в MST.

В течение 1980-1990-х гг. новые поселения MST создавались активистами из организаций, которые собирались искать безземельных людей в сельской местности или, главным образом, в фавелах, городских трущобах, которые хотели бы образовать группу и захватить землю. Затем они должны были пройти через двухмесячный период создания базы, в течение которого они проводят собрания и дебаты, чтобы попытаться создать чувство общинности, близости и общности политических взглядов. Затем они захватывали участок неиспользуемой земли, принадлежащей крупному землевладельцу, выбирали делегатов для объединения на федеративных началах с более крупной организацией и начинали заниматься сельским хозяйством. Активисты, работающие с местным MST, периодически приезжали, чтобы посмотреть, нуждается ли поселение в помощи с получением инструментов и материалов,

---

лионов безземельных членов в 23 из 26 штатов Бразилии. Идеологически MST является эклектичным сельским движением сотен тысяч безземельных крестьян (и некоторых жителей небольших городов), стремящимся провести в Бразилии земельную реформу. При возникновении было вдохновлено теологией освобождения, марксизмом, кубинской революцией и другими левыми идеологиями. — прим. пер.

в помощи по разрешению внутренних разногласий или защите от полиции, военных формирований или крупных землевладельцев, которые часто сговаривались для угроз и убийств членов MST.

Отчасти из-за автономии каждого поселения результаты были различны. Левые из других стран обычно романтизировали MST, в то время как капиталистические СМИ Бразилии изображали их всех как яростных головорезов, которые крали землю и затем продавали её. В действительности, описание капиталистических СМИ точно в некоторых случаях, но никак не характерно для большинства. Не секрет, что иногда люди в новых поселениях делили землю, а затем дрались за наделы. Некоторые могли продать свои наделы местному землевладельцу, или открыть винный магазин на своём участке и плодить алкоголизм, или вторгнуться на участок своего соседа, и такие споры о границах часто решались насилием. Большинство поселений разделилось на полностью индивидуализированные (отдельные домовладения), вместо того чтобы возделывать землю коллективно или общинным способом. Другой общий недостаток исходит от общества, из которого вышли эти безземельные работники, — во многих поселениях доминирует христианская, патриотическая и патриархальная культура.

Несмотря на слабости, на которые следовало указать, MST достигла длинного списка побед. Движение отвоевало землю и независимость для огромного числа чрезвычайно бедных людей. Многие из поселений, которые они создали, довольствуются более высокими стандартами жизни, чем те трущобы, из которых они вышли, и пронизаны духом солидарности и общности. В любом случае, их успех — триумф прямого действия: игнорируя требования закона и просьбы к власти имущим, свыше миллиона человек завоевали для себя землю и контроль над своими жизнями, выступив и сделав это самостоятельно. Бразильское общество не рухнуло от такой волны анархии; напротив, оно стало здоровее, несмотря на то, что многие проблемы сохранились в обществе в целом и в этих поселениях. В значительной степени является ли отдельное поселение вдохновлённым и освобождённым или соревновательным и деспотичным зависит от случайных факторов.

По словам члена MST, который работал несколько лет в одном из наиболее опасных регионов Бразилии, двух месяцев попросту не хватало в большинстве случаев для того, чтобы преодолеть антиобщественное воспитание людей и создать подлинное чувство общности, но это было значительно лучше, чем доминирующая модель по-

---

¹⁰ Критика в этом и следующих параграфах основана на интервью с Марселло, «Criticisms of the MST», 17 февраля 2009 г., Барселона.

¹¹ Луис Инасиу Лула да Силва (родился 27 октября 1945) — президент Федеративной Республики Бразилия с 1 января 2003 г. до 2010 г. Со времён участия в профсоюзном движении известен более не по фамилии, а по кличке «Лула», которая является уменьшительной формой от имени Луис. Позже этот элемент был официально включён в состав фамилии. Соучредитель и почётный председатель социалистической партии трудящихся. Пять раз участвовал в президентских выборах. Первые три раза (в 1989, 1994 и 1998 годах) проиграл. Был избран в 2002 и переизбран в 2006 году. — прим. пер.

¹² Партия трудящихся (порт. Partido dos Trabalhadores) — левая политическая партия Бразилии. Одна из самых популярных партий Бразилии. Партия основана в 1980 году. Её организаторами были президент Бразилии Лула да Силва, национальный герой эколог Чико Мендес и др. На выборах 2006 г. получила 83 места в парламенте из 513. Придерживается левоцентристских и социал-демократических взглядов. — прим. пер.

следующего периода. Как только организация проявила стремление к росту, многие активисты начали сооружать поселения на скорую руку, вербуя группы незнакомых людей, обещая им землю и посылая их в регионы с самой неплодородной почвой или наиболее жестокими землевладельцами, часто при этом способствуя истощению леса. Как и следовало ожидать, эта ориентация на количественные результаты усилила наихудшие характеристики организации и во многих отношениях ослабила её, даже когда её политическое влияние возросло¹⁰.

Фоном этого поворота в деятельности MST стало избрание президентом Лула¹¹ из социалистической партии трудящихся¹² в 2003 году. Прежде MST было самостоятельным: оно не сотрудничало с политическими партиями и не допускало политиков в организацию, хотя многие политические активисты использовали MST в качестве стартовой площадки для своей политической карьеры. Но после беспрецедентной победы прогрессивной социалистической партии трудящихся руководство MST старалось запрещать кому-либо из организации публично выступать против новой аграрной политики правительства. В то же время MST стало получать огромное количество денег от правительства. Лула пообещал дать землю определённым числу семей, и руководство MST поспешило выполнить квоту, чтобы поглотить собственную организацию, отказавшись от своих основ и принципов. Многие влиятельные активисты и лидеры MST, имеющие за спиной наиболее радикальные поселения, критиковали этот коллаборационизм с правительством и настаивали на более антиавторитарных позициях, и фактически к 2005 году, когда аграрная программа партии трудящихся обманула надежды, MST вновь стало без оглядки на начальство бороться с правительством.

В глазах антиавторитариев движение утратило своё доверие и ещё раз доказало предсказуемые результаты сотрудничества с правительством. Но внутри движения всё ещё имеется множество причин для вдохновения. Многие из поселений продолжают демонстрировать способность людей преодолевать капиталистическую и авторитарную социализацию, если они берут на себя эту задачу. Пожалуй, лучшим примером служат *Comunas de Terra*, сеть поселений, составляющих в MST меньшинство, которые совместно обрабатывают землю, воспитывают дух солидарности, борются с сексизмом и капиталистическим настроением внутри себя и создают работающий образец анархии. Примечательно, что люди в *Comunas da Terra* наслаждаются более высоким уровнем жизни, чем те, кто живёт в индивидуализированных поселениях.

Имеются также современные примеры неиерархической организации в Северной Америке. По всем Соединённым Штатам сегодня существует множество проектов, работающих на основе консенсуса. Решения могут приниматься консенсусом либо в определённой ситуации для планирования мероприятия или кампании, либо на постоянной основе, например, при организации инфошопа: анархистского социального центра, который может одновременно быть и радикальным книжным магазином, и библиотекой, и кафе, и местом для проведения встреч и собраний, концертным залом или бесплатным магазином. Типичное собрание может начаться с распределения между добровольцами ролей фасилитатора и писаря. Многие группы также используют наблюдающего за настроениями, который следит за эмоциями и взаимодействиями внутри группы, ведь «личное есть политическое» и

традиция подавления эмоций в политическом пространстве исходит из разделения на общественное и личное, разделения, на котором основываются патриархат и государство.

Затем участники формируют повестку, в которой они перечисляют все темы, на которые хотели бы поговорить. Обсуждение каждой темы начинают с обмена информацией. Если требуется принять решение, вопрос обсуждается до тех пор, пока не найдётся точка, в которой сходятся потребности и желания всех. Кто-то формулирует предложение, которое синтезирует позицию каждого, и объявляется голосование: участники либо одобряют, либо воздерживаются, либо блокируют предложенное решение. Если один человек против, группа ищет другое решение. Решение может не быть лучшим для каждого, но каждый должен чувствовать удовлетворённость каждым решением, которое принимает группа. В ходе этого процесса фасилитатор поощряет полное участие каждого и убеждается, что никто не был подавлен.

Иногда группа не способна решить отдельную проблему, и такой вариант, когда решение отсутствует, демонстрирует, что при использовании консенсуса здоровье группы важнее, чем эффективность. Такие группы строятся по принципу добровольного объединения — любой может покинуть её, если желает, в противоположность авторитарным структурам, которые могут отказывать людям в праве ухода или освобождения от участия в мероприятии, с проведением которого они не согласились. В соответствии с этим принципом лучше признать отличающиеся взгляды членов группы, чем проводить в жизнь решение, которое оставляет некоторых людей исключёнными или заглушёнными. Это может показаться неосуществимым тем, кто не участвовал в подобном процессе, но консенсус служит принципом деятельности многих инфошопов и похожих проектов в США довольно долго. Используя консенсус, эти группы приняли решения, необходимые для организации пространств и мероприятий, создания связей с окружающими сообществами, вовлечения новых участников, сбора денег и сопротивления попыткам местных властей и бизнеса закрыть их. Более того, похоже, число проектов, использующих консенсус, в США только растёт. Доказано, что консенсус лучше всего работает среди людей, которые знают друг друга и имеют общую заинтересованность в совместной работе, вне зависимости от того, являются ли они добровольцами, которые хотят обеспечивать работу инфошопа, соседями, которые хотят сопротивляться джентрификации, или членами аффинити-группы, планирующей атаки против системы, — это работает.

Обычная жалоба: собрания на основе консенсуса длятся дольше; но действительно ли они менее эффективны? Авторитарные модели принятия решений, включая мажоритарное голосование, в котором меньшинство вынуждено соглашаться с решением большинства, скрывают или делают второстепенной их истинную стоимость. Сообщества, которые используют авторитарные способы принятия решений, не могут существовать без полиции или некой другой структуры для проведения в жизнь их решений. Консенсус устраняет потребность в принуждении и наказании, так как все заранее удовлетворены решением. Если мы учтём все рабочие часы, которые тратит сообщество на поддержание полицейских сил, которые являются огромным каналом по оттоку ресурсов, часы, потраченные на достижение консенсуса на собраниях, покажутся хорошей тратой времени.

Восстание в южном штате Мексики Оахака — другой пример народного принятия решений. В 2006 году люди захватили власть в городе Оахака и на большей части территории штата. Население Оахака больше чем наполовину состоит из индейцев, и борьба против колониализма и капитализма уходит корнями на пятьсот лет в прошлое. В июне 2006 года 70 000 бастующих преподавателей собрались на улицах Оахака-де-Хуарес, чтобы потребовать зарплаты на уровне прожиточного минимума и лучших условий для студентов. 14 июня полиция атаковала разбитый преподавателями лагерь, но они оказали сопротивление, вытеснив полицию из центра города, захватив правительственные здания и выгнав политиков, построили баррикады, чтобы не дать им вернуться. Оахака был самоорганизованным и автономным в течение 5 месяцев, пока не пришли федеральные войска.

После того, как они вынудили полицию покинуть столицу, к бастующим преподавателям присоединились ученики и рабочие, и вместе они образовали Народную Ассамблею жителей Оахаки (APPO — Asamblea Popular del Pueblo de Oaxaca). APPO стала координирующим органом для общественных движений Оахаки, когда образовался вакуум, связанный с падением государственного контроля, эффективно организуя общественную жизнь и народное сопротивление на протяжении нескольких месяцев. Она собрала вместе делегатов от профсоюзов, неправительственных, общественных организаций и кооперативов со всего штата, стремясь принимать решения в духе туземной практики консенсуса — несмотря на то, что большинство ассамблей принимали решения большинством голосов. Основатели APPO отказались от парламентарной политики и призвали людей по всему штату организовать свои собственные ассамблеи на всех уровнях¹⁵. Понимая роль политических партий в поглощении народных движений, APPO запретила им участвовать.

Со слов одного активиста, который помогал основывать APPO:

«Так, APPO была создана для решения вопроса о злоупотреблениях и создания альтернативы. Она должна была стать пространством для дискуссий, обдумывания, анализа и действия. Мы понимали, что это должна быть не просто одна организация, но всеобщий координационный орган для многих различных групп. То есть, ни одна идеология не должна преобладать; мы хотели сфокусироваться на нахождении общей позиции среди разнообразных общественных деятелей. Студенты, преподаватели, анархисты, марксисты, церковные прихожане — все были приглашены.

APPO была рождена без формальной структуры, но вскоре развила впечатляющие организационные способности. Решения в APPO принимались консенсусом на общем собрании, которому была дана привилегия выступать в качестве органа для принятия решений. В первые несколько недель нашего существования мы создали Совет APPO. Совет изначально состоял из 260 человек — примерно по десять представителей от каждого из семи регионов Оахаки, городских округов и муниципалитетов.

Для продвижения деятельности APPO с использованием различных комиссий был создан Временный Координационный совет. Был учреждён целый ряд комиссий: судебная, финансовая, по распространению информации, по правам человека, по гендерному равенству, по защите природных ресурсов и многие другие. Предло-

---

¹⁵ Wikipedia, «Asamblea Popular de los Pueblos de Oaxaca» [просмотрено 6 ноября 2006 г.]

жения вырабатывались в небольших ассамблеях каждого сектора АРРО, а затем вносились в общую ассамблею, где их подробно обсуждали и принимали»¹⁴.

Неоднократно добровольные народные собрания, вроде того, что было создано в Оахаке, доказывали свою способность принимать разумные решения и координировать деятельность всего населения. Конечно, они также привлекают людей, которые хотят взять общественные движения в свои руки, и людей, которые считают себя прирождёнными лидерами. Во многих революциях, которые начинались как горизонтальные, либертарное восстание становилось авторитарным, когда политические партии или самопровозглашённые лидеры подчиняли себе и прекращали работу народных структур принятия решений. Слишком заметных участников народных ассамблей также могут подтолкнуть к консерватизму репрессии со стороны правительства, так как они являются наиболее явными мишенями.

Существует один способ объяснения динамики, прослеживающейся в АРРО после агрессии федералов в Оахаке поздним октябрём 2006 года. Когда репрессии усилились, некоторые из наиболее голосистых участников ассамблей начали призывать к умеренности, что лишило силы духа ту часть движения, которая всё ещё находилась на улицах. Многие члены АРРО и участники движения жаловались на то, что группа была взята под контроль сталинистами и другими паразитами, которые использовали народные движения в качестве инструментов для своего политического честолюбия. И хотя АРРО всегда имела установку против политических партий, самопровозглашённое руководство воспользовалось сложной ситуацией для призыва к участию в предстоящих выборах как единственному практическому направлению деятельности.

Многие люди почувствовали себя преданными. Поддержка сотрудничества с властью не была всеобщей в АРРО; она вызвала спор даже внутри Совета АРРО, временной группы для принятия решений, которая развивалась как руководящий орган. Некоторые люди в рамках АРРО создали другие формирования, чтобы распространить анархические теории, концепции саморорганизации на местах и другие антиавторитарные взгляды, и многие просто продолжили свою работу, игнорируя призывы стекаться к кабинкам для голосования. В конце концов, антиавторитарная этика, которая составляла хребет движения и основу его формальных структур, оказалась сильнее. Подавляющее большинство жителей Оахаки бойкотировало выборы, и консервативная партия власти — Институционно-революционная партия (PRI) — доминировала среди небольшого числа людей, которые вышли опустить бюллетени. Попытка превращения мощного освободительного общественного движения в Оахаке в инструмент захвата власти окончилась полным провалом.

На примере небольшого оахакского города Заачила (население 25000 ~человек) можно тщательно рассмотреть горизонтальный процесс принятия решений. Довольно долго группы работали сообща против местных форм эксплуатации; среди их достижений — срыв плана постройки завода Coca Cola, который потреблял бы большую часть имеющейся питьевой воды. Когда в Оахаке разразилось восстание, большинство жителей решило действовать. Они созвали первую Заачильскую народ-

---

¹⁴ Diana Denham, C.A.S.A. Collective (eds.) «Teaching Rebellion: Stories from the Grassroots Mobilization in Oaxaca», Oakland: PM Press, 2008, интервью с Маркосом.

ную ассамблею, звоня в колокола и созывая всех собраться вместе, чтобы поделиться новостями о нападении полиции на Оахака и решить, что делать в своём городе. Далее последовали собрания и действия:

«Мужчины, женщины, дети и члены городского совета объединились вместе, чтобы занять муниципальное здание. бóльшая часть здания была заперта, и мы использовали только коридоры и офисы, которые были открыты. Мы оставались в муниципальном здании круглосуточно, следя за всем. Вот так зародились квартальные ассамблеи. Мы могли сказать: „Пришла очередь квартала Ла Соледад, а завтра Сан Хасинто“. Так впервые использовались квартальные ассамблеи, и затем они стали органами принятия решений, в которых мы сейчас состоим.

Захват муниципального здания был совершенно спонтанным. Сперва знающие активисты руководили делами, но структура народного собрания мало-помалу развивалась...

Квартальные ассамблеи, включавшие в себя чередующуюся группу из пяти человек, также были образованы в каждой части города, и вместе они образовывали долговременную народную ассамблею — Народный Совет Заачилы. Люди из квартальных ассамблей могли вовсе не быть активистами, но мало-помалу, следуя своим обязательствам доносить информацию в Совет и из Совета, они развили свою способность руководить. Все соглашения, принятые в Совете, изучались этой пятёркой и затем отправлялись обратно в кварталы на рассмотрение. Эти собрания полностью открыты; любой может прийти туда, и его голос будет услышан. Решения всегда приводили к общему голосованию, и все присутствующие взрослые могли голосовать. Например, если некоторые люди думают, что должен быть построен мост, а другие думают, что мы должны сфокусироваться на улучшении электроснабжения, мы голосуем за то, что должно стать приоритетом. Побеждает простое большинство, пятьдесят процентов плюс один»¹⁵.

Горожане вышвырнули мэра, поддерживали в рабочем состоянии коммунальное хозяйство, а также учредили радиостанцию общины. Город послужил образцом для массы других муниципалитетов по всему штату, которые вскоре провозгласили автономию.

За несколько лет до этих событий в Заачиле другая группа организовывала автономные деревни в штате Оахака. До двадцати шести сельских общин объединились в СИРО-RFM (Совет Коренных Народов Оахаки — имени Рикардо Флорес Магона) — организацию, которая отождествляет себя с южно-мексиканской традицией туземного и анархистского сопротивления; имя восходит к анархисту-индейцу, получившему огромную известность во времена Мексиканской Революции. В той мере, в какой они могли, живя при деспотическом режиме, общины СИРО утвердили свою автономию и помогали друг другу удовлетворять свои потребности, покончив с частной собственностью и обрабатывая землю общинным способом. Обычно, когда деревня выражала заинтересованность в присоединении к группе, кто-то из СИРО приходил и объяснял, как они работают, и предлагал селянам принять решение, хотят они вступить в СИРО или нет. Правительство часто отказывало деревням СИРО в ресурсах,

---

¹⁵ Diana Denham, C.A.S.A. Collective (eds.) «Teaching Rebellion: Stories from the Grassroots Mobilization in Oaxaca», Oakland: PM Press, 2008, интервью с Аданом.

надеясь заморить их голодом, но не удивительно, что многие люди считали, что смогут жить более полно, будучи хозяевами своих жизней, даже если это означало для них большую материальную бедность.

Как решения будут претворяться в жизнь?

Государство настолько тщательно скрыло тот факт, что люди способны осуществлять собственные решения, что те, кто сформировались в этом обществе, затрудняются представить себе, как это может быть сделано без предоставления небольшому меньшинству власти для принуждения людей последующими приказами. Наоборот, полномочия для проведения решений в жизнь должны быть во всех отношениях повсеместны и децентрализованы, как и полномочия для принятия этих решений. Безгосударственные общества, которые используют расплывчатые санкции, а не специализированные исполнительные органы, имеются на всех континентах. Только благодаря длительному и насильственному процессу государства украли у людей эту компетенцию и монополизировали её как свою собственную.

Вот как работают децентрализованные механизмы самоорганизации: постоянно общество решает, как оно хочет организовать себя и какие действия оно считает неприемлемыми. Это может происходить с течением времени и ситуативно или в формальных, оперативных постановлениях. Участие всех в принятии этих решений дополняется участием всех в их соблюдении. Если кто-то нарушает эти общие стандарты, то любой приучен к тому, чтобы отреагировать. Никто не вызывает полицию, не подаёт жалоб и не ждёт, что кто-то другой предпримет что-нибудь; каждый сам подходит к человеку, который, по его мнению, не прав, и говорит ему об этом, или предпринимает другое подходящее действие.

Например, соседи могут решить, что каждая семья будет убирать улицу в порядке очереди. Если одна из семей отказывается выполнить это решение, любая другая семья из этого квартала может попросить их выполнить своё обязательство. В зависимости от того, насколько серьёзен проступок, другие люди из квартала могут отреагировать критикой, высмеиванием или остракизмом. Если у семьи имеются уважительные причины, чтобы не выполнять свои обязательства (например, кто-то из этого домохозяйства очень болен, а другие жильцы заняты уходом за ним), соседи могут проявить сочувствие и простить им это упущение. Этой гибкости и восприимчивости обычно недостаёт системе, основанной на законах. С другой стороны, если у членов невнимательного к своим обязанностям домохозяйства нет оправданий, и они не только не убирают улицу, но ещё и мусорят на ней, их соседи могут провести общее собрание с требованием изменить их поведение, или они могут предпринять такие действия, как складирование всего мусора перед их дверью. Между тем, в своём повседневном общении отдельные соседи могут покритиковать членов домохозяйства-нарушителя или высмеять их, не приглашать участвовать в совместной деятельности или выставить их на показ на улицах. Если кто-то неисправимо асоциален, всегда блокирует решения или противоречит желаниям остальной группы, и отказывается отвечать интересам людей, крайней реакцией на это будет исключение человека из группы.

Этот метод является гораздо более гибким и более освобождающим, чем основанные на законах насильственные подходы. Вместо того чтобы привязываться к слепой букве закона, который не может принять в учёт особые обстоятельства или человеческие нужды и основывается на власти меньшинства, метод рассеянного наказания позволяет каждому взвесить, насколько серьёзным является проступок. Он также даёт правонарушителям возможность убедить других, что их действие было правомерно, обеспечивая, таким образом, постоянное оспаривание господствующей морали. Напротив, в государственнической системе представители власти не обязаны доказывать, что что-либо правильно или ложно, перед тем как конфисковать чей-либо дом или перед конфискацией наркотика, считающегося нелегальным. Всё, что они должны сделать, — это процитировать законодательный акт из свода законов, к написанию которого их жертвы не приложили руки.

В горизонтальном обществе люди исполняют решения в соответствии с тем, насколько эти решения для них мотивированы. Когда почти все энергично поддерживают решение, оно будет активно реализовываться. Напротив, если решение оставило большую часть людей безразличными или не воодушевлёнными, оно будет исполняться лишь частично, оставляя больше пространства для созидательных проступков и исследования других ситуаций. С другой стороны, недостаток энтузиазма в выполнении решений может означать, что на практике организация взвалена на плечи неформальных лидеров — людей, которым делегирована неофициальная позиция лидерства над остальной группой вне зависимости от того, хотят ли они этого. Это означает, что члены горизонтальных групп, от коллективных домов до целых обществ, должны столкнуться с проблемой самодисциплины. Они должны нести перед самими собой обязательства за стандарты, которые они установили, и критику своих товарищей, и риск стать непопулярным или вступить в противостояние, критикуя тех, кто не поддерживает общие стандарты: обращаться к соседям по дому, которые не моют посуду, или сообществу, которое не вносит свой вклад в поддержание дороги. Это сложный процесс, часто отсутствующий во многих текущих анархистских проектах, но без него групповое принятие решений — лишь фасад, и ответственность неясна и распределена не поровну. Переживая этот процесс, люди становятся более полномочными и сильнее связанными с теми, кто окружает их.

В группах всегда имеется вероятность подчинения и конфликта. Авторитарные группы обычно избегают конфликтов за счёт принуждения и более высокого уровня подчинения. Давление с целью доминирования существует также в анархических группах, но за счёт отсутствия ограничений на перемещение людей человеку проще покинуть группу и присоединиться к другой, или жить и действовать самостоятельно. Таким образом, люди могут выбирать уровни подчинения и противостояния, которые они готовы терпеть, и в процессе поиска и ухода из групп меняют и оспаривают общественные нормы.

В только что созданном государстве Израиль евреи, которые участвовали в социалистических движениях в Европе, получили возможность создать сотни кибуцев, утопических коммунальных ферм, члены которых создали хороший пример общинной жизни и принятия решений. В типичном кибуце большинство решений принималось на общем собрании коллектива, проводившемся два раза в неделю. Частота и продолжительность собраний зависели от того, как много аспектов обще-

ственной жизни было открыто для обсуждения, и от общей веры в то, что правильные решения «могут быть приняты после интенсивного обсуждения в группе»¹⁶. В киббуце было около дюжины избираемых должностей, связанных с ведением финансовых дел коммуны и координацией производства и торговли, но общая политика должна была определяться на всеобщих собраниях. Официальные должности ограничивались сроком в несколько лет, а члены поддерживали культуру «ненависти к должности», нежелание вступать на должность и презрение к тем, кто проявлял жажду власти.

В киббуцах ни у кого не было принудительной власти. Не было в киббуцах и полиции, хотя у всех считалось нормальным оставлять свои двери незапертыми. Общественное мнение было наиважнейшим фактором, обеспечивающим сплочённость общества. Если возникала проблема с членом коммуны, она обсуждалась на общем собрании, но, большей частью, даже угроза попасть под разбирательство на общем собрании мотивировала людей разрешать разногласия. В худшем случае, если участник отказывался принимать решения группы, остальной коллектив мог проголосовать за его исключение. Но эта последняя мера отличается от насильственных тактик, используемых государством, по ключевому пункту: добровольные группы существуют только потому, что каждый участник хочет работать со всеми остальными. Человек, которого исключили, не лишается возможности выживать или поддерживать отношения с людьми, так как имеется множество других групп, к которым он может присоединиться. Ещё более важным является то, что его не заставляют исполнять решения коллектива. В обществе, основанном на таком принципе, люди обладают способностью к социальной мобильности, которой нет в государственных рамках, в которых законы применяются к индивиду вне зависимости от того, одобряет ли он их. В любом случае, изгнание не было распространено в движении киббуцев, так как общественного мнения и группового решения было достаточно для разрешения большинства конфликтов.

Но у движения киббуцев были другие проблемы, которые могут послужить для нас важным уроком при создании коллективов. Спустя примерно десятилетие, движение киббуцев стало уступать давлению со стороны окружающего капиталистического мира. Хотя внутри движение киббуцев было на удивление общинным, оно никогда не было по сути антикапиталистическим; с самого начала они пытались существовать как соревнующиеся производители в рамках капиталистической экономики. Потребность конкурировать в хозяйстве и, таким образом, в развитии промышленности поощряла большое доверие к экспертам, в то время как влияние со стороны остального общества стимулировало потребительство. В то же время существовала отрицательная реакция на изначально заложенное в киббуцах отсутствие уединения — например, общие душевые. Смыслом этого отсутствия уединённости была организация более общинного духа. Но поскольку создатели киббуцев не осознавали, что уединение также важно для человеческого благополучия, как и общение, члены киббуцев начинали со временем чувствовать подавленность и отказывались от участия в общественной жизни киббуца, включая участие в принятии решений.

Другой жизненно важный урок движения киббуцев состоит в том, что построение утопических коллективов должно включать в себя неустанную борьбу против совре-

---

¹⁶ Melford E. Spiro «Kibbutz: Venture in Utopia», New York: Schocken Books, 1963, pp. 90-91.

менных авторитарных структур, или они станут частью этих структур. Движение кибуцев было основано на земле, захваченной государством Израиль у палестинцев, политика геноцида по отношению к которым продолжается и по сей день. Расизм европейских основателей кибуцев позволил им пренебречь жестокостью, причинённой прежним жителям земли, которую они считали обетованной; почти таким же способом религиозные переселенцы в Северной Америке грабили туземцев ради построения нового общества. Государство Израиль невероятно выигрывало от того факта, что почти все его потенциальные диссиденты — включая социалистов и ветеранов вооружённой борьбы против нацизма и колониализма — добровольно изолировали себя в эскапистских сообществах, которые сотрудничали с капиталистической экономикой. Если бы эти жители утопии использовали кибуц в качестве базы для борьбы против капитализма и колониализма в солидарности с палестинцами, строя основы коммунитарного общества, история Ближнего Востока могла бы оказаться иной.

Кто будет улаживать ссоры?

Анархистские методы улаживания ссор открывают гораздо больший диапазон возможностей, чем имеется в капиталистической и государственной системе. Безгосударственные общества на протяжении истории придумали многочисленные методы урегулирования споров, которые отыскивали компромисс, допускали примирение и сохраняли власть в руках спорщиков и их сообщества.

Нубийцы являются обществом оседлых земледельцев в Египте. Они по традиции жили без государства, и даже по современным меркам они считают крайне безнравственным просить правительство разрешать разногласия. В противоположность индивидуалистическим и юридическим способам рассмотрения споров в авторитарных обществах, в нубийской культуре считается нормой рассматривать проблему одного человека, как проблему, касающуюся каждого; когда случается спор, посторонние, друзья, родственники и другие третьи лица содействуют, чтобы помочь спорщикам найти решение, удовлетворяющее их обоих. Согласно антропологу Роберту Ферне, нубийская культура расценивает ссоры между членами родственной группы как опасные, так как они угрожают общественной сети, от которой зависят все.

Эта культура сотрудничества и взаимной ответственности поддерживается экономическими и общественными структурами. Среди нубийцев такое имущество, как водяные колёса, крупный рогатый скот и пальмовые деревья, традиционно находятся в общинной собственности, так что в повседневной работе, для того чтобы прокормить себя, люди вовлекаются в кооперативные общественные узы, которые учат солидарности и важности жизни в ладу друг с другом. Кроме того, родственные группы, которые составляют нубийское общество, называемые «pogs», переплетены между собой, а не атомизированы, как изолированные нуклеарные семьи (семьи, состоящие из родителей и детей — прим. пер.) в западном обществе: «Это значит, что pog, в которых состоит человек, частично перекрывают друг друга и предполагают различное, распределённое членство. Эта особенность очень важна, так как

делает сложным для нубийского сообщества распад на противоборствующие группировки»¹⁷. Большинство споров быстро разрешаются не вовлечёнными в спор родственниками. Более крупные споры, в которых участвует больше людей, решаются на семейном совете, где присутствуют все члены пог'а, включая женщин и детей. Председателем совета является старейший сородич, целью является достижение консенсуса и примирение спорящих сторон.

Племя Хопи с юго-запада Северной Америки раньше было более воинственным, чем в последнее время. Распри всё ещё существуют внутри деревень Хопи, но они урегулируют конфликты за счёт кооперации в ритуалах и используют механизмы пристыжения и выравнивания в отношении людей, которые доминируют или деспотичны. Когда споры выходят из-под контроля, они используют ритуальную клоунскую сатиру в танцах качина¹⁸, чтобы высмеять вовлечённых в них людей. Хопи являются образцом общества, которое покончило с наследственной враждой и выработало ритуалы для культивирования более мирных нравов. Образ клоунов и танцы, использующиеся для разрешения споров, являются собой дразнящие вспышки юмора и искусства в качестве способов ответа на общие проблемы. Существует мир возможностей, более интересных, чем общие собрания или процессы примирения! Творческое улаживание конфликтов поощряет новые способы рассмотрения проблем и подрывает возможность установления постоянных посредников или фасилитаторов на собраниях, захватывающих власть путём монополизации роли третейского судьи.

Собрания на улице

Политики и технократы, безусловно, не способны принимать ответственные решения за миллионы людей. На своих многочисленных ошибках они поняли, что хотя правительства, как правило, не рушатся под гнётом собственной некомпетентности, но им вряд ли удастся построить лучший из возможных миров. Если им удастся сохранить функционирующими свои абсурдные бюрократии, то нет ничего сверхъестественного в том, чтобы верить, что мы можем организовать как наши сообщества, так и себя. Миф авторитарного общества о том, что большое многообразное население нуждается в специализированных институтах для управления принятием решений, может быть многократно опровергнуто. Движение MST из Бразилии доказало, что в огромной группе людей большая часть полномочий по принятию решений может находиться на уровне широких масс, при существовании отдельных сообществ, которые сами заботятся о своих потребностях. Народ Оахаки показал, что современное общество целиком может организовать и координировать сопро-

---

¹⁷ Robert Fernea «Putting a Stone in the Middle: the Nubians of Northern Africa» in Graham Kemp и Douglas P. Fry (eds.) «Keeping the Peace: Conflict Resolution and Peaceful Societies around the World», New York: Routledge, 2004, p. 111.

¹⁸ Качина, реже качина, на языке хопи — kachina, — духи в космологии и религии первоначально западных пуэбло, затем прочих народов пуэбло и даже соседних народов, включая давних соперников пуэбло — навахо. Индейцы-пуэбло изготавливают куклы-качина, которые ранее играли церемониальную роль, а в настоящее время являются одним из предметов сувенирной торговли. Пуэбло — группа народов на юго-западе США. — прим. пер.

тивление постоянным атакам полиции и парамилитарес всеобщими собраниями. Анархистские инфошопы и израильское движение кибуцев показали, что группы, занимающиеся сложными операциями, которые должны платить аренду или следовать планам производства, исполняя в то же время общественные и культурные задачи, за которые капиталистические предприятия и не пытались браться, могли принимать решения в регулярном режиме и придерживаться этих решений без органов принуждения. Люди племени Нуэр¹⁹ показали, что горизонтальное принятие решений может процветать на протяжении поколений, даже после колонизации, и то, что в рамках коллективной культуры примирительного урегулирования конфликтов отсутствует необходимость в создании специализированных институтов для разрешения споров.

Большую часть человеческой истории наши общества были эгалитарными и самоорганизованными, и мы не утратили способность принимать решения и придерживаться тех решений, которые затрагивают наши жизни, или придумывать новые и лучшие формы организации. Всякий раз, когда люди преодолевали отчуждение и собирались вместе со своими соседями, они развивали новые захватывающие способы координации и принятия решений. Только освободившись от власти землевладельцев, священников и мэров, необразованные и угнетённые крестьяне Арагона доказали, что способны решить задачу построения не только целого нового мира, но сотен миров.

Новые методы принятия решений обычно оказываются под влиянием существовавших ранее институтов и культурных ценностей. Когда люди возвращают себе власть над принятием решений по некоторым аспектам их жизни, они должны спросить у себя, какие исходные точки и прецеденты уже существуют в их культуре и какие укоренившиеся недостатки им предстоит преодолеть. Например, может существовать традиция общегородских собраний, развившаяся из совместного незначительного благоустройства окружающей среды до настоящей самоорганизации; с другой стороны, люди могут исходить из мачистской культуры, в этом случае им предстоит научиться выслушивать других, приходить к компромиссам и задавать вопросы. Однако если группа разработает метод принятия решений, который совершенно оригинален и чужд для их общества, то могут возникнуть сложности при включении новоприбывших и объяснении этих методов людям, находящимся вовне, — иногда в этом кроется слабость американских инфошопов, которые используют хорошо продуманную идеализированную форму принятия решений, до того сложную, что она кажется чуждой даже многим участникам.

Антиавторитарная группа может использовать одну из форм консенсуса или мажоритарного голосования. Большие группы могут счесть голосование более быстрым и эффективным, но оно может заглушать меньшинства. Наверное, наиболее важная часть процесса принятия решений — это дискуссия, которая происходит перед решением; голосование не уменьшает важность методов, которые позволяют каждому высказаться и прийти к компромиссу. Многие автономные деревни Оахаки, в

---

¹⁹ Нуэр (нуэры, аббинар; самоназвание — тог наат, наас) — один из крупнейших племенных союзов Восточной Африки, входят в группу нилотов. Распространены на юге Судана и в западной Эфиопии. Общая численность — около 1,7 млн человек. — прим. пер.

конечном счёте, использовали голосование для принятия решений, и они явились замечательным образцом самоорганизации для радикалов, которые в других обстоятельствах ненавидели голосование. Хотя структура группы, несомненно, влияет на её культуру и результаты её деятельности, формальность голосования может быть допустимым средством достижения цели, если все дискуссии, которые имели место до него, были пропитаны духом солидарности и кооперации.

В самоорганизованном обществе не всякий в равной мере будет участвовать в собраниях и других формальных мероприятиях. Орган принятия решений со временем может оказаться во власти определённых людей, а само собрание превратится в бюрократическое образование с принудительными полномочиями. Поэтому может оказаться необходимым разработать децентрализованные и перекрывающие друг друга формы организации и принятия решений и сохранить пространство для спонтанной организации, которая могла бы происходить вне каких-либо существующих до неё структур. Если имеется только одна структура, в которой принимаются решения, внутренняя культура может развиться её так, что она не будет учитывать мнение каждого члена общества; тогда опытные «посвящённые» могут возвыситься на места лидеров, а человеческая деятельность вне этой структуры может быть лишена легитимности. Достаточно скоро вы получите правительство. Движение киббуцев и АРРО являются собой свидетельство медленного развития бюрократии и специализации.

Но существует множество структур принятия решений для различных сфер жизни, и они могут возникать или исчезать в соответствии с потребностями. Ни одна из них не может монополизировать власть. В этом отношении власть должна оставаться на улицах, в домах, в руках людей, которые её осуществляют, собраний людей, которые собираются вместе, чтобы решать свои проблемы.

Рекомендуемая литература

1. Gaston Leval, *Collectives in the Spanish Revolution*, London: Freedom Press, 1975 (translated from the French by Vernon Richards).
2. Melford E. Spiro, *Kibbutz: Venture in Utopia*, New York: Schocken Books, 1963.
3. Peter Gelderloos, *Consensus: A New Handbook for Grassroots Social, Political, and Environmental Groups*, Tucson: See Sharp Press, 2006.
4. Natasha Gordon and Paul Chatterton, *Taking Back Control: A Journey through Argentina's Popular Uprising*, Leeds (UK): University of Leeds, 2004.
5. Marianne Maeckelbergh, *The Will of the Many: How the Alterglobalisation Movement is Changing the Face of Democracy*, London: Pluto Press, 2009.

Экономика

Анархизм не приемлет капитализм и частную собственность на средства производства, на инфраструктуру и на ресурсы, которые нужны нам всем для жизни. Анархистские экономические модели разнообразны: от сообществ охотников и собирателей или сельскохозяйственных коммун до промышленных комплексов, в которых планирование осуществляется коллективно, а распределение налажено через квоты или некую ограниченную форму денег. Все эти модели основаны на принципе совместного труда для удовлетворения общих потребностей и отрицают иерархию в любом её виде — будь то начальники, менеджеры, или разделение общества на классы богатых и бедных или работодателей и работников.

Кто захочет работать без зарплаты?

Есть мнение, что если мы уничтожим капитализм и наёмный труд, то никто больше не будет работать. Действительно, работа в том виде, в каком она существует сейчас для большинства людей, исчезнет. Но общественно полезный труд привлекателен не только из-за зарплаты. Скорее наоборот: если за труд платят, то он доставляет меньше удовольствия. Отчуждение труда, которое является частью капитализма, уничтожает естественные стимулы трудиться (например, удовольствие от свободного действия и удовлетворение от хорошо выполненной работы). Когда работа ставит нас в подчинённое положение — подчинённое начальнику, который надзирает за нами, и богачам, которые владеют нашим рабочим местом, — и мы не имеем права участвовать в принятии решений, но должны лишь бездумно подчиняться приказам, то весь процесс становится мучительным, отвратительным и оупляющим. Кроме того, мы теряем естественные стимулы трудиться, когда мы не делаем что-то полезное для наших сообществ. Даже среди тех немногих современных работников, которые производят то, что они могут увидеть, почти все производят нечто, приносящее прибыль их работодателям, но совершенно бессмысленное для них лично. Фордистское конвейерное структурирование труда превращает людей в машины. Вместо того чтобы развивать умения, которыми рабочий мог бы гордиться, оказывается, что более выгодно дать каждому одну повторяющуюся задачу, и поставить его или её на сборочную линию. Неудивительно, что так много рабочих занимаются саботажем, воруют со своих рабочих мест или вообще хватают автомат и устраивают себе игру-стрелялку в реальной жизни.

Мнение о том, что без зарплаты люди перестанут работать, ничем не обосновано. Если принять во внимание всю длинную историю человечества, то окажется, что зарплата — это довольно новое изобретение. Тем не менее, общества, которые существовали без денег и зарплат, не умерли с голода лишь потому, что никто не платил

работникам. После уничтожения наёмного труда исчезнет только та работа, которую никто из выполняющих её не считает полезной. Мы сможем сберечь всё то время и ресурсы, тратящиеся на бесполезный мусор, в котором тонет наше общество. Только подумайте, сколько ресурсов и труда уходит на рекламу, почтовые рассылки, одноразовую упаковку, дешёвые игрушки, одноразовые товары — все те вещи, которые неинтересно производить и которые предназначены лишь для того, чтобы в скором времени развалиться и обеспечить покупку следующей версии.

Первобытные сообщества с меньшей степенью разделения труда не страдали от отсутствия зарплаты, потому что основная экономическая активность — производство пищи, жилья, одежды и инструментов — легко сочетается с нуждами общества. В этом случае работа — это важная социальная деятельность и очевидный долг любого трудоспособного члена общества. А поскольку всё очень гибко, то работу можно приспособить к особенностям каждой личности, и ничто не препятствует превращению труда в игру. Ремонт своего дома, охота, прогулки по лесу в поисках растений и животных, шитьё, приготовление пищи для праздника — разве не этим занимаются люди из среднего класса в свободные часы, чтобы хоть на время забыть о своей отвратительной работе?

Антикапиталистические сообщества с более высокой степенью экономической специализации также разработали довольно много методов создания стимулов к труду и распределения его результатов. Уже упоминавшиеся выше израильские киббуцы — лишь один из примеров применения стимулов к труду в отсутствие зарплаты. Одна из книг, описывающих жизнь и труд в киббуцах, выделяет четыре основных мотивации для работы в кооперативных трудовых коллективах, где отсутствует индивидуальная конкуренция и стремление к прибыли:

1. групповая продуктивность влияет на уровень жизни всего сообщества, поэтому существует групповое стремление хорошо работать;
2. члены сообщества работают там, где хотят, и получают удовлетворение от своего труда;
3. люди гордятся, если их трудовое подразделение работает лучше других;
4. труд престижен, поскольку является культурной ценностью¹.

Как уже было сказано выше, последовавший закат эксперимента с киббуцами имел своей причиной в основном тот факт, что киббуцы были социалистическими предприятиями, действующими в рамках капиталистической экономики, а потому подчинёнными логике конкуренции, а не взаимопомощи. В мире без капитализма подобная коммуна не встретила бы таких проблем. В любом случае, нежелание работать из-за отсутствия зарплаты было не единственной проблемой киббуцев.

Многие анархисты считают, что зародыши капитализма содержатся в самой ментальности производства. Способность того или иного типа экономики выжить (а тем более, развиваться) внутри капиталистической системы ничего не говорит о

---

¹ Melford E. Spiro «Kibbutz: Venture in Utopia», New York: Schocken Books, 1963, pp. 83-85.

его освободительном потенциале. Но анархисты предлагают и отстаивают множество различных форм экономического устройства, некоторые из которых можно практиковать лишь ограниченно, поскольку в современном мире они полностью незаконны. В некоторых европейских городах так много засквотированных домов и социальных центров, что они фактически представляют собой теневое общество. Например, в Барселоне в 2008 году было более 40 социальных центров в захваченных зданиях и как минимум двести засквотированных домов. Те, кто живут в этих сквотах, используют принятие решений консенсусом на общих собраниях, большинство из этих коллективов позиционируют себя как анархистские или антиавторитарные. Работа и рыночный обмен по большей части исключены из жизни этих людей, объединённых в сотни сетей. У многих нет наёмной работы или они работают время от времени, поскольку не нуждаются в деньгах для съёма жилья. Например, автор этой книги прожил в таких условиях два года и большую часть этого времени тратил менее одного евро в день. Более того, большая часть деятельности, которая ведётся внутри этого автономистского движения, совершенно не оплачивается. Но зарплаты и не нужны: эти люди работают для себя. Они захватывают пустующие здания, которые спекулянты бросили разрушаться. Они делают это в качестве протеста против джентрификации и в качестве антикапиталистического прямого действия, которое обеспечивает их жильём. Постепенно обучаясь всему, что им нужно, они ремонтируют дома, убирают мусор, чинят крыши, вставляют окна, устанавливают канализацию, душ, свет, кухни и вообще всё, что им необходимо. Они часто крадут электричество, воду и интернет, а большая часть еды — это выкинутые из супермаркетов или позаимствованные там же продукты. Используются и засквотированные сады.

В условиях полного отсутствия управленцев они выполняют всю работу, но в своём темпе и по своей логике. Это логика взаимопомощи. Кроме обустройства своих жилищ, они также направляют энергию в работу на благо соседей и всего сообщества. Кроме жилья они предоставляют коллективам большое количество других услуг. В некоторых социальных центрах есть мастерские по ремонту велосипедов, где люди могут даже собрать себе велосипед из старых запчастей. В других можно найти плотницкие мастерские, секции самообороны и йоги, мастер-классы по натуральной медицине, библиотеки, сады, общественные столовые, театральные и художественные группы, секции обучения иностранным языкам, альтернативные средства массовой информации, концертные площадки, киноклубы, компьютерные лаборатории, где люди могут использовать интернет, научиться информационной безопасности или завести свой сайт. В таких центрах проходят акции солидарности против неизбежных репрессий. Почти все эти услуги предоставляются абсолютно бесплатно. Нет и обмена — группа организует услугу для всех, и в результате становится лучше всей социальной сети.

Проявляя невиданную для нашего пассивного общества инициативу, сквоттеры регулярно организуют общие столовые, ремонтные мастерские или еженедельные киноклубы. Они разговаривают с друзьями и друзьями друзей до тех пор, пока не наберут достаточно людей и ресурсов, чтобы воплотить свою идею в реальность. Затем они передают новость об этом из уст в уста или расклеивают афиши в надежде, что как можно больше людей придёт и примет участие в их деятельности. С точки зрения капиталистической ментальности, они алчно зовут людей, чтобы ограбить

их, но сквоттеры никогда не прекращают деятельность только потому, что она не приносит прибыль. Очевидно, что они создали новую форму благосостояния. Когда они делятся с другими тем, что производят сами, они становятся богаче.

Богаче становится и весь район, потому что сквоттеры организуют новые проекты гораздо быстрее, чем местные органы власти. В одном из районных журналов Барселоны жители хвалят местный сквот за то, что он откликнулся на требование, которое власть многие годы игнорировала — создать в районе библиотеку. Вполне мейнстримовый журнал замечает, что «сквоттеры выполняют работу, о которой забывает муниципалитет»². В том же районе сквоттеры помогли местному квартиросъёмщику, на которого давил владелец жилья. Сквоттеры неустанно работали с ассоциацией пожилых людей, у которых были схожие проблемы: жульничество и незаконные выселения со стороны собственников. В результате выселение было приостановлено.

В условиях, которые схожи с полным отказом от работы, социальное и экономическое сближаются до степени неразличимости. Труд и услуги не нуждаются в денежной оценке. Это социальная деятельность, выполняемая индивидуально или коллективно просто как часть ежедневной жизни, без необходимости управления или подсчётов. В результате в таких городах как Барселона люди могут проводить большую часть времени и удовлетворять большинство потребностей (от жилья до развлечений) в сквоттерской социальной сети, без работы и почти без денег. Конечно, не всё можно украсть (пока), и сквоттерам всё же приходится продавать свой труд, чтобы оплачивать медицинское обслуживание или судебные издержки. Но избыточная природа того, что нельзя произвести самому, найти или украсть, ужас необходимости продавать ценные моменты своей жизни для работы на какую-нибудь корпорацию — всё это для многих лишь усиливает уровень конфликта внутри капиталистической системы.

Потенциальный изъян любого движения, достаточно мощного, чтобы создать альтернативу капитализму, в том, что его участники могут самодовольно замкнуться в своём автономном мире и потерять волю к борьбе за полное упразднение капитализма. Само сквоттерство может стать лишь ритуалом, и даже в Барселоне движение в целом не так креативно в сопротивлении и нападении, как в практических аспектах ремонта домов и выживания без денег. Тем не менее, самоподдерживающаяся сущность сети сквоттеров, непосредственное присутствие свободы, инициативы, удовольствия, независимости и общности в их жизни явно ставят под сомнение капитализм, показывая его сущность ходячего трупа, который лишь полиция охраняет от вымирания и замены на намного более совершенные формы жизни.

Но ведь людям нужны начальники и эксперты?

Как анархисты могут организоваться на рабочем месте и координировать производство и распределение в глобальном масштабе без начальников и менеджеров? На самом деле, огромное количество ресурсов теряется из-за конкуренции и по-

---

² Gemma Aguilar «Els okupes fan la feina que oblida el Districte», Avui, Saturday 15 December 2007, p. 43.

средников. В конечном счёте, производство и распределение осуществляют сами работники, и они же знают, как организовать свою работу в отсутствие начальников.

В Турине и его окрестностях после Первой Мировой войны около пятисот тысяч работников участвовало в движении захвата фабрик. Коммунисты, анархисты и другие рабочие, возмущённые эксплуатацией, устраивали дикие забастовки. Многие в результате захватили свои фабрики и основали там фабричные советы для координации своей деятельности. И они прекрасно справлялись без начальников. В конце концов, эти советы легализовали, но это привело к их исчезновению, поскольку их поглотили профсоюзы, чьему существованию сила автономных рабочих угрожала не меньше, чем работодателям.

В декабре 2001 года экономический кризис в Аргентине спровоцировал нападения на банки, которые ознаменовали начало массового народного восстания. Аргентину приводили в качестве примера «студента-отличника» неолиберальных организаций (таких, как Международный Валютный Фонд). Но политика, которая обогащала зарубежных инвесторов и давала аргентинскому среднему классу жизнь «как в первом мире», породила нищету в большей части страны. Антикапиталистическое сопротивление уже было широко распространено среди безработных, а после того, как средний класс потерял все свои сбережения, миллионы людей вышли на улицы, отвергая все ложные решения и оправдания политиков, экономистов и СМИ. Они скандировали: «Que se vayan todos!» (Они все должны уйти!). Десятки людей были убиты полицией, но народ отбивался, сбрасывая страх, оставшийся от военной диктатуры, которая правила Аргентиной в 1970-х и 1980-х годах.

Сотни фабрик, оставленных хозяевами, были заняты рабочими, которые продолжали производство, чтобы иметь возможность кормить свои семьи. Наиболее радикальные коллективы, захватившие фабрики, вводили равные зарплаты и распределяли менеджерские обязанности среди всех рабочих. Они принимали решения на открытых собраниях и некоторые рабочие сами научились, например, бухгалтерскому учёту. Чтобы не появился новый класс управленцев, на некоторых фабриках ввели ротацию менеджерских обязанностей или правило, что люди на управленческих должностях по-прежнему должны работать в цехах и заниматься учётом или маркетингом после работы. Когда писались эти строки, некоторые из захваченных фабрик уже начали нанимать новых работников, уменьшая, таким образом, безработицу в Аргентине. Иногда захваченные фабрики обменивались сырьём и продуктами производства друг с другом, создавая теневую экономику в духе солидарности.

Один из наиболее известных случаев — керамическая фабрика «Zanon» в южной Аргентине. Владелец закрыл её в 2001 г., а уже в январе 2002 г. работники захватили фабрику. Они начали управлять ею при помощи открытых собраний и комиссий, которые состояли из рабочих и обеспечивали продажи, управление, планирование, охрану, соблюдение санитарных норм, закупки, производство и работу с прессой. После захвата они вновь наняли работников, которые были уволены перед закрытием фабрики. В 2004 г. коллектив насчитывал 270 человек, и они производили 50% от объёмов продукции до закрытия. При помощи врачей и психологов они организовали на предприятии систему медицинской помощи. Рабочие обнаружили, что 2 рабочих дня в неделю было достаточно для выплаты зарплаты, поэтому они снизили цены на 60% и организовали сеть молодых поставщиков (большинство из

них были до этого безработными), которые распространяли керамическую плитку по всему городу. Кроме производства плитки, «Zanon» включился в социальные движения: фабрика давала деньги на больницы и школы, дёшево продавала плитку бедным, в её помещениях проходили кинопоказы, представления и концерты, акции солидарности с другими кампаниями. Кроме того, фабрика поддерживала освободительную борьбу индейцев-арауканов. Когда поставщик глины отказался работать с «Zanon» по политическим мотивам, глину на фабрику начали поставлять арауканы. К апрелю 2003 г. полиция при поддержке профсоюзов предприняла уже четыре попытки разгромить фабрику. Все они были отбиты рабочими совместно с жителями округи и активистами³.

В июле 2001 г. работники супермаркета «Эль Тигре» (El Tigre) в аргентинском городе Розарио захватили своё рабочее место. Хозяин закрыл магазин двумя месяцами ранее и объявил себя банкротом, при этом работники уже многие месяцы не получали зарплату. После бесплодных протестов рабочие открыли «Эль Тигре» и начали управлять им самостоятельно, причём все работники участвовали в принятии решений через механизм общих собраний. Вполне в духе солидарности они снизили цены и стали продавать фрукты и овощи из местных фермерских кооперативов и продукты, произведённые на других захваченных фабриках. Кроме того, они отдали часть пространства под культурный центр для всего района. В нём происходили политические дебаты, студенческие собрания, театральные и кукольные представления и семинары по йоге. Там же находились кафе и библиотека. В 2003 г. в этом культурном центре прошла всеаргентинская встреча работников захваченных («возвращённых») предприятий. Её посетило 1500 человек. Мария, одна из участниц коллектива, так описывает свой опыт:

«Если бы три года назад кто-то сказал мне, что мы сможем сами управлять магазином, я ни за что бы не поверила... Мне казалось, что нам нужны начальники, чтобы они говорили нам, что делать. Теперь я понимаю, что вместе мы можем управляться даже лучше, чем они»⁴.

В Euskal Herria, баскских землях, оккупированных Испанией и Францией, большой комплекс кооперативных предприятий, принадлежащих рабочим, сконцентрировался вокруг городка Мондрагон. Начав с 23 работников одного кооператива в 1956 г., к 1986 г. кооперативы Мондрагона насчитывали 19 500 человек на 100 предприятиях. Они выжили, несмотря на то, что в это время Испания переживала тяжёлый экономический кризис, и выжили гораздо лучше, чем большинство капиталистических фирм.

«В течение многих лет в Мондрагоне производились такие продукты, как мебель, кухни, станки и электроника. Кроме того, там работают предприятия печати, судостроения и плавки металла. В Мондрагоне созданы гибридные кооперативы, состоящие из потребителей и работников или из фермеров и рабочих. Весь этот комплекс

---

³ Сейчас завод «Zanon» переименован в FaSinPat. 14 августа 2009 года палата Депутатов Неукена, повинувшись народному давлению, наконец, признала законной экспроприацию завода по производству керамической плитки Zanon её рабочими. — прим. пер.

⁴ Natasha Gordon, Paul Chatterton «Taking Back Control: A Journey through Argentina's Popular Uprising», Leeds (UK): University of Leeds, 2004, p. 45.

развивает свой собственный кооператив по социальной защите и кооперативный банк, который растёт быстрее, чем любой другой банк в баскских землях»⁵.

Высшей властью в Мондрагоне является общее собрание, где каждый участвующий работник имеет один голос. Управление конкретными кооперативами осуществляется избранными советами, которым помогает совет по управлению и социальный совет.

Впрочем, существует и много критики мондрагонского комплекса. Для анархистов неудивительно, что демократические структуры могут породить элитарные группы, и, по мнению критиков Мондрагона, именно это и случилось, ведь этот комплекс ищет успеха (и достигает его) внутри капиталистической экономики. Хотя успехи несомненны и они опровергают мнение о том, что большие предприятия должны быть организованы иерархически, тем не менее, необходимость быть прибыльными и конкурентоспособными заставила кооперативы управлять собственной эксплуатацией. Например, после того, как они десятилетиями придерживались изначального принципа равной зарплаты, в конце концов, мондрагонские кооперативы решили увеличить зарплаты управленцев и технических экспертов по сравнению с зарплатой работников ручного труда. Причина состояла в том, что было сложно удержать людей, которые в коммерческих корпорациях получали бы гораздо больше за свои умения. Эта проблема подчёркивает необходимость объединения ручного и интеллектуального труда, чтобы избежать профессионализации опыта (то есть превращения опыта в качество, присущее элитарному меньшинству), и достигнуть построения экономики, в которой люди производят не для прибыли, а для других членов сообщества. В этом случае деньги теряют значимость и люди начинают трудиться из чувства общей солидарности.

В современном высокотехнологичном обществе нас учат верить в то, что примеры из прошлого или из «развивающегося» мира не важны для нашей ситуации. Многие люди, считающие себя образованными социологами и экономистами, отмахиваются от примера Мондрагона, потому что считают культуру басков специфической. Но есть и другие примеры эффективности эгалитарных рабочих пространств, причём в самом сердце капитализма.

Gore Associates (США, штат Делавэр) — это стоящая многие миллионы долларов высокотехнологичная фирма, которая производит влагозащитный мембранный материал Gore-Tex, изоляцию для компьютерных кабелей и компоненты для медицинской, автомобильной и полупроводниковой промышленности. Уровень зарплат там определяется коллективно, ни у кого нет иерархических званий, отсутствует формальная структура менеджмента, а дифференциация между работниками сведена к минимуму. По всем капиталистическим стандартам производительности — количество работников, прибыльность, репутация продукта, списки лучших рабочих мест — Gore, несомненно, успешная компания.

Важным фактором их успеха является приверженность тому, что некоторые учёные называют «Правило 150». Основываясь на наблюдении, что группы охотников и собирателей по всему миру (а так же успешные сообщества и коммуны) колеблются

---

⁵ William Foote Whyte, Kathleen King Whyte «Making Mondragon: The Growth and Dynamics of the Worker Cooperative Complex», Ithaca, New York: ILR Press, 1988, p. 5.

в размере от 100 до 150 человек, эта теория гласит, что человеческий мозг лучше всего приспособлен работать с сетями личных отношений размером до 150 узлов. Поддержание отношений, запоминание имён, социальных статусов и установленных кодов поведения и коммуникации — всё это занимает пространство в нашем мозге. Подобно другим приматам, которые живут в группах определённого размера, люди тоже приспособлены к общению с конкретным числом партнёров. Все фабрики Gore не перешагивают порог в 150 работников, поэтому каждая из них может быть полностью самоуправляемой, включая не только цеха, но и людей, ответственных за маркетинг, исследования и другие задачи⁶.

Скептики часто возражают против анархистских примеров небольших «первобытных» обществ, утверждая, что больше невозможно организовываться в малых группах, учитывая рост населения. Но, на самом деле, большому обществу ничего не мешает организоваться во множество малых групп. Организация в малых масштабах явно возможна. Даже в высокотехнологичной промышленности фабрики Gore вполне успешно координируются друг с другом, поставщиками и потребителями, при этом сохраняя организацию на малом уровне. Каждая единица способна организовать свои внутренние отношения и точно также способна организовать и внешние.

Конечно, пример фабрики, которая успешна внутри капиталистической системы, оставляет желать лучшего. Большинство анархистов предпочло бы сжечь все фабрики дотла, а не использовать антиавторитарные формы организации, чтобы подсластить пилюлю капитализма. Но этот пример, по крайней мере, демонстрирует, что самоорганизация работает даже внутри большого и сложного общества.

Пример Gore представляет проблему ещё и в том смысле, что рабочие не владеют фабрикой и формальный менеджмент может быть в любой момент возвращён владельцами предприятия. Анархисты выдвигают тезис, что проблема капитализма не только в отношениях между рабочими и владельцами средств производства, но и в отношениях между рабочими и управляющими (менеджерами), и пока они сохраняются, капитализм может вернуться. Эта теория подтверждается примером Мондрагона, где со временем менеджеры стали получать больше денег и власти и возродили динамику неравенства и прибыли, характерную для капитализма. Учитывая это, некоторые анархисты выдвинули концепцию «экономики участия» (parecon), хотя пока ни у кого не было возможности развернуть такую экономику в хоть скольконибудь большом масштабе. Среди прочего, экономика участия подчёркивает необходимость всестороннего развития работников через смешивание творческих и рутинных, интеллектуальных и ручных задач, таким образом, создавая «сбалансированные трудовые комплексы». Это должно предотвратить появление класса управленцев-менеджеров⁷.

Во время восстания в мексиканском штате Оахака в 2006 г. люди совершенно без опыта организовали работу захваченных радиостанций и телеканалов. Их мотивацией была общественная необходимость в свободных средствах коммуникации. Марш

---

⁶ Malcolm Gladwell «The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big Difference». New York: Little, Brown, and Company, 2002, pp. 183-187.

⁷ Michael Albert «Parecon: Life After Capitalism», New York: Verso, 2003, pp. 104-105.

Горшков и Кастрюль, легендарное шествие женщин 1 августа 2006 г., закончился тем, что тысячи людей спонтанно заняли государственную телестанцию. Вдохновлённые внезапным чувством силы, которую они приобрели, восстав против традиционного патриархального общества, они захватили телеканал Channel 9, до этого клеймивший общественные движения и заявлявший при этом, что он является «народным каналом». Сначала женщины заставляли инженеров помогать им управляться со станцией, но скоро научились делать это сами. Одна из них вспоминает:

«Я каждый день приходила на телестанцию, чтобы охранять её и помогать людям. Женщины организовались в несколько комиссий: по еде, гигиене, производству и безопасности. Мне понравилось, что не было лидеров. Для каждой задачи была группа ответственных женщин. Мы учились всему с самого начала. Я помню, как кто-то спрашивал, умеет ли кто-нибудь работать с компьютером. Многие девушки выступили вперёд, говоря: „Я, я могу!“ . Они объявили по Radio Universidad, что нам нужны люди с техническими навыками, и многие пришли на помощь. Вначале они снимали людей с обрезанными головами, ну, вы знаете, камеру неверно ставили. Но опыт работы на Channel 9 показал нам, что „где воля тверда, там нет преград“. Всё было сделано и сделано хорошо.

В тот короткий период (три недели) работы Channel 9, до того, как губернатор Улис приказал срезать антенны, мы смогли распространить большое количество информации. Мы показывали художественные и документальные фильмы, которые иначе невозможно было бы увидеть на ТВ. О разных социальных движениях, о расправе над студентами в Тлалелолько (Мехико) в 1968 г., об убийствах в Агуа Бланкас (Герреро) и в Актеале (Чиापас), о партизанах Кубы и Сальвадора. К тому времени Channel 9 уже был не просто „женским каналом“. Это был всенародный канал. Участники захвата делали и собственные программы. Была программа для молодёжи и программа, в которой принимали участие индейские сообщества. Была и программа разоблачений, куда каждый мог прийти и рассказать о том, как к нему или к ней относится правительство. Многие жители ближайших районов хотели участвовать в ней, едва хватало времени эфира»⁸.

После того, как захваченная телестанция была отключена, движение откликнулось на это захватом всех одиннадцати коммерческих радиостанций Оахаки. Монотонность коммерческого радио сменилась многоголосием: радиостанция для студентов, радиостанция для женских коллективов, радиостанция для анархистов с панковского сквота. Кроме того, на радио стало больше, чем когда бы то ни было, индейских голосов. Через некоторое время люди из движения решили вернуть большинство радиостанций владельцам, но сохранили контроль над двумя из них. Целью было не подавить «голоса против», пусть даже это искусственные коммерческие голоса, а приобрести средства коммуникации. Оставшиеся радиостанции успешно работали месяцами, пока их не закрыло правительство. Студент, участвовавший в захвате, работе и защите радиостанций, говорил так:

«После захвата я прочитал статью, где было написано, что те, кто вдохновлял и осуществлял захват радиостанций, не были жителями Оахаки, что они приехали

---

⁸ Diana Denham и C.A.S.A. Collective (eds.) «Teaching Rebellion: Stories from the Grassroots Mobilization in Oaxaca», Oakland: PM Press, 2008, интервью с Тоней.

издалека и что у них была специальная подготовка. Вроде как у людей без специальной подготовки не получилось бы научиться работать с радиостанциями за такой короткий промежуток времени, потому что оборудование там слишком сложное. Но это неправда»⁹.

Кто будет убирать мусор?

Если каждый может выбрать любую работу, то кто будет убирать мусор или выполнять любые другие неприятные обязанности? К счастью, в локальной антикапиталистической экономике мы не можем экспортировать или скрыть последствия нашего стиля жизни посредством найма кого-то, кто уберёт за нами. Нам придётся платить за последствия наших действий, а не платить, например, Китаю, чтобы он забрал наши токсичные отходы. Если никто не будет убирать мусор, то сообщество быстро это заметит и ему придётся решать эту проблему. Люди могут договориться о вознаграждении такой работы — не вознаграждении, которое становится властью, а что-то вроде «быть первым в очереди, когда в город попадают экзотические товары», в очереди на массаж, за тортами или просто в виде признания и благодарности за то, что кто-то является таким выдающимся членом сообщества. В конечном счёте, в обществе взаимопомощи хорошая репутация ответственного человека более ценна, чем любые материальные стимулы.

Есть и другой вариант: сообщество может решить, что каждый должен заниматься такой работой по очереди. Такая деятельность, как уборка мусора, не должна определять «карьеру» человека в антикапиталистической экономике. Важные задачи, которые никто не хочет выполнять, нужно разделить между всеми. Таким образом, вместо того, чтобы несколько человек были вынуждены копать в мусоре всю жизнь, каждый физически здоровый член сообщества будет делать это пару часов каждый месяц.

«Свободная страна» Христиания — это район Копенгагена (Дания), который засквотирован с 1971 г. 850 его обитателей вполне автономны на своих 85 акрах земли. Они убирают за собой мусор сами вот уже более тридцати лет. Тот факт, что каждый год в Христианию приезжает миллион посетителей, делает их достижения ещё более впечатляющими. Улицы, здания, рестораны, общественные туалеты выглядят очень чистыми — особенно для хиппи! Речушка, которая протекает через Христианию не особо чистая, но поскольку в Христиании нет автомобилей и много деревьев, можно предположить, что большая часть загрязнений идёт из окружающего города.

Обитатели Христиании построили там десятки домов, используя инновационное экологическое проектирование. Кроме того, они используют:

«...солнечную энергию, энергию ветра, сортировку мусора и множество других экологических инноваций. Применяется метод фильтрации канализации через тростник, поэтому вода, вытекающая из Христиании, ничуть не грязнее, чем вода из других очистных сооружений Копенгагена. Именно поэтому сообщество было номинировано на всескандинавскую награду за экологичный образ жизни»¹⁰.

⁹ Там же, интервью с Франциско.

¹⁰ Cahal Milmo «On the Barricades: Trouble in a Hippie Paradise», The Independent, 31 may 2007.

Будучи опрошенными, разные люди высказывали различные взгляды на то, как Христианию сохраняют чистой. Можно видеть некую двойную систему. Новичок сказал, что просто все убирают за собой, а если ты хочешь заняться чем-то сверх этого, то ты просто идёшь и делаешь. Старожил, более вовлечённый в принятие решений, объяснил, что существует комитет по мусору, подотчётный Общему собранию. Именно он несёт ответственность за уборку мусора, хотя, конечно, на первой линии обороны находятся добровольная помощь и чистоплотность всех обитателей.

Кто будет заботиться о стариках и инвалидах?

Только в обществе, так сказать, «высококонкурентного рынка» старики и инвалиды так маргинализированы. Чтобы повысить норму прибыли, работодатели стараются не брать на работу людей с физическими недостатками и заставляют пожилых работников рано уходить на пенсию. Поскольку рабочим приходится перемещаться в поисках работы, в нашей культуре (в которой быть взрослым означает жить отдельно) по мере старения родители остаются в одиночестве. Большинство из них, в конце концов, переселяется в то подобие дома престарелых, которое могут себе позволить. Многие умирают забытыми, одинокими и раздражёнными; никто не меняет им простыни и не лечит пролежни. В анархическом антикапиталистическом мире ткань общества не будет такой грубой.

Среди множества экспериментов, которые проводились в Аргентине в ответ на кризис 2001 г., процветала экономика солидарности и заботы обо всех членах сообщества. Аргентинский экономический коллапс не привёл к войне всех против всех, которой так боятся капиталисты. Скорее, результатом стал взрыв солидарности. Старики и инвалиды тоже не были исключены из этой сети взаимопомощи. Участвуя в районных собраниях, они получили возможность обеспечить свои нужды и своё присутствие в принятии решений, которые влияли на их жизни. На некоторых собраниях участники предлагали, чтобы домовладельцы отказались от выплаты налога на собственность и направляли эти деньги на поддержку местной больницы или других социальных учреждений. В регионах с высокой безработицей движения безработных практически победили и строят новую экономику. В Женераль Москони, нефтяном городе на севере страны, безработица составляет около 40%. Сейчас большая часть района является автономной. Движение организовало более 300 проектов по поддержке нужд населения, включая пожилых и инвалидов.

Даже безгосударственные общества охотников и собирателей, в которых нет накопления капитала и фиксированной инфраструктуры, обычно заботятся обо всех членах социума, вне зависимости от того, продуктивны ли они с экономической

---

¹¹ Даже с чисто технической точки зрения, пожилые люди обеспечивают репродуктивную функцию, поскольку знают о том, как выжить во время природных катастроф, которые случаются раз в несколько поколений. Кроме того, они повышают социальную связность, увеличивая количество родственных связей в сообществе — число людей с одними и теми же бабушками и дедушками гораздо выше, чем число людей с одними и теми же родителями. Однако эти их полезные качества не очевидны, и, видимо, ни один человеческий социум не занимается такими вычислениями, когда решает, кормить беззубых бабушек или нет. Другими словами, то, что мы получаем выгоды от существования стариков, — это отражение присущей нам социальной щедрости.

точки зрения. На самом деле, дедушки и бабушки (с дарвинистской точки зрения, генетически бесполезные, поскольку вышли за пределы репродуктивного возраста¹¹) — это одна из определяющих черт человечества, насчитывающая миллионы лет. Окаменевшие останки наших самых первых предков показывают, что они уже заботились о стариках. Современные общества охотников и собирателей проявляют не только материальную заботу о пожилых людях, но и то, что невозможно наблюдать на найденных останках, — уважение к ним. Например, в племени мбути различают пять возрастных групп: младенцы, дети, подростки, взрослые и старики. Из них только взрослые занимаются экономическим производством в форме собирательства, охоты или поиска сырья (например, дров). Тем не менее, социальные блага распределяются между всеми, вне зависимости от производительности. Совершенно немыслимо, чтобы старик или инвалид голодал только потому, что он не работает. Наряду с этим мбути включают всех членов социума в процесс принятия решений и вообще в политическую и общественную жизнь. Старики играют особую роль в разрешении конфликтов и миротворчестве.

Как будет работать здравоохранение?

Для капиталистов и бюрократов здравоохранение является индустрией вытягивания денег из нуждающихся. Кроме того, это способ успокоить население и предотвратить бунт. Неудивительно, что качество здравоохранения в нашем обществе часто страдает. Даже в самых богатых странах мира медицинские услуги недоступны миллионам людей, включая автора этой книги. Ежегодно сотни тысяч умирают от болезней, которые можно было бы предотвратить или вылечить.

Поскольку вредные условия труда и проживания и отсутствие здравоохранения всегда были одним из основных недостатков капитализма, предоставление медицинского обслуживания является важной целью антикапиталистического революционного движения. Например, в Аргентине безработные и советы районов постоянно организовывают клиники или захватывают и финансируют существующие больницы, которые государство оставило в руинах.

Во время гражданской войны в Испании медицинский синдикат Барселоны (организованный по большей части анархистами) поддерживал 18 больниц (6 из них были синдикатом же и созданы), 17 санаториев, 22 клиники, 6 психиатрических лечебниц, 3 яслей и один роддом. Амбулаторные отделения были созданы во всех больших посёлках Каталонии. После получения запроса, синдикат посылал врачей к нуждающимся. Чтобы отказаться от должности, врач должен был иметь основательную причину, «поскольку считалось, что медицина находится на службе общества, а не наоборот»¹². Амбулаторные отделения финансировались из взносов местных муниципалитетов. Анархистский профсоюз работников здравоохранения объединял 8 тысяч человек, из них 1 020 врачей, 3 206 медсестёр, 133 стоматолога, 330 акушерок и 153 травника. Профсоюз управлял 36 центрами здравоохранения, распределёнными по всей Каталонии, и предоставлял медицинские услуги всему населению региона.

---

¹² Gaston Leval «Collectives in the Spanish Revolution», London: Freedom Press, 1975, p. 270.

В каждой из девяти зон был один центральный синдикат, а раз в неделю в Барселоне собирался Контролирующий Комитет, состоявший из делегатов — по одному от каждой секции. Он решал общие проблемы и намечал общие планы. Каждый отдел был автономным в своей сфере, но не изолированным: они поддерживали друг друга. Кроме Каталонии бесплатное здравоохранение было организовано в сельских коллективах Арагона и Леванта.

Даже в зарождающемся анархистском движении современной Америки анархисты стараются изучать и предоставлять медицинские услуги. В некоторых сообществах анархисты занимаются альтернативной медициной и таким образом помогают окружающим. Во время больших демонстраций протеста, которые часто сопровождаются полицейским насилием, анархисты организуют добровольные врачебные структуры: медпункты и мобильные бригады врачей, оказывающие помощь тысячам протестующих. Эти врачи (часто самоучки) лечат последствия применения переносного и слезоточивого газа, дубинок, электрошокеров, резиновых пуль, полицейских лошадей и причиняемых ими шоковых и травматических увечий. Бостонский Освободительный Отряд Врачей (BALM squad) — это пример группы медиков, которая существует на постоянной основе. Начиная с 2001 г. они посещают все основные протесты в других городах и проводят тренинги по скорой медицинской помощи. Они поддерживают веб-сайт и делятся информацией с другими инициативами, например, с клиникой «Общая почва» (Common Ground, о которой речь пойдёт чуть позже). Это неиерархическая структура, и они принимают решения только консенсусом. Также организован Радикальный медицинский коллектив региона залива Сан Франсиско, аналогичная группа на западе США.

В промежутках между протестами многие радикальные феминистские группы США и Канады создают женские медицинские коллективы для нужд самих женщин. Они рассказывают о женской анатомии в позитивном, воодушевляющем ключе, показывают женщинам, как самостоятельно производить гинекологический осмотр, как лучше переносить менструации и как использовать безопасные методы планирования семьи. Классическое западное здравоохранение чрезвычайно патриархально и обычно настолько невежественно в области женского здоровья, что фактически является вредным. Антигосударственная самоорганизация позволяет маргинализированным группам победить систему при помощи коллективного отстаивания своих интересов.

После того, как ураган «Катрина» опустошил Новый Орлеан, уличные медики-активисты вместе с бывшими «Чёрными Пантерами» основали клинику «Общая почва» в одном из самых нуждающихся районов. Скоро к ним на помощь пришли сотни анархистов и других добровольцев со всей страны, причём большая часть не имела никакого опыта. «Общая почва», поддерживаемая пожертвованиями и добровольцами, вылечила десятки тысяч людей. Широко признан провал во время кризиса правительственных «экспертов по чрезвычайным ситуациям». Но «Общая почва» была организована настолько хорошо, что работала даже лучше, чем Красный Крест, хотя у тех, несомненно, было гораздо больше опыта и ресурсов¹⁵. Кроме того,

---

¹⁵ Neille Ilel «A Healthy Dose of Anarchy: After Katrina, nontraditional, decentralized relief steps in where big government and big charity failed», Reason Magazine, December 2006.

клиника, конечно же, популяризировала концепцию взаимопомощи и показала явную несостоятельность правительства. В то время, когда я пишу эти строки, в «Общей почве» постоянно работают 40 человек. Они борются за здоровье населения в широком смысле: например, разбивают общественные парки и занимаются жилищными правами, чтобы те, кто бежал от урагана, смогли вернуться домой, несмотря на планы правительства по джентрификации. Они помогли перестроить множество домов в самых нищих кварталах. Отметим, что власти хотели просто раскатать эти кварталы бульдозерами, чтобы высвободить место для богатых белых людей.

А что с образованием?

Образование всегда было в центре внимания анархистов и других революционных движений планеты. Многие полностью отрицают любые формы организации образования после революции. Но даже это будет улучшением по сравнению с патристическими, манипулятивными и отупляющими формами образования, которые порождает национальное государство. Как и все люди, дети вполне способны учиться самостоятельно, причём при нормальных обстоятельствах обладают мотивацией к этому. Однако в школах редко встречаются эти самые «нормальные обстоятельства». Кроме того, там школьников не учат тому, что является для них самым важным: как выживать в детстве, как органично выражать эмоции, как развить свой уникальный творческий потенциал, как заботиться о своём и чужом здоровье. Их не учат борьбе с гендерным и домашним насилием, алкоголизмом и гопниками, не учат общению с родителями и нормальному знакомству со своей сексуальностью, поискам работы и квартиры или тому, как обходиться без денег. В общем, их не учат тому, что необходимо молодым людям для жизни. Даже те немногие (почти всегда необязательные) предметы, где изучают полезные навыки, всё равно насильно «структурируют» школьников. Девочки учатся готовить и шить на уроках домашнего хозяйства, а мальчики, которые идут на рабочие профессии, изучают столярное дело на уроках труда. Можно с уверенностью сказать, что большинство мальчиков заканчивает школу, не умея готовить и чинить собственную одежду, а большинство девочек и будущих офисных работников не знают, как починить унитаз, установить розетку, отремонтировать велосипед и машину, выровнять стену или вырезать что-нибудь из дерева. При этом на уроках «информатики» школьники часто знают больше учителей, что тоже говорит о фундаментальных недостатках текущей формы образования. В школах не учат даже тем навыкам, которые понадобятся детям на их скучнейших будущих работах. Большая их часть приобретается самостоятельно или от друзей и коллег. То есть школа жизни уже носит анархический характер.

Самое важное, чему последовательно учат государственные школы, — это повиноваться властям, принять приоритет желаний других над твоей жизнью и прекратить мечтать. Когда дети приходят в первый класс, они самостоятельны, интересуются миром, в котором живут, и они верят, что возможно всё. К окончанию школы они превращаются в циничных эгоистов, которые привыкли отдавать 40 часов в неделю принудительной деятельности. Кроме того, они не знают многих важных вещей: что исторически большинство человеческих сообществ были эгалитарными и безгосу-

дарственными, что полиция лишь недавно стала таким важным и якобы полезным органом, что их правительство виновно в пытках, геноциде и репрессиях, что их образ жизни разрушает природу, что их пища и вода отравлены и что их собственный город имеет длинную историю сопротивления.

Это неудивительно, учитывая историю государственных школ. Они появились постепенно, через некоторое количество стадий своей селекции. Первым общегосударственную систему школ учредил Отто фон Бисмарк. Ему нужно было подготовить подростков к бюрократической или военной карьере, дисциплинировать их, заразить патриотизмом и пропитать культурой и историей ранее не существовавшей немецкой нации. Эта школьная система стала одним из модернизационных винтиков, которые позволили Германии из горсти враждующих полуфеодалных провинций превратиться в государство, на протяжении жизни целого поколения угрожавшее всей Европе и большей части Африки.

В ответ множество анархистов-теоретиков основали неиерархические школы, где учителя были скорее помощниками, которые вместе с учениками исследовали выбранные ими (учениками) предметы. В США некоторые из этих образовательных экспериментов получили название «Современные школы», по аналогии с *Escuela Moderna* испанского анархиста Франсиско Феррера. Они помогли образованию тысяч учеников и сыграли важную роль в анархистском и рабочем движении. Вскоре после казни Феррера в Испании в 1911 г., Эмма Гольдман, Александр Беркман, Вольтерина де Клейр и другие анархисты основали первую американскую «Современную школу» в Нью-Йорке. Там преподавали многие знаменитые писатели и художники, а среди учеников был, например, художник Ман Рэй. Школа работала несколько десятилетий. После жёстких политических репрессий она «эмигрировала» из Нью-Йорка и стала центром сельской коммуны.

Позднее анархисты и другие американские активисты организовывали «свободные школы». Некоторые из них — это просто временные «одноразовые» классы, другие — вполне полноценные школы. Одна из них, Свободная школа Олбани, существовала в городе более 32 лет. Антиавторитарная школа обращает внимание не только на образование, но и на социальную справедливость — она предлагает гибкую шкалу платы за обучение и никого не отчисляет по финансовым причинам. Большинство экспериментальных школ доступны только элите, но в Свободной школе Олбани ученики очень разнообразны и в их числе есть дети из бедных семей. В этой школе нет ни расписания, ни обязательных уроков, она работает согласно философии: «Доверяй детям, и они будут учиться. Потому что, когда ты доверяешь детям их собственное „обучение“ — а на самом деле не обучение, а постоянное действие, — они учатся постоянно, каждый в своём ритме и своим способом».

В Свободной школе обучаются дети вплоть до 8 класса, а недавно открылось старшее отделение — Свободная школа *Harriet Tubman*. Школа владеет небольшой сельскохозяйственной фермой, и это ещё одна образовательная возможность для учеников. Кроме того, они работают с социальными проектами вроде общественных столовых и детских садов. Несмотря на финансовые и иные трудности, школа вполне успешна.

«Все знают, что мы умеем работать с детьми, которые имеют проблемы с учёбой или поведением. Образовательная система не способна удовлетворить их потребно-

сти. Поэтому к нам приходит всё больше ребят, которым до этого поставили диагноз вроде „синдром рассеянного внимания“ и прописали риталин и другие биопсихиатрические препараты. Их родители находят нас, потому что они обеспокоены побочными эффектами этих препаратов и потому что слышали, что мы эффективно работаем с такими детьми, не используя никакие лекарства. Наша активная, гибкая, индивидуальная организация учебного процесса делает лекарства совершенно ненужными»¹⁴.

MST, бразильское Движение Безземельных Рабочих, уделяет очень большое внимание образованию в посёлках, которые создаются на захваченной земле. С 2002 по 2005 годы они научили читать более 50 тысяч безземельных рабочих. 150 тысяч детей ходят в 1200 разнообразных свежестроенных сельских школ. Кроме того, MST подготовило более тысячи школьных учителей. Школы MST не контролируются государством, поэтому местные сообщества могут самостоятельно решать, чему будут учить их детей, и разрабатывать альтернативные образовательные концепции. Учебный процесс там не заражён расистскими, патриотическими и капиталистическими ценностями, которые являются неотъемлемой частью стандартного образования. Бразильское правительство жалуется, что детей в этих посёлках учат тому, что генетически модифицированные растения опасны для человеческого здоровья и окружающей среды. Это наводит на мысль, что они получают более адекватную и точную информацию, чем их сверстники в государственных школах. Школы MST концентрируются на ликвидации безграмотности и используют метод Пауло Фрейре¹⁵, который разработал «педагогику угнетённых». В городе Сан-Паулу MST основало автономный университет, где учатся фермеры, выбранные отдельными посёлками. Вместо того, чтобы изучать, например, сельскохозяйственный бизнес (как в капиталистическом университете), они познают семейные сельские практики и критику эксплуатирующих и экологически вредных технологий, доминирующих в современном сельском хозяйстве. Кроме того, MST помогает людям получить техническое

---

¹⁴ Веб-сайт Albany Free School (ссылка проверена 24 ноября 2006), <http://www.albanyfreeschool.com/overview.shtml>.

¹⁵ Пауло Фрейре родился в 1921 г. в г. Ресифе на северо-востоке Бразилии. Мировой экономический кризис заставил его узнать голод и нищету в молодые годы, что оказало глубокое влияние на его жизнь и привело к тому, что в возрасте одиннадцати лет он дал клятву посвятить свою жизнь борьбе против голода и нищеты. Жизнь в бедности привела Фрейре к открытию явления, которое он описывает как «культуру молчания» обездоленных. Он пришёл к пониманию, что невежество и вялость этих людей были прямым результатом всей ситуации экономического, социального, политического господства и патернализма, жертвами которого они были, и считал, что образовательная система являлась одним из главных инструментов для сохранения этой «культуры молчания». Фрейре начал свою деятельность с работы учителем начальной школы. Но его идеи в области образования стали проявляться с 1946 года, когда он стал работать директором по образованию в SESI — организации работодателей, которая была создана для помощи рабочим и их семьям. Увидев рассогласованность между элитной образовательной практикой и реальной жизнью рабочих, Фрейре вступает в ряды Движения за народную культуру. Своей работой Фрейре продемонстрировал, что неграмотные крестьяне могут быстро научиться читать и писать, если слова, которым их обучают, имеют для них политическое значение и если грамотность сопровождается ростом возможностей для изменений в их повседневной жизни (таких как земельная реформа или другие изменения социально-экономических условий). Образование взрослых добивается больших успехов, если становится сознательно политическим действием, целью которого является не просто осознание собственного угнетения, а рефлексия опыта, который воодушевит людей на социальное действие. — прим. пер.

образование в обычных университетах. С другой стороны, левая профессура часто читает критические лекции в автономном университете и даже составляет собственные курсы. Через всю эту образовательную концепцию красной нитью проходит тезис о том, что студенты должны использовать полученные знания на благо своих сообществ, а не для личной выгоды.

Сельское движение Сантьяго-дель-Эстеро (Movimiento Campesino de Santiago de Estero, MOCASE) — это группа фермеров (многие из них индейцы кечуа), связанных с MST. Начав с небольшого сообщества, боровшегося за землю в условиях экспансии крупных лесных компаний глобального Севера, теперь они насчитывают 8 тысяч семей в 58 коллективах и проявляют активность в самом широком спектре. Вместе с Universidad Transhumante они организовали Школу Фермеров, помогающую в приобретении навыков самоуправления. Студентов там, помимо всего прочего, учат учить, чтобы они могли передать знания другим. Universidad Transhumante интересен и сам по себе. Это народный университет, также вдохновлённый идеями Фрейре, который организовал «караван» по 80 городам Аргентины. Этот «караван» длился целый год, всюду представлял семинары по народному образованию и, кроме того, позволил организаторам узнать о проблемах, с которыми сталкиваются люди¹⁶. Где нет контроля государства, там и образование не обязано быть статичным и жёстким. Оно может стать инструментом наделяния общества силой, так как люди учатся тому, как учить. Поэтому они могут передать узнанное другим, а не зависеть всю жизнь от класса профессиональных «учителей». Оно может стать инструментом освобождения, так как люди узнают о власти и сопротивлении и учатся тому, как контролировать свою жизнь. Оно может быть караваном или цирком, так как люди путешествуют по стране и вместо спектаклей с клетками они приносят новые идеи и технологии. И оно может стать инструментом выживания, так как угнетённые народы узнают о своей истории и готовятся к своему будущему.

В 1969 г. в Америке индейские активисты (организация «Индейцы всех наций», Indians of All Nations) захватили покинутый остров Алькатрас на основании забытого закона, гарантировавшего, что аборигены имеют право на любую землю, с которой ушли пришельцы. В течение шести месяцев на острове жили сотни людей, отвергая колониальную власть и оживляя индейскую культуру, и, хотя большинство покинуло его из-за правительственной блокады, всего захват продолжался 19 месяцев. В начальный период захвата индейцы организовали школу, в которой преподавали историю и культуру коренных народов Америки с их собственной точки зрения, без расистской пропаганды, переполняющей учебники правительственных школ. Они использовали образование как средство культурного возрождения, в то время как до этого оно использовалось против них: чтобы разрушить индейскую идентичность и загнать выживших после геноцида в колонизировавшую их цивилизацию.

---

¹⁶ Natasha Gordon, Paul Chatterton «Taking Back Control: A Journey through Argentina's Popular Uprising», Leeds (UK): University of Leeds, 2004, pp. 43-44.

А как же наука и техника?

Многие считают, что сложность современных технологий, высокая плотность инфраструктуры и производства в нашем обществе делают анархию мечтой, оставшейся в прошлом. Не то чтобы эти опасения были совершенно необоснованны. Однако созданию анархического общества противоречит не столько сложность технологий, сколько тот факт, что технология не нейтральна. Как подытоживает Ури Гордон¹⁷, развитие технологии отражает интересы и нужды правящего класса, и сами технологии изменяют материальный мир в сторону усиления власти и минимизации возможности восстания¹⁸. Совсем не случайно, что ядерное оружие и энергетика влекут за собой необходимость в централизованной полувоенной организации по предотвращению чрезвычайных ситуаций, которая может приостанавливать действие конституционных прав. Аналогично, магистральные автотрассы делают возможным быстрое перемещение правительственных войск, межконтинентальную транспортировку товаров и поездки на личных машинах. На новых фабриках всегда нужны неквалифицированные легко заменяемые рабочие. Даже если босс и хотел бы платить им пенсию, то они не дотянут до неё, поскольку за несколько лет их вытеснят с предприятия травмы из-за унылой повторяющейся работы или небезопасной скорости работы.

Гранты и инфраструктура, предоставляемые правительством, обычно направлены на изобретения, которые усиливают власть государства, часто при этом ухудшая положение людей: истребители, системы наблюдения, строительство пирамид и так далее. Даже самые щедрые формы правительственной поддержки (вроде субсидий на медицинские исследования) в лучшем случае приводят к изобретению лекарств, которые патентуются корпорациями. Эти корпорации не испытывают никаких моральных терзаний, когда люди умирают от того, что не могут позволить себе эти лекарства. Точно также их не волнует, что при тестировании лекарств страдают и умирают тысячи животных.

Желание свободы ставит нас перед гораздо более тяжёлым выбором, чем просто изменение структур, принимающих решения. Нам придётся разобрать большую часть того мира вещей, в котором мы живём, и построить его заново. Свобода и экологический баланс планеты (то есть наше выживание) несовместимы с ядерной энергией, с зависимостью от ископаемых видов топлива вроде нефти и угля, а также с автомобильной культурой, которая отчуждает общественное пространство и провоцирует появление системы обмена, где большинство товаров производятся не на месте их потребления.

Этот переход потребует большой изобретательности. Поэтому стоит задать вопрос, будет ли анархистское социальное движение (и общество) достаточно изобретатель-

---

¹⁷ Ури Гордон (родился 30 августа 1976 г.) — израильский анархист, активист и теоретик; лектор в Институте Аравы по изучению окружающей среды в Кетура, Израиль. Он работал с анархистским и радикальным движениями, в том числе Индимедиа, Indymedia, Peoples' Global Action и Анархисты против стены. — прим. пер.

¹⁸ Загляните в пятую главу книги Ури Гордона «Анархия жива! От практики к теории антиавторитарной политики» (Uri Gordon «Anarchy Alive! Anti-authoritarian Politics from Practice to Theory» // London: Pluto Press, 2008.)

ным, чтобы его осуществить? Думаю, да. В конце концов, все самые полезные вещи человечество изобрело до появления государства и капитализма.

Говорят, что так называемый «свободный рынок» поддерживает инновации. Да, рыночная конкуренция действительно способствует распространению прибыльных изобретений, но они вовсе не обязательно являются полезными изобретениями. Капиталистическая конкуренция исходит из того, что каждые несколько лет товары устаревают (по мере изобретения новых), и люди вынуждены их выбрасывать и заменять другими. Естественно, это наносит огромный ущерб окружающей среде. Из-за этого «запланированного устаревания» большинство изобретений очень поверхностны и необдуманны, поскольку всё равно изначально обречены на мусорную корзину.

Доктрина «интеллектуальной собственности» мешает распространению полезных технологий, так что их либо контролируют, либо сдерживают, в зависимости от того, что более выгодно в настоящий момент. Сторонники капитализма обычно утверждают, что интеллектуальная собственность, наоборот, способствует научно-техническому прогрессу, поскольку гарантирует людям прибыль от их изобретений в качестве стимула. Какой дурак будет изобретать что-то общественно полезное, если не получит с этого прибыль и исключительное право на указание авторства? Но, на самом деле, основы нашей цивилизации заложены людьми, которые позволяли свободно распространять свои изобретения и не требовали указания своего авторства. Это относится ко всему: от молотка и одомашненных растений до гитары.

На практике сама капиталистическая экономика опровергает тезис о том, что интеллектуальная собственность способствует инновациям. Как часто бывает с собственностью, интеллектуальная собственность обычно принадлежит не тем, кто её создал. Многие изобретения делаются наёмными рабами лабораторий, которые не получают ни признания, ни прибылей, поскольку в их контрактах сказано, что корпорация получает право собственности на патенты.

Лучше всего полезные изобретения получаются у тех, кто в них нуждается. И для этого им совершенно не нужны ни государство, ни капитализм. У самих анархистов богатая история решения проблем, с которыми они сталкивались. Грабители-анархисты, известные как «банда Бонно», изобрели уход от погони на машине. Украинский анархист Махно первым в истории применил мобильные пулемёты — он укреплял их на тачанках (крестьянских конных повозках). Эффект, производимый ими на врагов, использующих традиционную тактику, был ошеломляющим. После того, как испанские революционеры экспроприировали землевладельцев и коллективизировали их угодья, крестьяне избавились от необходимости выращивать одну-единственную культуру на экспорт. Фермеры оздоровили почву и повысили эффективность хозяйства при помощи смешанной высадки культур: они сажали зерновые, которые выдерживают тень, под апельсиновыми деревьями. Крестьянская федерация Леванта (тоже в Испании) организовала сельскохозяйственный университет, а другие коллективы основали центр по изучению болезней растений и их выращиванию.

В густонаселённых горных долинах Новой Гвинеи живут миллионы крестьян. Эти сообщества не имеют государства и основаны на консенсусе. До недавнего времени у них не было никаких контактов с Западом. Хотя европейцы-расисты считали их

«дикарями из каменного века», они разработали одну из самых сложных земледельческих систем в мире. Эти технологии настолько специфичны и многочисленны, что их можно изучать годами. Самоуверенные западные учёные до сих пор не могут объяснить, как работают многие из этих технологий. Их можно было бы считать просто суевериями, если бы они не доказали свою эффективность. Вот уже семь тысяч лет эти горцы пользуются динамичной, но устойчивой формой земледелия. Она спасает их от таких изменений окружающей среды, которые, возможно, уничтожили бы менее инновационные общества. Они владеют методами ирригации, изменения режима влажности почвы, перекрёстного выращивания и многими другими. У них нет вождей, а решения принимаются в длинных обсуждениях, в которых участвует всё сообщество. Все их технологии разработаны в условиях отсутствия правительства и капитализма, исключительно через индивидуальные и коллективные изобретения, которые свободно распространяются в большом децентрализованном обществе¹⁹.

Многие европейцы презрительно усмехнутся при мысли о том, что народы, которые даже не используют металлические инструменты, могут быть примером технологического развития. Однако эти циники просто ослеплены евро-американской мифологией и стереотипами. Технология не обязательно сопровождается моргающими огоньками и вибрирующими гаджетами. Технология — это адаптация. Крестьяне Новой Гвинеи адаптировали к своим условиям сложный набор методик, которые позволили им удовлетворить все свои нужды, не разрушив при этом за семь тысяч лет окружающую среду. Западная цивилизация даже близко не подошла к такому результату.

Есть масса анархических примеров и для толпы, которую впечатляют мерцающие огоньки. Вспомните относительно недавно начавшееся массовое распространение программ с открытыми исходными кодами (open source). Децентрализованные сети из тысяч людей, совместно работающих на добровольной и открытой основе, создали сложнейшее программное обеспечение, от которого теперь зависит экономика информационной эпохи. Обычно большие корпорации патентуют и закрывают исходный код своих программных продуктов, но в рамках подхода open source он доступен всем, так что каждый может его посмотреть и/или улучшить. В результате открытые программы часто лучше, и обычно их легче исправлять. Традиционное патентованное программное обеспечение больше подвержено зависаниям и вирусным атакам, потому что меньше глаз следит за появлением уязвимостей, а исправить проблемы вообще способны очень немногие специалисты. «Техническая поддержка», которой, по идее, нужно звонить, когда у вас ломается операционная система, тоже, на самом деле, не имеет доступа к исходным кодам. Они могут только решать мелкие проблемы, советовать вам скачать какой-нибудь сложный исправляющий патч или отформатировать жёсткий диск и переустановить систему. Пользователи продуктов Microsoft, конечно, сразу вспомнят их частые «глюки». Кроме того, эксперты по безопасности предупреждают об опасности spyware (шпионского ПО) и о том, что существует сотрудничество между государством и высокотехнологичными

---

¹⁹ Джаред Даймонд в своей книге («Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают») описывает горцев Новой Гвинеи. Их любопытство, острый ум и человечность явно свидетельствуют не в пользу широко распространённого образа бормочущих обезьян или благородных дикарей, как обычно представляют первобытные племена.

ми корпорациями. Как сказал один антиавторитарный компьютерный специалист, занимающийся разработкой открытого ПО: «Лучшая реклама Linux — это Microsoft».

До последнего времени открытое ПО было не очень лёгким для использования — видимо, потому что open source, при всём уважении к нему, происходит из субкультуры «гиков» («компьютерщиков»), и его пользователи обычно обладают необходимыми навыками. Однако сейчас open source и сопутствующие технологии становятся всё более доступными — даже более доступными, чем закрытые программы. Wikipedia — тому пример. Wikipedia появилась совсем недавно, в 2001 г., и полностью основана на свободной операционной системе Linux. Сегодня это самая большая и посещаемая энциклопедия в мире, насчитывающая более 10 миллионов статей на более чем 250 языках. Эти статьи написаны не оплачиваемыми экспертами из какой-нибудь академической субкультуры. Wikipedia создаётся всеми. Любой может писать или редактировать статьи. Эта открытость и доверие порождают возможность для немедленного рецензирования информации множеством различных людей. Широкое wikipedia-сообщество (миллионы участников) обладает свойством саморегуляции. Поэтому факты вандализма — неверное редактирование или фальшивые статьи — быстро выявляются, как и безосновательные утверждения. Статьи в Wikipedia несут гораздо больше знания, чем небольшой элитарный кружок статусных учёных. Объективное рецензируемое исследование (включавшее «слепой» эксперимент) выявило, что Wikipedia не менее точна, чем Энциклопедия Британника (наиболее полная и старейшая универсальная энциклопедия на английском языке — прим. пер.)²⁰.

Как уже говорилось выше, Wikipedia самоорганизована и редактируется открытым сообществом избираемых администраторов²¹. Было несколько известных случаев намеренного саботажа, например, когда сотрудники телешоу The Colbert Report²² переписали историю в одной из статей и использовали это в своей передаче. Однако эта порча была быстро исправлена, как чаще всего и бывает с неверной информацией. Более сложную проблему представляют собой корпорации, которые используют Wikipedia для пиара и нанимают работников, редактирующих статьи для создания хорошего имиджа компании. Однако в одной и той же статье могут содержаться противоречащие друг другу интерпретации фактов, и, в конечном счёте, Wikipedia содержит гораздо больше информации о преступлениях корпораций, чем любая традиционная энциклопедия.

Как будет работать обмен?

В безгосударственном некапиталистическом обществе обмен может работать разными способами, в зависимости от размера, сложности и предпочтений этого общества. Многие из этих способов гораздо эффективнее, чем капитализм, выполняют

---

²⁰ «Wikipedia survives research test», BBC News 15 December 2005
<http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/4530930.stm>

²¹ «Editorial administration, oversight and management» Wikipedia,
<http://en.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:About>

²² The Colbert Report — американская сатирическая телевизионная программа на Comedy Central, которую ведёт актёр Стивен Кольбер. — прим. пер.

функции справедливого распределения благ и предотвращения ситуаций, когда кто-то берёт слишком много. Капитализм создал величайшее в истории неравенство при доступе к ресурсам. Но принципы капитализма не универсальны, хотя экономисты пытаются убедить людей, что это незыблемые законы.

Многие общества традиционно использовали экономику дара в разных формах. В обществах с небольшой социальной стратификацией благополучные семьи сохраняют свой статус через раздачу подарков, проведение щедрых праздников и всяческое распространение своего богатства. В случае, если они недостаточно щедры, они могут испытать на себе гнев сообщества. В других экономиках дара общественного расслоения нет совсем. Их участники просто отвергают понятие собственности и свободно берут и отдают социальные блага. Колумб в своём дневнике с изумлением писал, что первые аборигены, которых он встретил на Карибах, вообще не знали о том, что такое собственность. Они с охотой дарили всё, что у них было, и, естественно, принесли подарки странным пришельцам. В таком обществе бедных не бывает. Сегодня, после столетий геноцида и капиталистического развития, многие страны Америки могут «похвастаться» самым диким социальным расслоением в мире.

Бедняки Аргентины создали огромную сеть бартерных отношений, которая выросла ещё больше после того, как экономический кризис 2001 года фактически отменил капиталистические формы обмена. Из простых встреч для обмена вещами эта система превратилась в гигантскую сеть из примерно трёх миллионов участников, обменивающихся товарами и услугами — от домашних поделок, еды и одежды до уроков иностранных языков. В ней участвовали даже врачи, предприниматели и некоторые железные дороги. На пике своего развития эта бартерная сеть поддерживала существование приблизительно десяти миллионов человек.

Внутри этого бартерного клуба была разработана система кредита и «денег». По мере роста сети и углубления капиталистического кризиса она столкнулась с рядом проблем, в том числе с тем, что люди (часто не участники сети) крали или подделывали «деньги». После того, как несколько лет спустя, при президенте Кирхнере, экономика стабилизировалась, сеть уменьшилась, но всё ещё остаётся довольно большой, учитывая, что это, фактически, альтернативная экономика в стране, которая когда-то была образцовой моделью неолиберального капитализма. Вместо того чтобы сдаться, оставшиеся участники разработали несколько подходов к встретившимся им проблемам. Например, они оставили в сети только производителей, чтобы её могли использовать лишь те, кто что-то вкладывает.

Современные американские и европейские анархисты экспериментируют с другими формами распределения за пределами обмена. Один из популярных анархистских проектов — «свободные магазины» или «дармарки». Это точки сбора подаренных или подобранных где-то предметов, которые больше не нужны их владельцам. Это может быть одежда, еда, мебель, книги, музыка, иногда даже холодильники, телевизоры или машины. Посетители могут свободно бродить по магазину и брать всё, что им потребуется. Многие из тех, кто привык к капиталистической экономике, не могут уразуметь, как свободный магазин вообще может работать. Их воспитывали в ментальности нехватки, недостатка. Поэтому им кажется, что свободный магазин быстро опустеет, поскольку люди получают «прибыль», когда берут вещи, и не получают её, когда их отдают. Однако так происходит довольно редко. Бесчис-

ленные свободные магазины функционируют вполне устойчиво и большинство из них изобилуют товарами. От Вирджинии до Каталонии сотни таких точек ежедневно опровергают капиталистическую логику. Свободный магазин Weggeefwinkel в голландском городе Гронинген работает в засквотированных зданиях вот уже три года. Два раза в неделю он открывается, чтобы раздать одежду, книги, мебель и другие предметы. Некоторые свободные магазины объявляют сбор средств, если им приходится платить арендную плату. В полностью анархическом обществе этого не потребуется. Такие магазины очень важны для неблагополучных людей, которые либо потеряли работу по капризу капиталистического рынка, либо работают на двух или трёх работах и всё равно не могут себе позволить купить одежду для детей.

Более «высокотехнологичный» пример свободного обмена — довольно распространённая и очень успешная сеть Freecycle. Это всемирная сеть, изначально созданная группой экологов, чтобы развивать обмен вещами, которые иначе оказались бы на помойке. В момент написания этой книги, она охватывала 4 миллиона участников, организованных в 4 200 локальных группах в 50 странах. На своём сайте они публикуют сведения о вещах, которые нужны кому-то или которые кто-то собирается выбросить. Таким образом, люди обмениваются большим количеством предметов одежды, мебели, игрушками, украшениями, инструментами, велосипедами, машинами и так далее. Одно из правил Freecycle: всё должно быть бесплатным, никакой продажи или бартерного обмена. Это не централизованная организация: локальные группы основываются на общей модели и используют общий сайт, не более того.

Однако всё это исходит от либеральной неправительственной группы без каких-либо революционных устремлений и без критики капитализма и государства. Поэтому можно ожидать, что Freecycle встретится с некоторыми проблемами. И, на самом деле, они соглашаются на спонсорство крупной мусороперерабатывающей корпорации и размещают рекламу на её сайте. Их глава, вероятно, замедляет распространение идеи Freecycle, когда подаёт в суд на локальные группы или похожие веб-сайты за нарушение копирайта. Кроме того, они сотрудничают с известной своей авторитарностью интернет-корпорацией Yahoo! Groups, которая помогает им закрывать местные группы, не придерживающиеся организационных правил в отношении логотипов и языка. Естественно, в анархистском обществе будут невозможны иски о нарушении торговой марки, и один «председатель» не сможет издеваться над сетью, поддерживаемой миллионами людей. В то же время Freecycle демонстрирует, что экономика дара может работать даже внутри испорченного индивидуалистического западного общества, а при помощи Интернета она принимает новые формы.

А как быть с теми, кто не хочет отказываться от потребительского стиля жизни?

Хотя антикапиталистическая революция создаст новые социальные отношения и ценности, а также освободит желания людей от контроля со стороны рекламы, возможно, останутся те, кто желает по-прежнему поддерживать потребительский образ жизни. Им потребуются электронные развлечения, экзотическая импортная пища и другие предметы роскоши, которые им сейчас предоставляет (нео)колониализм.

Сейчас для нас кажется обычным пойти в магазин, достать кошелек и купить шкаф из красного дерева или плитку шоколада. Таким образом, капитализм создаёт иллюзию, что люди обладают естественной способностью получать предметы роскоши. На самом деле, их производят рабы на других континентах. Только благодаря огромной инфраструктуре колониализма и многочисленным правительственным институтам, избранное меньшинство может себе позволить эту привилегию. После анархической революции исчезнут рабские трудовые лагеря, которые сейчас производят большую часть шоколада и красного дерева в мире.

Если один человек или группа единомышленников пожелают окружить себя потребительскими товарами, которых они всё ещё жаждут, им никто не будет мешать это сделать. Тем не менее, без полиции, которая бы заставляла других оплачивать экологическую и трудовую стоимость их стиля жизни, этим людям придётся самостоятельно добывать ресурсы, производить товары и справляться с загрязнением. Конечно, они могут сделать весь этот процесс более эффективным через специализацию. Например, союз любителей шоколада может производить экологичный шоколад и менять его, скажем, на оборудование для видеоразвлечений, производимое союзом телевизионных наркоманов. Почему нет? Тем не менее, в конечном счёте, работа и личная ответственность войдут в противоречие с потребительским менталитетом. В результате появится союз производителей. Когда приходится принимать на себя ответственность за издержки своих действий, это уничтожает патологическое отчуждение от последствий, которое лежит в основе буржуазных капризов. Соответственно, желания становятся взвешенными и «взрослыми».

Во время анархических революций и в безгосударственных некапиталистических обществах люди использовали то, что могли сделать сами или выменять у ближайших соседей. Захваченные аргентинские фабрики обменивались друг с другом продуктами своего труда, и таким образом рабочие получали доступ к широкому спектру товаров. Во время испанской революции 1936 года многие коллективы совместно договаривались, какой уровень потребления они могут себе позволить, и заменяли зарплату на купоны, которые можно было обменять на товары на коммунальном складе. Каждый участвовал в принятии решений о том, сколько и каких купонов может получить один человек. Естественно, был возможен обмен купонами друг с другом, чтобы тот, кому нужно больше товаров одного типа (например, одежды), мог их получить, отдав купоны на то, что ему не очень важно (например, яйца). Таким образом, людей не принуждали к спартанскому единообразию, как в некоторых «коммунистических» государствах. Каждый был волен вести тот образ жизни, который ему по душе при условии, что он может нести соответствующие издержки. Нельзя лишь эксплуатировать других людей, грабить их ресурсы или отравлять их землю, чтобы завладеть ей.

А как же строительство и организация масштабной инфраструктуры?

Во многих западных учебниках по истории написано, что централизованное правительство появилось как ответ на необходимость строить и поддерживать большие

инфраструктурные проекты, особенно ирригацию. Но это утверждение основывается на предположении, что обществу необходимо расти, и что оно не может решить ограничить свои размеры, чтобы избежать централизации. А это предположение было много раз опровергнуто. Кроме того, масштабные ирригационные проекты действительно требуют некоторой координации, но централизация — это лишь одна из её форм.

В Индии и Восточной Африке местные сообщества построили огромные ирригационные сети, которые работали безо всякого правительства и централизации. В районе холмов Таита (нынешняя Кения) люди создали сложные ирригационные системы, работавшие сотни лет, пока колониальное земледелие не уничтожило их. Каждая семья ежедневно отвечала за поддержку ближайшей секции ирригационной инфраструктуры. Сама же сеть находилась в общественной собственности. По традиции периодически люди собирались вместе для большой починки: так называемый «харамби труд». Это была форма социально мотивированной коллективной работы, схожей с практиками многих других децентрализованных обществ. Справедливое использование ирригации обеспечивалось несколькими общественными договорённостями, освящёнными традицией. Они определяли, сколько воды может взять каждая семья. Те, кто нарушал эти договорённости, подвергались санкциям со стороны всего сообщества.

Когда британцы колонизировали холмы Таита, они решили, что им лучше знать, как проводить ирригацию. И они создали новую систему, основанную на инженерном опыте и механической силе и, конечно, ориентированную на производство зерновых на продажу. Во время засухи 1960-х годов британская система показала свою полную несостоятельность, и многие местные жители вернулись к исконной ирригации, чтобы прокормить себя. Как пишет один этнограф: «Восточноафриканская ирригационная система в доколониальную эпоху была более масштабной и управлялась гораздо лучше»²³.

Во время гражданской войны в Испании рабочие на захваченных фабриках полностью координировали всю экономику военного времени. Анархистские организации, породившие революцию (а именно, профсоюз CNT), часто были основой нового общества. Особо стоит отметить промышленный центр Барселону, где CNT стала той структурой, которая обеспечивала экономику, контролируемую самими рабочими. К этой задаче CNT готовилась много лет. Каждая фабрика самостоятельно организовывала работу с избираемыми техническими и административными должностями. Однотипные фабрики в каждом регионе организовывались в Региональную Федерацию конкретной отрасли. Региональные федерации региона объединялись в Региональный Экономический Совет, «в котором были представлены все центры производства и услуг». Наконец, региональные Федерации и Советы объединялись в параллельно действующие Национальные Промышленные Федерации и Национальные Экономические Федерации²⁴.

---

²³ Patrick Fleuret «The Social Organization of Water Control in the Taita Hills, Kenya», *American Ethnologist*, Vol. 12, 1985.

²⁴ Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974, p. 66.

Барселонский конгресс коллективов Каталонии (28 августа 1937 г.) приводит пример координационной деятельности и решений. Коллективизированные обувные фабрики нуждались в кредите на два миллиона песет. Из-за недостатка кожи им пришлось уменьшить часы работы, хотя они по-прежнему платили рабочим полную зарплату. Экономический Совет рассмотрел ситуацию и доложил, что избытка обуви не наблюдается. Конгресс согласился предоставить кредит на покупку кожи и на модернизацию фабрик, чтобы снизить цены на обувь. Затем Экономический Совет предложил план строительства алюминиевой фабрики, необходимой для военных целей. Они нашли необходимые материалы, обеспечили сотрудничество химиков, инженеров и технологов и решили собрать деньги в коллективах. Кроме того, конгресс решил уменьшить безработицу в городах путём выработки совместно с крестьянами плана по вводу в сельскохозяйственную обработку новых земель и привлечения туда городских безработных.

В Валенсии CNT организовало целую апельсиновую промышленность. 270 комитетов в городах и сёлах занимались выращиванием, покупкой, упаковкой и экспортом. Заодно избавились и от нескольких тысяч посредников. В Ларедо коллективизировали рыболовную отрасль: рабочие экспроприировали корабли, уволили посредников, которые забирали всю прибыль, и использовали её для модернизации кораблей или на выплату зарплаты. Текстильная промышленность Каталонии насчитывала 250 тысяч рабочих на десятках фабрик. В рамках коллективизации они уволили высокооплачиваемых директоров, повысили себе зарплату на 15%, уменьшили рабочие часы с 60 до 40 в неделю, закупили новые станки и выбрали управляющие комитеты.

Вообще, каталонские либертарные рабочие показали впечатляющие результаты по управлению той сложной инфраструктурой индустриального общества, которую они захватили. Работники, которые всегда занимались этим, доказали, что могут продолжать и даже улучшать свой труд безо всяких начальников. «Не ожидая ни от кого приказов, рабочие восстановили нормальную телефонную связь в течение трёх дней (с того момента, как закончились уличные бои)... После того, как была выполнена эта срочная работа, общее собрание телефонистов решило коллективизировать всю систему»²⁵. Рабочие проголосовали за то, чтобы поднять зарплаты самым низкооплачиваемым должностям. Газо-, водо- и электроснабжение также были коллективизированы. Коллектив, управляющий водой, снизил тарифы на 50% и при этом всё ещё был способен жертвовать большие суммы денег на комитеты антифашистской милиции. Железнодорожные рабочие захватили железные дороги, и там, где техники сбежали, опытных рабочих поставили на замену. Они удачно справились с задачей, несмотря на отсутствие формального образования, потому что опыт работы совместно с техниками научил их поддерживать дороги в рабочем состоянии.

Работники общественного транспорта в Барселоне (из семи тысяч 6 500 были членами CNT) сэкономили большие деньги очень просто: они выгнали высокооплачиваемых директоров и других ненужных менеджеров. Затем они сократили рабочие часы до 40 в неделю и подняли себе зарплаты от 60% (для низкооплачиваемых работников) до 10% (для высокооплачиваемых). Кроме того, они помогали всему

---

²⁵ Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974, p. 88.

населению: снизили тарифы и предоставили бесплатный проезд для школьников и раненых бойцов милиции. Они ремонтировали повреждённое оборудование и улицы, очищая их от баррикад, вернули транспортную систему в рабочее состояние через пять дней после прекращения боёв в Барселоне и вывели на улицы 700 троллейбусов (до революции было 600), перекрашенных в красные и чёрные цвета. А вот какова была их организация:

«...различные профессии координировались и организовывали свою работу через один профсоюз всех работников транспорта. Каждая секция управлялась инженером, которого назначал профсоюз, и рабочим, назначенным общим собранием. Делегаты разных секций координировали работы в конкретной области. Для выполнения таких работ секции встречались самостоятельно, но решения, затрагивающие всех рабочих, принимались на общих собраниях».

Инженеры и технологи не составляли какой-то элитной группы, а были объединены с работниками ручного труда. «Например, инженер не мог начать масштабный проект без консультаций с другими трудящимися — не только потому, что ответственность нужно делить, но и потому, что у рабочих есть практический опыт, которого часто нет у технологов». Кроме того, барселонская система общественного транспорта достигла высокой степени самодостаточности: до революции 2% запчастей производила частная компания, а остальные приходилось покупать или импортировать. Через год после социализации 98% запчастей уже производились в общественных мастерских. «Профсоюз также предоставлял бесплатную медицинскую помощь (включая клиники и домашний уход) рабочим и их семьям»²⁶.

Кроме того, испанские революционеры с переменным успехом экспериментировали с крестьянскими и трудовыми банками и с Советами кредита и обмена. Федерация крестьянских коллективов Леванта (Levant Federation of Peasant Collectives) работала с банком, организованным профсоюзом банковских работников. Он помогал фермерам получить общественные ресурсы, необходимые для поддержки интенсивного сельского хозяйства. Центральный рабочий банк Барселоны давал кредиты социально полезным коллективам, которые в этом нуждались. При этом операции с наличностью сводились к минимуму. Кроме того, рабочий банк организовал обмен с иностранными партнёрами, импорт и закупку сырья. Везде, где возможно, оплата производилась товарами, а не деньгами. Банк не был нацелен на получение прибыли. Он взимал лишь 1% от транзакций для покрытия расходов. Диего Абад де Сантьян, анархистский экономист, писал в 1936 г.: «Кредит станет общественной функцией, а не частной спекуляцией или ростовщичеством... Он будет основан на экономических возможностях всего общества, а не на выгоде или прибыли... Совет кредита и обмена будет мерилем того, что экономика производит и в чём она нуждается»²⁷. В этом эксперименте деньги выступали как обозначение общественной поддержки, а не в качестве символа собственности. Они лишь обозначали ресурсы, которые общество перемещает между союзами производителей. Инвестиции спекулянтов не имели к этому отношения. В сложной индустриальной экономике такие банки

---

²⁶ Все цитаты и статистика: Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974, pp. 88-92.

²⁷ Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974, pp. 75-76.

делают обмен и производство более эффективными, хотя, конечно, они порождают риск централизации и нового появления капитала как социальной силы. Кроме того, тот, кто заинтересован в освободительном движении, должен рассматривать эффективное производство и обмен как ценности с осторожностью.

Существуют способы предотвратить перерождение рабочих банков в оплоты возрождающегося капитализма, но, к сожалению, волна тоталитаризма (коммунистическая и фашистская) лишила испанских анархистов возможности реализовать эти способы на практике. Эти способы включают в себя: ротацию и смену рода занятий, чтобы предотвратить появление нового класса управленцев; создание фрагментированных структур, которые нельзя контролировать из центра; возможно большая простота и децентрализация; и, наконец, укрепление уверенной традиции о непродоваемости общественных ресурсов и инструментов благосостояния народа.

Но пока деньги стоят в центре человеческой жизни, множество видов деятельности будет сводиться к количественным показателям, а стоимость будет властью, отчуждённой от тех, кто её создал. Другими словами, стоимость становится капиталом. Естественно, среди анархистов нет согласия в том, как лучше сочетать практичность и идеализм или насколько глубоко нужно копать, чтобы вырвать корни капитализма. Но, несомненно, нужно изучать все возможности, даже те, что обречены на провал.

Что станет с городами?

Многие считают, что анархистское общество может существовать в теории, но в современном мире слишком многое препятствует столь тотальному освобождению. В качестве главного препятствия часто называют большие города. Промышленные капиталистические города — это запутанный бюрократический клубок. Кажется, что только власть заставляет их ещё жить и работать. Но, на самом деле, содержание большого города вовсе не так сложно, как нас убеждают. Многие крупнейшие города мира по большей части состоят из самоорганизованных трущоб, которые простираются на многие километры. Качество жизни там оставляет желать лучшего, но они демонстрируют, что города вовсе не разрушаются в условиях отсутствия экспертов.

У анархистов есть опыт содержания больших городов. Похоже, что решение таково: работники социальных служб берут на себя организацию соответствующей инфраструктуры, а жители создают общие советы на уровне кварталов. Таким образом, почти все решения принимаются на местном уровне, где каждый может участвовать. Возможно, анархистская революция будет сопровождаться дезурбанизацией: города просто уменьшатся до более разумных размеров. Вполне вероятно, что мно-

---

²⁸ Пермакультура (от англ. permaculture — permanent agriculture — перманентное сельское хозяйство) — это система проектирования для создания жизнеспособных окружающих человека сред. Изобретателем пермакультуры является тасманийский профессор биогеографии Билл Моллисон, который получил медаль Вавилова за значительный вклад в сельскохозяйственную науку. В 1974 г. он и Дэвид Холмгрен изобрели концепцию, которая получила название «перманентная агрокультура», или «пермакультура». Как учёный сам определяет это понятие, пермакультура — это «система дизайна, цель которого состоит в организации пространства, занимаемого людьми, на основе экологически целесообразных моделей». При этом его разработки касаются не только выращивания пищи, но строений и инфраструктуры, а также других компонентов окружающего мира. — прим. пер.

гие вернутся «в деревню», ведь промышленное сельское хозяйство исчезнет или серьёзно уменьшится. Оно будет заменено устойчивой пермакультурой²⁸, которая может поддерживать более высокую плотность населения в сельских районах.

Тогда после дезурбанизации придётся спешно конструировать новые социальные отношения, но для анархистов это будет уже не первый опыт строительства города с нуля. В мае 2003 г., когда восемь ведущих мировых правительств готовились к саммиту G8 во французском городе Эвиан, антикапиталистическое движение построило несколько соединённых посёлков, которые служили базой протестов и примером коллективной антикапиталистической жизни. Их назвали VAAAG (Village Alternatif, Anticapitalist et AntiGuerres, Альтернативная антикапиталистическая и антивоенная деревня). Во время мобилизации тысячи людей жили в этих посёлках, организовывали питание, жильё, детские комнаты, форумы для обсуждения проблем, средства массового информирования и юридической поддержки. Решения там принимались совместно. Практически всеми этот проект был признан успешным. Кроме того, в VAAAG присутствовала двойная форма организации, о которой говорилось выше. Конкретные «районы» (не более 200 человек в каждом) объединялись вокруг общественной кухни. Сервисы, важные для всего посёлка (межрайонные коллективные пространства, такие как центры оказания юридической и медицинской помощи), организовывали те, кто предоставлял эти услуги. Этот опыт повторили в 2005 г. в Шотландии (мобилизация против G8) и в 2007 г. в северной Германии, где почти шесть тысяч человек вместе жили в лагере Редделих (Reddelich).

Эти протестные поселения имели прецеденты в немецком антиядерном движении предыдущего поколения. Когда в 1977 г. государство захотело построить большой комплекс для хранения ядерных отходов в Горлебене, местные фермеры начали протестовать. В мае 1980 г. пять тысяч человек основали поселение на месте предполагаемого строительства. Они построили небольшой город из деревьев, срубленных под площадку для комплекса, и назвали свой новый дом «Свободная республика Вендланд» (Free Republic of Wendland). Они печатали собственные паспорта, транслировали подпольные радиопередачи и издавали газеты. В Вендланде шли общие дискуссии о том, как управлять лагерем и как противостоять полицейской агрессии. Люди делились друг с другом едой, а деньги в повседневной жизни вообще не участвовали. Через месяц 8 тысяч полицейских атаковало протестующих. Те избрали путь ненасильственного сопротивления. Их избили и вышвырнули вон. Дальнейшие акции антиядерного движения были уже менее пацифистскими²⁹.

Ежегодный фестиваль английских хиппи и путешественников, которые собирались в Стоунхендже, чтобы отметить летнее солнцестояние, стал масштабной контркультурной автономной зоной и экспериментом в «коллективной анархии». Вначале, в 1972 г., Свободный Фестиваль Стоунхенджа был просто собранием, которое продолжалось весь июнь — до солнцестояния. Постепенно из музыкального фестиваля он вырос в неиерархическое пространство творения музыки, искусства и новых отношений, а также духовного и психоделического поиска. Он стал важным ритуальным и социальным событием в растущей культуре английских путешественников.

---

²⁹ Катсификас Д. Ниспровержение политики. Европейские автономные социальные движения и деколонизация повседневности. Волгоград, 2002.

В 1984 г. там собралось уже 30 тысяч участников, которые на месяц создали там самоорганизованный посёлок. Как сказал один из участников: «Это была анархия. И она работала»³⁰. Режим Тэтчер увидел в фестивале угрозу. В 1985 г. четырнадцатый Свободный фестиваль Стоунхенджа запретили. Полиция жестоко напала на несколько сот человек, которые приехали обустроить посёлок. Позднее это нападение назвали «Битвой при Бинфилде».

Эти примеры кратковременных лагерей вовсе не так маргинальны, как может показаться на первый взгляд. Сотни миллионов людей по всему миру живут в неформальных городах. Их называют трущобы, шэнти-тауны, фавелы... Они самостоятельно организуются, создаются и поддерживаются. И эти трущобы ставят очень сложные социальные вопросы. Миллионы крестьян ежегодно вынуждены покидать свои земли и переселяться в города. Периферийные шэнти-тауны — это единственные районы, где они могут себе позволить проживать. Кроме того, многие переезжают в города по собственному желанию, покидая бедные культурой деревни и создавая себе новую жизнь. Многие трущобы страдают от болезней, вызванных плохим доступом к воде, медицинским услугам и питанию. Однако многие из этих проблем — это, скорее, проблемы капитализма, а не структур шэнти-таунов. Ведь их жители часто довольно успешны в добывании средств к существованию, несмотря на искусственно ограниченные ресурсы.

Приватизированная электроэнергия и водоснабжение обычно очень дороги. Даже если они находятся в общественной собственности, власти часто отказываются предоставлять к ним доступ для неформальных поселений. Обитатели трущоб в ответ на это строят свои колодцы и крадут электричество. В капиталистическом обществе здравоохранение высоко профессионализировано и распределяется в обмен на деньги, а не по потребностям. Поэтому в трущобах редко попадают врачи, полностью прошедшие обучение. Но народная медицина и разного рода целители обычно работают на основе взаимной помощи. Доступ к пище тоже искусственно ограничен: небольшие огороды для локального потребления заменяются масштабным выращиванием сельскохозяйственных культур на продажу. В результате население Глобального Юга лишается разнообразных доступных источников пищи. Эта проблема усугубляется в голодающих областях, поскольку американская гуманитарная помощь (обычно приходящая вместе с военными и экономическими стратегиями) состоит из продуктов импорта, а не из субсидий местным производителям. Но ту еду, которая есть в посёлках, обычно делят, а не торгуют ею. Один антрополог вычислил, что в неформальном посёлке в Гане (Африка) жители отдавали другим почти треть всех своих ресурсов. И это очень рационально. Полиция редко контролирует трущобы, и для поддержания неравномерного распределения ресурсов требуется вооружённая сила. Иными словами, тех, кто пытается скопить ресурсы, просто ограбят. В условиях нищеты, опасностей и отсутствия гарантий собственности люди могут жить лучше, если они отдают другим большую часть всех своих ресурсов. Щедрость повышает их социальный статус: они приобретают друзей и в результате получают сеть доверия, которую невозможно у них отобрать.

---

³⁰ Свободные фестивали Стоунхенджа, 1972-1985. <http://www.ukrockfestivals.com/henge-menu.html> Ссылка действительна по состоянию на 8 мая 2008 г.

Кроме взаимопомощи, во многих шэнти-таунах царят анархистские модели децентрализации, вольных ассоциаций, простого и практического производства (вместо профессионализации) и прямой демократии. Важно отметить и то, что в эпоху нарастающего экологического кризиса обитатели трущоб выживают со значительно меньшей долей ресурсов, чем те, что потребляют жители обычных городов и пригородов. Некоторые из них даже характеризуются «отрицательным экологическим отпечатком». Это означает, что они перерабатывают больше мусора, чем порождают. А в мире без капитализма неформальные поселения были бы ещё более здоровыми местами³¹. Даже в наши дни они уже опровергают капиталистические мифы о том, что города удерживает от распада только воля экспертов и централизация, что люди при современной численности населения могут выжить, лишь отдав свои жизни под контроль властей.

Один из вдохновляющих примеров неформального города — Эль-Альто в Боливии. Он расположен на Альтиплано, плато, возвышающемся над столицей страны городом Ла-Пас. Несколько десятилетий назад Эль-Альто был небольшим городком, но глобальные перемены в экономике вызвали закрытие шахт и ферм, поэтому сюда пришло огромное количество людей. Столкнувшись с невозможностью жить в Ла-Пасе, они стали строиться на плато и превратили городок в большой урбанистический центр, где живёт более 850 тысяч человек. Семьдесят процентов тех, кто работает здесь, зарабатывает семейным бизнесом в неформальной экономике. Землепользование никак не регулируется, а государство почти не предоставляет инфраструктурных ресурсов: в большинстве районов отсутствуют асфальтированные дороги, государство не вывозит мусор, не проводит канализацию. 75% населения не имеет доступа к здравоохранению, а 40% неграмотны³². В этих условиях обитатели полуподпольного города вывели самоорганизацию на новый уровень и создали районные советы, или «хунты». Первые хунты в Эль-Альто появились ещё в пятидесятых годах. В 1979 г. они стали координироваться через новую организацию — Федерацию национальных советов, FEJUVE. Сейчас в Эль-Альто более 600 хунт. Они позволяют жителям собрать ресурсы для создания и поддержки необходимой инфраструктуры: школ, парков и других базовых вещей. Кроме того, хунты осуществляют посредничество в спорах. Они же налагают санкции в случае конфликтов и нанесения вреда сообществу. Сама Федерация, FEJUVE, объединяет ресурсы хунт и координирует протесты и блокады. Она представляет обитателей трущоб как социальную силу. Только в первые пять лет нового тысячелетия FEJUVE сыграла ведущую роль в создании общественного университета Эль-Альто, блокировании новых муниципальных налогов и национализации водоснабжения. Кроме того, FEJUVE приняла активное участие в народной кампании, которая заставила правительство национализировать месторождения природного газа.

Хунта состоит обычно из 200 человек и собирается каждый месяц. Решения принимаются через общее обсуждение и консенсус. Также избирается комитет, который проводит собрания чаще и играет административную роль. Лидеры политических

³¹ The Curious George Brigade «Anarchy In the Age of Dinosaurs», CrimethInc. 2003, pp. 106-120. Статистика из Ганы приведена на стр. 115.

³² Emily Achtenberg «Community Organizing and Rebellion: Neighborhood Councils in El Alto, Bolivia», *Progressive Planning*, No. 172, Summer 2007.

партий, крупные бизнесмены, спекулянты недвижимостью и те, кто сотрудничал с диктатурой, не могут быть общественными делегатами. В комитетах больше мужчин, чем женщин. Тем не менее, в FEJUVE больший процент женщин на руководящих ролях, чем в других народных организациях Боливии.

Параллельно с районными советами работает организация инфраструктуры и экономической деятельности через профсоюзы или синдикаты. Например, уличные торговцы и работники транспорта самоорганизуются в свои базовые профсоюзы.

«И районные советы, и структурные единицы неформальной экономики построены по традиционному коммунитарному принципу местных индейцев (аиллу). Это видно на уровне территориального деления, структуры и организации. Кроме того, они отражают традиции радикальных шахтёрских профсоюзов, которые в течение десятилетий возглавляли боевое рабочее движение Боливии. Обитатели Эль-Альто сплели весь этот опыт воедино и приспособили свои разнообразные знания для выживания в условиях враждебной городской среды. [...] При помощи районных хунт Эль-Альто стал самостоятельным городом, управляемым сетью микроправительств³³, независимых от государства. По мнению Рауля Зибеша, автономная организация труда в неформальном секторе, основанная на производительности и семейных связях вместо иерархических отношений „начальник-работник“, усиливает это чувство силы. Граждане действительно могут управлять своим местом жительства и контролировать его»³⁴.

Кроме этих устоявшихся структур, важную роль играют горизонтальные сети «без традиционного руководства». Они организуют как повседневную жизнь, так и координацию протестов, блокад и борьбы против государства.

Сейчас Боливией управляет президент-индеец и прогрессивное правительство MAS («Движение к социализму»). Поэтому FEJUVE сталкивается с опасностью быть интегрированным в правительственные структуры. Это частая причина нейтрализации горизонтальных движений без чёткой антигосударственной позиции. Но пока что FEJUVE, хоть и выражает поддержку борьбе Эво Моралеса против неолиберализма, тем не менее, критикует MAS и правительство в целом. Будущее покажет, до какой степени они будут интегрированы.

Множество других примеров неформальных городских поселений, самостоятельно строящих свою жизнь и борьбу против капитализма, мы находим в Южной Африке. Движения обитателей трущоб часто рождаются там из взрывов насильственного сопротивления: люди встречаются на улицах во время протестов против выселения или против отключения воды, а затем продолжают работать вместе, создавая структуры образования, распределения пищи, заботы о больных, противопожарные команды, отряды безопасности, похоронные службы, общественные огороды, ассенизаторские коллективы и т. д. Так было и с движением Абалали, которое появилось в 2005 г. после перекрытия дороги в знак протеста против выселений. Выселения проходили в рамках подготовки к Кубку Мира по футболу 2010 г.

---

³³ Хотя автор приведённого здесь отрывка использует слово «правительство», это понятие не стоит уравнивать с тем, что понимают под «правительством» в западном обществе. В традиции аиллу «начальник» — это не привилегированный социальный статус и не командная должность, а что-то вроде «услуги сообществу».

³⁴ Emily Achtenberg «Community Organizing and Rebellion: Neighborhood Councils in El Alto, Bolivia»,

Поселение Symphony Way в Кейптауне — это сообщество сквоттеров из 127 семей, которых правительство принудительно выселило из домов. Это было сделано в рамках программы «Цели развития на тысячелетие», которая ставит целью полностью избавиться от трущоб. Затем правительство переселило некоторых выселенных в палаточный лагерь, охраняемый солдатами и колючей проволокой, а других отправило в «транзитные перевалочные пункты», которые один из жителей описал как «забытое место в аду», изобилующее преступностью, в частности, изнасилованиями детей³⁵.

Семьи Symphony Way отказались вести переговоры с дискредитировавшими себя политическими партиями или жить в жутких местах, предоставленных государством. Они решили незаконно захватить район вдоль дороги и основать там своё поселение. Они организуются посредством массовых собраний, в которых принимает участие каждый. Большое значение имеет и личная инициатива. Например, Рэйз по профессии медсестра, но также занимается досугом подростков в местном детском центре. Она помогла организовать команду по пионерболу для девочек, футбольную команду для мальчиков, группу барабанщиков, детский лагерь во время каникул, да ещё и занимается родовспоможением. Дети очень важны для поселения. У них есть свой комитет, в котором они обсуждают возникшие проблемы. «Когда дети ссорятся, эти проблемы решает комитет. Мы все вместе собираемся и разговариваем. К нам приходят дети из разных поселений, не только отсюда», — объясняет одна из членов комитета. В сообществе живут люди разных рас и разных религий (растафарианство, ислам, христианство). Все они вместе создают культуру уважения к разным группам. В посёлке есть ночной патруль, который предотвращает преступления и гасит непотушенные костры. Жители говорили гостю из России, посетившей их, что в посёлке они чувствуют себя гораздо безопаснее, чем в любом из правительственных лагерей. Ведь там бушует преступность, а в Symphony Way люди совместно защищают друг друга. «Когда кто-то попадает в беду, все приходят к нему на помощь», — объясняет Рэйз. Это чувство общности — главная причина того, почему сквоттеры не хотят переезжать в правительственный лагерь, несмотря на угрозы со стороны полиции и несмотря на то, что в лагерях государство обеспечивало бы их едой и водой бесплатно. «Сейчас сообщество сильное. Его сделали сильным мы, все вместе, хотя когда мы впервые пришли сюда, то даже не знали друг друга. Но эти полтора года сделали нас большой семьёй».

Существуют тысячи других примеров того, как люди создают города, живут в них при высокой плотности населения и удовлетворяют свои базовые потребности в условиях скудных ресурсов. Для этого нужна лишь взаимопомощь и прямое действие.

А если посмотреть на вещи шире? Как густонаселённые города смогут выживать, не подчиняя и не эксплуатируя окрестности? Возможно, именно подчинение «деревни» городу сыграло большую роль в появлении государства много тысяч лет назад. Но города не обязательно должны быть такими неустойчивыми, как сейчас. В XIX веке анархист Пётр Кропоткин писал о явлении, которое крайне интересно с точки

Progressive Planning, No. 172, Summer 2007.

³⁵ Все цитаты о Symphony Way взяты из доклада Дарьи Зеленовой «Борьба против выселений сквоттерских сообществ в современной Южной Африке», сделанного на конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций», Российская академия наук, Москва, июнь 2009 г.

зрения возможностей для анархических городов. Огородники в Париже и ближайших пригородах удовлетворяли большую часть потребностей города в овощах. Им удавалось это за счёт интенсивного земледелия, которое поддерживалось постоянными поставками навоза из города. Кроме того, оттуда поставлялись промышленные товары, например, стекло для теплиц, которое не могли себе позволить фермеры в деревнях. Эти огородники из пригородов жили достаточно близко к городу, чтобы приезжать туда каждую неделю и продавать свои продукты на рынке. Спонтанное развитие именно такой системы огородничества было одной из причин, которые вдохновляли Кропоткина писать об анархических городах.

Централизованное сельское хозяйство Кубы развалилось после падения Советского блока, который был для острова основным поставщиком бензина и машин. Затем США ужесточили эмбарго, и это лишь ухудшило ситуацию. Средний кубинец потерял тогда 10 килограмм веса. В результате страна быстро переключилась на мелкомасштабное интенсивное городское земледелие. К 2005 г. половину свежих овощей, потребляемых двумя миллионами жителей Гаваны, производили 22 тысячи огородников прямо в городе³⁶. Пример Парижа, описанный Кропоткиным, показывает, что такие сдвиги могут происходить и без указаний государства.

А если засуха, голод или иная катастрофа?

Правительства требуют дополнительного контроля и «чрезвычайных полномочий», объясняя это тем, что централизация просто необходима во время катастроф. На самом деле, наоборот: централизованные структуры менее эффективны, когда приходится действовать в условиях хаоса. Исследования показывают, что после природных катастроф большую часть работ по спасению выполняют обычные люди, а не правительственные эксперты или профессиональные спасатели. Большая часть гуманитарной помощи также исходит от простого населения, а не от правительств. Правительственная помощь часто работает в политических целях: поддерживаются политические союзники, а не противники, распространяется генетически модифицированная пища, местное сельское хозяйство подрывается огромными объёмами импортируемых товаров, а рынок монополизирован. Если уж на то пошло, довольно значительная часть международной торговли оружием маскируется под правительственные караваны с гуманитарной помощью.

Вполне возможно, что во время катастроф людям было бы легче без правительств. Мы можем разработать эффективные альтернативы правительственной помощи, основанные на принципе солидарности. Если одно анархическое сообщество находится в беде, оно может рассчитывать на помощь со стороны других. Если в капиталистической логике катастрофа — это возможность оказать политически мотивированную помощь (если не просто нажать на чужой беде), то анархисты помогают бескорыстно, зная, что когда придёт время, всё вернётся сторицей.

Мы снова находим хорошие примеры в Испании 1936 г. В Мас-де-лас-Матас кантональный (районный) комитет следил за нехваткой и избытком ресурсов и за тем,

---

³⁶ Oxfam America «Havana's Green Revelation», http://www.oxfamamerica.org/whatwedo/where_we_work/can [ссылка проверена 5 декабря 2005 г.]

чтобы распределение было равным. В частности, он был ответственным за оказание помощи любому коллективу в случае природных бедствий.

«Например, в этом году большая часть посевов в Мас-де-лас-Матас, Сено и в Ла-Жинеброза была уничтожена градом. При капитализме такое бедствие влекло бы за собой бесчисленные лишения, долги, заклады имущества и даже переселение части рабочих на несколько лет. Но в условиях либертарной солидарности эти трудности были преодолены усилиями всего района. Продовольствие, семена, [...], всё, что нужно для возмещения ущерба от града, — всё доставлялось друг другу в духе братства и солидарности, безо всяких условий и долговых контрактов. Революция создала новую цивилизацию!»³⁷.

Анархизм — это одна из немногих революционных идей, которые не требуют модернизации. Анархические общества свободно организуются на любом устойчивом технологическом уровне. Это означает, что современные общества охотников и собирателей или группы, которые выберут такой образ жизни в будущем, смогут принять именно такую, эффективную и экологичную форму выживания. Она способствует появлению устойчивой экосистемы, менее уязвимой для стихийных бедствий.

Удовлетворение потребностей без подсчётов

Капитализм подарил человечеству некоторое количество полезных устройств, но почти всегда новые технологии первыми используют военные и полиция. Часто, в конце концов, все выгоды от новых технологий получают только самые богатые. Капитализм произвёл богатство, невиданное ранее, но на нём скопились паразиты, которые его не создавали и которые царят над рабами и наёмными работниками — подлинными создателями всего этого богатства. Конкуренция может показаться полезной для повышения эффективности, но эффективности с какой целью? Если не принимать во внимание распространённые мифы, то капитализм, на самом деле, вовсе не является системой, основанной на конкуренции. Рабочих разделяют и стравливают друг с другом, а элиты объединяются, чтобы продолжать их эксплуатировать. Богачи иногда конкурируют за вкусные куски пирога, но они регулярно совместно следят за тем, чтобы каждый день этот пирог пекли и подавали к их столу. Когда капитализм был ещё молод, его часто описывали более честно, в манере, не замутнённой десятилетиями восхваляющей его пропаганды. Авраам Линкольн (вряд ли его можно назвать анархистом) ясно видел, что «обычно капиталисты вполне совместно и гармонично действуют, чтобы обдирать народ».

С уверенностью можно сказать, что капитализм не сумел удовлетворить нужды людей и обеспечить справедливое распределение товаров. По всему миру миллионы умирают от излечимых болезней, потому что не могут себе позволить спасительные лекарства. Люди голодают, а их страны экспортируют зерно. Ведь при капитализме всё предназначено на продажу. Культура — это просто то, при помощи чего можно продать бельё или крем для кожи, а природа — это ресурс, который нужно высосать и уничтожить ради прибыли. Людям приходится продавать своё время и энергию

---

³⁷ Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974, pp. 163-164.

правлящему классу, чтобы потом купить малую часть того, что они произвели. Эта система глубоко укоренилась в наших ценностях и отношениях. Она сопротивляется всем попыткам уничтожения. Социалистические революции в СССР и Китае пошли недостаточно далеко. Они так и не уничтожили капитализм полностью, и он возник снова, сильнее, чем раньше. Многие анархистские попытки тоже были не так глубоко. Вполне возможно, что капитализм снова родился бы в этих экспериментах, если бы враждебные правительства не сокрушили их раньше.

Власть и отчуждение нужно вырвать вместе с корнями. Недостаточно того, что рабочие просто владеют своими заводами, если их контролируют менеджеры, а работа по-прежнему низводит их до уровня машин. Отчуждение — это не просто ситуация, когда человек юридически не владеет средствами и плодами производства, это отсутствие власти над своими отношениями с миром. Фабрика, принадлежащая рабочим, ничего не даёт нам, если ею по-прежнему управляют другие «от имени рабочих». Рабочим нужно самоорганизоваться и прямо контролировать эту фабрику. И даже если они непосредственно контролируют её, отчуждение не исчезает. Ведь масштабные экономические отношения и сама фабрика диктуют те формы, которые принимает труд. Разве человек может быть свободным, если он как автомат работает на сборочном конвейере, лишённый всякой возможности творчества? Должна измениться сама форма труда, чтобы люди могли выбирать навыки и виды деятельности, которые приносят им радость.

Отделение труда от других видов человеческой деятельности — вот одна из причин отчуждения. Само производство становится как бы страстью, которая оправдывает эксплуатацию людей и уничтожение природы ради эффективности. Но если мы рассматриваем счастье как одну из человеческих потребностей (такую же, как еда и одежда), то разделение между производительным и непроизводительным трудом, между работой и игрой, просто исчезает. Движение сквоттеров Барселоны и экономика дара, принятая во многих «примитивных» обществах, — вот примеры смешения работы и игры.

В свободном обществе обмен — это просто символическое утверждение, что все вкладывают что-то в общую «копилку». Люди не копят ресурсы и не богатеют за счёт других. Ведь им нужно отдавать, чтобы получать. Но обмен может породить проблемы, ведь он придаёт вещам и опыту количественную ценность, таким образом, уничтожая ценность субъективную.

Сначала мороженое стоило десять прекрасных минут облизывания пальцев на солнце, а книга стоила несколько дней наслаждения и размышлений (а, возможно, и озарения на всю жизнь). Но после того как они стали доступными через обмен, стаканчик мороженого стал стоить четверть книги. Затем этот процесс углублялся, чтобы обмен был более эффективным, и поэтому количественная ценность всё чаще воспринималась как сущностная, а не как сравнительная. И вот, наконец, стаканчик мороженого стал стоить одну монету, а книга — четыре монеты. Денежная стоимость замещает субъективную ценность объекта — то удовольствие, которое он приносит человеку. С одной стороны, люди и их желания изымаются из этого уравнения, а с другой стороны, все ценности — удовольствие, полезность, вдохновение — поглощаются ценностью количественной, а деньги становятся символом всего этого.

В результате обладание деньгами начинает символизировать доступ к наслаждению или к удовлетворению желаний. Но на самом деле деньги, превознося количественную ценность, лишают нас удовольствия от купленного, поскольку люди не могут наслаждаться абстрактной количественной ценностью. Если мы едим мороженое, то удовольствие заключается в самом этом действии. Но если мы покупаем товар, то удовольствие заключается в самой покупке, в волшебном моменте превращения абстрактной ценности в осязаемую вещь. Деньги так сильно влияют на понятие ценности, что само потребление становится разочарованием. Как только товар куплен, он теряет свою ценность, тем более что люди зачастую ставят абстрактную ценность выше субъективной. Более того, после покупки вы теряете деньги, и у вас уменьшается количество символической стоимости. Именно в этом причина гнетущего чувства вины, которое приходит, когда вы тратите деньги.

Кроме отчуждения, обмен создаёт власть. Если человек накапливает больше количественных ценностей, чем другие, то он претендует на бóльшую часть общественных ресурсов. В принципе, денежные и обменные системы, подобные бартерной сети Аргентины или купонам на покупку товаров в анархистской Испании, полагаются на обычаи и социальные устои, чтобы предотвратить новое появление капитализма. Например, на местном уровне может действовать экономика дара, в то время как для межобластной торговли будет использоваться обмен. Люди могут создавать рабочие места, которые поощряют личное развитие, творчество, веселье и самоорганизацию, а децентрализованные федерации таких рабочих мест будут дарить друг другу купоны на производимые товары, чтобы каждый человек обладал доступом к благам, создаваемым всеми.

Но всё же стоит попробовать избавиться от обмена и денег полностью. В свободных магазинах Freecycle символический обмен или бартер необязателен. Убеждённости в том, что каждый вносит вклад в общую «копилку», происходит из культуры самих этих пространств. Любой участник желает отдавать и получать, а его включённость в социальное пространство увеличивается по мере того, как он делает то и другое. В таком контексте от дарения получаешь столько же радости, сколько от приобретения.

Наш мир достаточно изобилует, чтобы удовлетворить потребности каждого. Нехватка ресурсов — это опасная иллюзия, которая может обернуться правдой, как дурное пророчество. Как только люди прекращают отдавать и начинают накапливать, коллективное благосостояние падает. Если мы преодолеем страх нехватки, то исчезнет и сама нехватка. Общие ресурсы будут изобильными, если все будут делиться и вносить свой вклад в них. Это верно даже для случая, когда так поступает простое большинство людей. Человек по природе своей любит быть активным, создавать и улучшать всё вокруг себя. Если обеспечить людям доступ к общим ресурсам и избавить их от нищеты наёмного рабства, то они создадут в достатке необходимых и приятных вещей. Точно так же они организуют и инфраструктуру, нужную для того, чтобы эти вещи сделать и распределить.

Рекомендуемая литература

1. Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974.

2. Natasha Gordon, Paul Chatterton «Taking Back Control: A Journey Through Argentina's Popular Uprising». Leeds, UK: University of Leeds, 2004.
3. Michael Albert «Parecon: Life After Capitalism», New York: Verso, 2003.
4. Peter Kropotkin «Fields, Factories and Workshops Tomorrow». London: Freedom Press, 1974.
5. Jac Smit, Annu Ratta, Joe Nasr «Urban Agriculture: Food, Jobs and Sustainable Cities», UNDP, Habitat II Series, 1996.
6. The Curious George Brigade «Liberate, Not Exterminate», New York: CrimethInc., 2005.
7. Gonzalo Casanova «Armarse Sobre Las Ruinas: Historia del movimiento autónomo en Madrid (1985-1999)». Madrid: Potencial Hardcore, 2002.
8. VV.AA «Colectividades y Ocupación Rural», Madrid: Traficantes de Sueños, 1999.
9. Marcel Mauss «The Gift: forms and functions of exchange in archaic societies». 1924 (English version London: Routledge Press, 1990).

Окружающая среда

Никакая философия или движение за освобождение не могут игнорировать связь между эксплуатацией окружающей среды человеком и нашей эксплуатацией друг друга, не может игнорировать суицидальные последствия индустриального общества. Свободное общество должно выработать уважительные и устойчивые отношения со своим биологическим регионом на основании осознания факта, что люди зависят от состояния здоровья всей планеты.

Как остановить разрушение окружающей среды?

Некоторые люди выступают против капитализма по экологическим соображениям, но думают, что своего рода государство необходимо, чтобы предотвратить экоцид. Но государство само по себе является инструментом для эксплуатации природы. Социалистические государства, такие как Советский Союз и Китайская Народная Республика, были одними из самых разрушительных для природы, которые только можно представить. То, что эти два общества не отделались от динамики капитализма, само по себе является свойством государственного устройства — государству нужна иерархия, эксплуататорские экономические отношения контроля и управления, и если уж ты начал играть в эту игру, то тебе не избавиться от капитализма. Однако государство представляет возможности принудительного изменения поведения людей в массовом масштабе, и эта власть привлекательна для некоторых энвайронменталистов¹. В мировой истории известно несколько государств, которые реализовали защитные мероприятия внутри страны, когда сохранение окружающей среды совпало с их стратегическими интересами. Одной из таких передовых стран была Япония, которая прекратила и обратила вспять вырубку лесов на архипелаге в эпоху Мэйдзи². Но как в этом, так и в других случаях внутригосударственная защита

---

¹ Энвайронментализм, или инвайронментализм (англ. environmentalism от environment — окружающая среда, природа) — 1) социальное экологическое движение, распространившееся в XX в. в европейских странах, направленное на усиление мер по защите окружающей среды; 2) теория управления социально-экономическим развитием и окружающей средой, считающая человечество частью биосферы и утверждающая необходимость преобразования природы в интересах человека, отрасль науки, сформировавшаяся в середине XIX века, когда под этим словом понимался ряд новых идей о том, что люди развиваются в значительной мере под влиянием окружающей среды. Проблемы, на которые обращают внимание энвайронменталисты: уменьшение биоразнообразия, глобальное потепление, озоновые дыры, кислотные дожди, захоронение радиоактивных отходов, возможность ядерной зимы, ущемление прав животных. — прим. пер.

² Эпоха Мэйдзи (яп. мэйдзи дзидай) — период в истории Японии с 23 октября 1868 по 30 июля 1912, когда императором был Муцухито. Император Муцухито взял имя Мэйдзи, которое означает «просвещённое правительство». Этот период ознаменовался отказом Японии от самоизоляции и становлением её как мировой державы. — прим. пер.

окружающей среды проводилась государством в сочетании с огромной эксплуатацией природных ресурсов за пределами страны. Японское общество потребляло всё возрастающее количество импортной древесины, увеличивая тем самым вырубку в других странах и стимулируя развитие имперских вооружённых сил для защиты этих жизненно важных ресурсов. Это привело не только к экологическому разрушению, но и к войне, и к геноциду. Аналогичное можно было наблюдать в Западной Европе, где государственная природоохрана проводилась за счёт колониальной эксплуатации, которая также вылилась в геноцид.

В небольших обществах существование элиты порождает тенденцию к эксплуатации ресурсов окружающей среды. Известный социальный коллапс на острове Пасхи был вызван в значительной степени элитой, которая заставила общество построить статуи в свою честь. Строительство комплекса статуй привело к обезлесению острова, поскольку большое количество брёвен было необходимо для строительства и транспортировки материалов, и сельхозугодья, обеспечивающие едой рабочих, пришли в убыток. Без лесов резко сократилось плодородие почв, а без пищи — население. Но островитяне не просто голодали или сократили рождаемость — кланы элит воевали друг с другом, разбивали статуи конкурентов, устраивали набеги, и всё завершилось каннибализмом, пока почти всё население не вымерло³.

Децентрализованное, коммунитарное общество с устоявшимся экологическим этосом является наиболее подготовленным для предотвращения разрушения окружающей среды. В экономических системах, в которых местную экономическую независимость оценивают по торговле и производству, общинам приходится иметь дело с экологическими последствиями своей собственной экономической деятельности. Они не могут заплатить другим, чтобы те забрали их мусор или умерли от голода, ради того, чтобы жить в изобилии.

Местный контроль над ресурсами также препятствует перенаселению. Исследования показали, что, когда члены общества могут непосредственно наблюдать, как наличие большого количества детей сокращает имеющиеся ресурсы, предназначенные для всех, они держат свои семьи в рамках рационального предела. Но когда эти локализованные общества включены в глобальную экономику, в которой большинство ресурсов и отходов импортируется и экспортируется, и дефицит возникает в результате, по-видимому, произвольного колебания цен, а не из-за истощения местных ресурсов, рост населения неустойчив, даже если более эффективные формы

---

³ Эта теория судьбы острова Пасхи убедительно изложена в книге Джаред Даймонда «Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают».

контрацепции становятся доступными⁴. В книге «Глазами государства»⁵ Джеймс Скотт объясняет, каким образом правительства проводят в жизнь «чёткость» — единообразие, которое позволяет контролировать и отслеживать людей. В результате, такие общества потеряли местные знания, необходимые для понимания проблем и обстановки.

Капитализм, христианство и западная наука — все разделяют один миф о природе, который поддерживает её эксплуатацию и неуважение к ней и рассматривает мир природы как мёртвый, механический и существующий для удовлетворения человеческих потребностей. Эта мания величия, выдаваемая за здравый смысл или божественную истину, показала свою, вне всякого сомнения, самоубийственную сущность. Вместо неё нужна культура, уважающая мир природы как живой и взаимозависимый и понимающая наше место в этом мире. Брюс Стюарт, писатель и активист маори, рассказал в интервью, указывая на цветущий виноград, который он посадил у своего дома:

«У этого винограда больше нет названия. Наше имя „маори“ было потеряно, поэтому мы должны найти другое. Только одно такое растение осталось в мире, растущее на кишасем козами острове. Растение может взойти в любой день. Итак, я получил семена и посадил их здесь. Виноградная лоза выросла, и, хотя обычно до цветения должно пройти двадцать лет, это растение зацвело уже после семи.

Если мы собираемся выжить, то каждый из нас должен стать kaitiaki (по-моему, это самое важное понятие в моей собственной культуре маори). Мы должны стать смотрителями, опекунами, попечителями, воспитателями. В прежние времена каждая whānau (семья), обычно ухаживала за определённым участком. Одна семья могла присматривать за рекой от одной скалы до следующего поворота. И они были kaitiaki для рыб, птиц и растений. Они знали, когда можно было употребить их в пищу, а когда время для этого ещё не настало, когда птицам нужна была защита, люди накладывали на них rāhui, что означало, что птицы становились временно неприкосновенными. Некоторые птицы были постоянно taru, то есть постоянно неприкосновенны. Эта защита была столь строга, что люди могли быть убиты, если бы нарушили правила. Это просто. Для этого не нужна охрана. Христианские миссионеры своим рвением окультурить моих предков уничтожили концепцию taru, как и многие другие»⁶.

---

⁴ Eric Alden Smith, Mark Wishnie «Conservation and Subsistence in Small-Scale Societies», Annual Review of Anthropology, Vol. 29, 2000, pp. 493-524. «Когда плотность населения и политическая централизация увеличиваются, сообщества могут выйти за рамки того размера и однородности, которые необходимы для внутренней системы общинного управления» (стр. 505). Авторы также подчёркивают, что колониальное и постколониальное вмешательство уничтожило многие системы управления общими ресурсами. Bonnie Anna Nardi «Modes of Explanation in Anthropological Population Theory: Biological Determinism vs. Self-Regulation in Studies of Population Growth in Third World Countries», American Anthropologist, vol. 83, 1981. Нарди отмечает, что, как и в процедуре принятия решений, общество и личность проходят путь от мелкой структуры до национальных масштабов, при этом контроль над рождаемостью становится менее эффективным (стр. 40).

⁵ В России эта книга вышла под заголовком «Благими намерениями государства», Издательство: Университетская книга, 2005 г. В оригинале она называется «Seeing Like a State». т. е. «Глазами государства» — прим. пер.

⁶ Bruce Stewart, цитата по Derrick Jensen «A Language Older Than Words», White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing Company, 2000, p. 162.

Тикопиа, остров в Тихом океане, населённый полинезийцами, представляет собой хороший пример децентрализованного, анархического общества, которое пришло к успешному решению жизненно важных проблем окружающей среды. Площадь острова всего 5 квадратных километров, на которых проживает 1200 человек, или почти 300 человек на 1 квадратный километр обрабатываемой земли. Это сообщество устойчиво существует в течение 3 000 лет. Тикопиа покрыта многоярусными фруктовыми садами, которые имитируют естественные тропические леса. На первый взгляд, большая часть острова кажется покрытой лесом, в то время как на самом деле настоящий тропический лес сохранился только на нескольких сильнопересеченных участках острова. Тикопиа достаточно мала для того, чтобы все её обитатели могли хорошо разобраться во всей её экосистеме. Также остров изолирован, поэтому в течение долгого времени жители не могли импортировать ресурсы или экспортировать плоды своего образа жизни. Каждый из четырёх кланов имеет вождей, но последние не обладают властью, основанной на принуждении, а играют церемониальную роль стражей обычаев. Тикопиа — один из наименее социально стратифицированных полинезийских островов: например, вожди всё ещё должны работать и выращивать для себя еду. Контроль за населением — это общепринятая практика, и родители чувствуют, что заводить детей больше определённого количества — аморально. Одним из ярких примеров, иллюстрирующих могущество этих коллективно исповедуемых и подкрепляемых ценностей служит принятие около 1600 г. коллективного решения прекратить разведение свиней. Они забили всех свиней на острове, даже несмотря на то, что свинина была высоко ценным продуктом, потому что содержание свиней причиняло большой ущерб окружающей среде⁷.

В более стратифицированном, иерархическом обществе это было бы невозможно, потому что элиты, как правило, скорее вынудят более бедных людей расхлёбывать последствия их образа жизни, нежели откажутся от почитаемого предмета роскоши⁸.

До колонизации и рокового прибытия миссионеров меры по регулированию численности населения включали в себя натуральную контрацепцию, аборты и воздержание для молодёжи — хотя это был сострадательный обет безбрачия, который запрещал скорее размножение, а не секс. Тикопийцы практиковали также другие формы контроля за ростом населения, такие как детоубийство, которое многие люди из других обществ могли бы счесть недопустимым. Но Тикопиа, тем не менее, предстаёт перед нами в качестве идеально правомерного примера, потому что с эффективностью современных контрацептивов и техник аборта никакие иные методы не являются необходимыми для децентрализованного контроля за ростом населения. Самая важная черта тикопийского примера — это их этос: их осознание того, что они живут на острове, ресурсы которого ограничены и увеличение населения равносильно самоубийству. Другие общества Полинезийских островов игнорировали этот факт и впоследствии погибли. Планета Земля, в этом смысле, также подобна острову, следовательно, мы должны выработать как глобальное понимание, так и локальные экономики для того, чтобы избежать превышения несущей способности

---

⁷ Джаред Даймонд «Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают».

⁸ Например, США и Западная Европа, ответственные за большую часть мирового парникового эффекта, до сих пор вынуждают сотни людей умирать каждый день вместо того, чтобы сократить автомобильную промышленность и снизить количество выбросов.

экосистемы Земли и оставить место для других живых существ, с которыми мы делим этот «остров».

Сегодня бóльшая часть мира не организована в сообщества, структурированные таким образом, чтобы быть чувствительными к пределам локальных экосистем, но мы имеем возможность воссоздать подобные сообщества. Существует растущее движение экологически устойчивых сообществ, или «экопоселений», организованных на горизонтальных, неиерархических принципах, в которых группы людей численностью от дюжины до нескольких сотен собираются вместе, чтобы создать анархические общества по органическим, устойчивым моделям. Создание этих поселений максимально ресурсоэффективно и экологически устойчиво, что также культивирует чувствительность к локальной экосистеме на культурном и духовном уровне. Подобные экопоселения находятся на передовой развития устойчивых технологий. Любое альтернативное сообщество может деградировать до эскапизма яппи, и экопоселения также уязвимы в этом плане, но основная часть экопоселенческого движения стремится к развитию и распространению инноваций, которые касаются мира в целом, а не к тому, чтобы отгородиться от остального мира. Для способствования распространению экопоселений и их адаптации для всех регионов мира и для осуществления координации между существующими экопоселениями в 1995 г. 400 делегатов из 40 стран собрались в Финдхорне, Шотландия, и основали Глобальную Сеть Экопоселений (GEN).

Все экопоселения несколько различаются, но несколько примеров помогут составить представление об их разнообразии. «Ферма» в штате Тенесси насчитывает 350 жителей. Основанное в 1971 г., это поселение включает в себя мульчированные сады⁹, обогреваемые солнцем душевые, предприятие по устойчивому разведению грибов шиитаке, дома из соломенных блоков и центр для обучения людей со всего света организации своих собственных экопоселений. В Старой Бассайсе, Египет, обитает несколько сотен человек, и существует она уже тысячи лет. Её жители отточили экологическое и устойчивое ведение хозяйства традиционными методами. В Старой Бассайсе сейчас действует Центр изучения будущего, где разрабатываются такие новые устойчивые технологии как агрегат по производству метана из коровьего навоза, избавляющий от необходимости использования в качестве дров скудную растительность. Отработанная масса используется как удобрение на полях. Экоотоп под Дюссельдорфом в Германии представляет из себя целый пригородный посёлок с сотнями жителей, живущими в четырехэтажных многоквартирных домах и нескольких отдельностоящих домах. Архитектура воспитывает чувство сообщества и свободы с массой общественных и частных пространств. Между зданиями в районе центра посёлка находится многоцелевой внутренний двор/игровая площадка/пешеходная зона, а также общественные сады и в изобилии присутствуют деревья и другие растения. Здания, которые имеют абсолютно современную, городскую эстетику, были построены из природных материалов и сконструированы с пассивным отоплением/охлаждением и биологической переработкой сточных вод прямо на месте.

---

⁹ Мульчирование — поверхностное покрытие почвы мульчой: различными органическими остатками, которые в результате действия микроорганизмов и червей перегнивают и в почве образуются гумус — прим. пер.

Эрсахэвен (Earthhaven) с приблизительно 60 постоянными жителями был основан в 1995 г. в Северной Каролине дизайнерами пермакультуры. Он состоит из нескольких соседствующих групп домов, расположенных на крутых аппалачских холмах. Большая часть земли покрыта лесом, но жители недавно приняли трудное решение — расчистить часть леса под сады, чтобы приблизиться к самообеспечению едой вместо того, чтобы покупать пищу, произведённую где-то в другом месте. Они долго обсуждали это, духовно готовились и постарались очистить землю с уважением. Такой подход, который капиталистическая идеология отвергнула бы как сентиментальный и неэффективный, — это именно то, что способно предотвратить разрушение окружающей среды в анархическом обществе.

Также необходимы ярость и готовность к прямому действию по защите окружающей среды. На перешейке Тегуантепек в Оахаке, Мексика, анархисты и антиавторитарные коренные жители показали именно эти качества при защите земли от серии угроз. Организации, подобные Союзу Коренных Сообществ Перешейка (UCIZONI), который включает в себя сотню сообществ из штатов Оахака и Веракруз и (позднее) анархистскую/магонистскую группу CIPO-RFM¹⁰, боролись против экологически опустошительныхстроек ветряных электростанций, креветочных ферм, эвкалиптовых плантаций и захвата земли лесозаготовительной промышленностью. Они также снизили экономическое давление и эксплуатацию окружающей среды, организовав кукурузные и кофейные кооперативы и построив школы и клиники. Одновременно с этим они создали сеть автономных общинных радиостанций для просвещения людей об опасностях, угрожающих окружающей среде и информировании соседних сообществ об индустриальных проектах, которые грозят опустошением земли. В 2001 г. коренные сообщества помешали строительству шоссе, которое было частью Народного плана Панама (Plan Puebla Panama), — неолиберального мегапроекта, предполагавшего связать Северную и Южную Америки транспортной инфраструктурой, предназначенной для увеличения потока товаров. Во время Сапатистского восстания в 1994 г. они перекрыли транспортные линии, чтобы замедлить передвижения войск, а также заблокировали шоссе и разгромили правительственные учреждения в поддержку восстания в Оахаке в 2006 г.

В 1998 г. Министерство транспорта штата Миннесоты решило проложить шоссе через парк в Минеаполисе, в месте слияния рек Миннесота и Миссисипи. Предполагаемый маршрут уничтожил бы этот район с его старыми деревьями, драгоценной экосистемой дубовой саванны, древним пресным источником и местами, священными для коренных американцев, — полные жизни дикие участки посреди города, которые также служили заказником для соседних территорий. Активисты коренных народов вместе с Движением американских индейцев и Mendota Mdewakanton Dakota Community собрались вместе, чтобы работать в союзе с белыми местными

---

¹⁰ Народный местный совет Оахаки имени Рикардо Флорес Магон (исп. Consejo Indígena Popular de Oaxaca «Ricardo Flores Magón», CIPO-RFM) — организация, состоящая из сельского коренного населения и общин Оахаки. Её цель (помимо прочих) — «продвигать, распространять и защищать наших людей, территорию, экономические, социальные, политические и культурные права, как сообщества и как отдельных личностей» с помощью ненасильственных акций. Решения принимаются на ассамблеях, на которых участники работают вместе, чтобы достичь консенсуса. Их вдохновитель — мексиканский анархист начала XX в. Рикардо Флорес Магон. — прим. пер.

жителями, экологами из «Земли прежде всего!» (Earth First! — радикальная организация по защите окружающей среды — прим. пер.) и анархистами со всей страны для того, чтобы остановить строительство. Результатом стал Свободный штат Миннехаха — автономная зона, которая стала первой и самой длительной акцией против строительства дороги в истории США. На полтора года сотни людей заняли землю, чтобы помешать Министерству транспорта вырубить деревья и построить шоссе, и ещё тысячи поддержали и посетили Свободный штат. Этот захват вселил силы во многих участников, воссоединил многих людей дакота с их наследием, получил поддержку многих соседей, создал просуществовавшую больше года автономную зону и самоорганизующееся сообщество и значительно отсрочил уничтожение этой местности — выручив время, в течение которого многие люди получили возможность открыть для себя и душой соприкоснуться с этим местом.

Чтобы разбить автономную зону, государство было вынуждено прибегнуть к многообразию репрессивных тактик. Люди из лагерей были подвергнуты преследованиям, слежке и инфильтрации. Армия полицейских устраивала многократные рейды для уничтожения лагерей, а также они пытались, отправляли в больницу и избивали людей до полусмерти. Кроме того, они произвели более сотни арестов. В конце концов, государство вырубил деревья и построило шоссе, но протестующие добились спасения Холодного родника, являющегося священным местом для коренного населения этой местности и важной частью местной водной системы. Участники из числа коренных народов объявили о важной духовной победе.

Жители Миннеаполиса, которые изначально поддерживали деструктивный проект из-за предполагаемой пользы для транспортной системы, стали склоняться на сторону сопротивления и выступать против шоссе. Если бы решение зависело от них, то шоссе никогда не было бы построено. Свободный штат создал и вскормил объединения и узы между сообществами, которые действуют и по сей день, формируют новые поколения радикальных сообществ и вдохновляют подобные попытки по всему миру.

Под Эдинбургом, в Шотландии, эко-анархисты добились большего успеха в спасении леса. Антидорожный лагерь Билстон Глен (Bilston Glen) существует на момент написания этих строк уже в течение семи лет, привлекая сотни участников и отягивая строительство путепровода, который нужен большим биотехнологическим комплексам этого района. Для того чтобы люди жили там постоянно, при этом оказывая низкое влияние на лес и затрудняя полиции возможности выселения, активисты построили прямо на деревьях дома, которые населены людьми круглый год. Этот посёлок, конечно, низкотехнологичен, но также оказывает малое влияние на среду. А некоторые из домов — это чистые творения любви, достаточно комфортабельные, чтобы считаться постоянным жилищем. Дюжина или около того поселенцев также заботится о лесе, удаляет инвазивные виды и поддерживает рост местных видов. Деревянный посёлок Блестон Глен — лишь один пример из длинного списка антидорожных акций и экологического прямого действия в Великобритании, которые формируют коллективную силу, заставляющую государство подумать дважды, прежде чем строить новые дороги или выселять протестующих. Этот посёлок также связывает между собой простое противодействие политике властей и создание новых отношений общества с окружающей средой в смысле её защиты. Десятки людей

сделали лес своим домом, и ещё сотни лично убедились в важности уважительного отношения к природе и защиты её от западной цивилизации.

А что делать с глобальными экологическими проблемами, такими как изменение климата?

Анархисты пока ещё не обладают опытом решения глобальных проблем, так как наши успехи до сих пор были локальными и временными. Безгосударственные, анархические общества некогда покрывали Землю, но это было задолго до того, как появились глобальные проблемы окружающей среды, которые породил капитализм. Сегодня члены многих из этих коренных обществ находятся на переднем фронте глобального сопротивления уничтожению природы правительствами и корпорациями.

Анархисты также осуществляют глобальную координацию. Они организуют международные протесты против крупных источников загрязнений и их государственных лоббистов, подобные мобилизациям во время саммитов G8, для проведения демонстраций против государств, наиболее повинных в глобальном потеплении и других проблемах, на которые откликнулись сотни тысяч людей из десятков стран. В ответ на глобальную активность транснациональных корпораций экологически мыслящие анархисты распространяют информацию по всему миру. Подобным образом активисты по всему миру могут координировать одновременные акции против корпораций, взяв в качестве цели загрязняющую окружающую среду фабрику или рудник на одном континенте, магазины розничной торговли на другом и международную штаб-квартиру акционеров на третьем континенте.

Для примера, крупные протесты, бойкоты и акты саботажа против Shell Oil координировались между людьми в Нигерии, Европе и Северной Америке в течение 1980-1990-х гг. В 1986 г. автономисты в Дании произвели множественные одновременные атаки зажигательными бомбами на заправки Shell по всей стране во время всемирного бойкота, проводимого с целью наказать Shell за поддержку правительства, ответственного за апартеид в Южной Африке. В Нидерландах подпольная антиавторитарная группа RARA (Революционное Антирасистское Действие) организовала серию взрывов объектов Shell (проведённую с расчётом непричинения вреда людям), сыгравшую решающую роль в принуждении Shell к уходу из Южной Африки. В 1995 г., когда Shell планировала затопить старую нефтяную платформу в Северном море, она была принуждена оставить этот план после протестов в Дании и Великобритании, захвата нефтяной буровой активистами Гринпис, поджога и обстрела заправок Shell в двух городах Германии, также как и бойкота, который снизил цены на нефтепродукты в этой стране на 10%¹¹. Все эти усилия служат прообразом глобальных сетей, которые могут защищать окружающую среду в анархическом будущем. Если мы преуспеем в упразднении капитализма и государства, то тем самым мы устраним крупнейших системных опустошителей окружающей среды, а

---

¹¹ Цифра в 10% и упоминание двух атак в Германии приводятся в работе Nathaniel C. Nash «Oil Companies Face Boycott Over Sinking of Rig», The New York Times, June 17, 1995.

также структурные препятствия, которые сейчас затрудняют массовое действие в защиту природы.

Далее приведены исторические примеры безгосударственных обществ, коллективно реагирующих на крупномасштабные экологические проблемы через децентрализованные сети. Хотя эти проблемы не были глобальными, и относительные барьеры, с которыми сталкивались эти общества (когда информация передавалась со скоростью пешехода), были, возможно, больше, чем расстояния современного мира, в котором люди могут мгновенно связываться друг с другом даже в том случае, если они находятся на противоположных сторонах планеты.

Тонга — это тихоокеанский архипелаг, населённый полинезийцами. До колонизации здесь существовала централизованная политическая система с лидером, чьё положение передавалось по наследству, однако эта система была значительно менее централизована по сравнению с государством, и власть лидера была ограниченной. В течение 3 200 лет народ Тонга была способен поддерживать устойчивое хозяйство на архипелаге площадью 746 квадратных километров с десятками тысяч жителей¹². Тогда не существовало техники связи, и информация распространялась медленно. Тонга слишком велик для того, чтобы один крестьянин мог знать всё обо всех островах или даже хотя бы всё об одном из его крупных островов. Лидер традиционно мог руководить и следить за устойчивостью хозяйства не через ресурс принуждения, но постольку, поскольку он имел доступ к информации со всей территории, также как это было бы с федерацией или генеральной ассамблеей, если бы островитяне организовались подобным образом. Применение конкретных практик и поддержка идеи устойчивого развития зависела от индивидов, составлявших общество.

Тот факт, что крупное сообщество может защищать окружающую среду рассеянным или децентрализованным образом, без лидерства, широко подтверждается на примере уже упоминавшихся горцев Новой Гвинеи. Сельское хозяйство обычно ведёт к обезлесиванию, так как леса сводятся под пашню, а обезлесивание может убить почву. Многие общества отвечают на это расчисткой ещё больших площадей земли для того, чтобы компенсировать меньшую плодородность почв, таким образом, усугубляя проблему. Многие цивилизации рухнули из-за разрушения почв в результате обезлесивания. Опасность эрозии почв обостряется в гористых областях, таких как центральная часть Новой Гвинеи, где обильные дожди могут легко смыть оголённую почву. Более разумная практика, которую изобрели новогвинейские фермеры, — это силвикультура, или лесоводство: объединение посадок деревьев и других растений. Объединяя фруктовые сады, поля и лес, они научились защищать почву и создавать симбиотические химические круговороты между различными выращиваемыми растениями.

Жители гор развили специальные техники по противодействию эрозии для того, чтобы избежать потери почвы в их крутых горных долинах. Каждый конкретный фермер мог бы получить выгоду в близкой перспективе, не применяя эти техники, но, в конечном счёте, это приведёт к эрозии и тому, что будущие поколения будут лишены здоровой почвы. Поэтому ко времени колонизации устойчивые техники применялись повсюду. Противоэрозийные техники были распространены и улучше-

---

¹² Jared Diamond, *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*, New York, Viking, 2005.

ны исключительно коллективными децентрализованными способами. Горцам не нужны были эксперты, чтобы научиться использовать эти экологичные сельскохозяйственные технологии, и им не потребовались бюрократы, чтобы те следили, что эти технологии все используют. Вместо этого они опираются на культуру, которая высоко ценит эксперименты, индивидуальную свободу, социальную ответственность, разумное коллективное землепользование и свободный обмен информацией. Эффективные инновации, введённые в одном районе, быстро и свободно распространились от долины к долине. Без телефонов, радио и интернета, будучи окружённой крутыми горами, каждая долина была как бы страной в себе. Сотни языков, на которых говорят в горах Новой Гвинеи, отличаются от одной деревни к другой. В этом миниатюрном мире ни одно сообщество не может быть уверенным в том, что другие сообщества не разрушат свою окружающую среду, однако их децентрализованный подход к защите окружающей среды сработал. В течение тысячелетий они сохраняли свои почвы и поддерживали такую плотность населения, что первые европейцы, пролетевшие на самолёте над их краем, увидели страну, подобную Нидерландам.

Регулирование водного режима в этой низменной северной стране в XII-XIII веках представляет собой другой пример низовых решений экологических проблем. Поскольку большая часть Нидерландов находится ниже уровня моря и почти все они находятся под угрозой затопления, фермеры должны были постоянно трудиться над поддержкой и улучшением системы регуляции вод. Дамбы для защиты от наводнений были обычной частью инфраструктуры, от которой выигрывали все, но для поддержки их в рабочем состоянии требовался вклад каждого ради блага всех. Каждый отдельно взятый фермер оказывался в выигрыше, увиливая от несения обязанностей по водной регуляции, но всё общество могло проиграть в случае наводнения. Этот пример особенно важен, поскольку голландское общество лишено анархических ценностей, обычных для коренных обществ. Эта область давно была обращена в христианство, и здесь были посеяны его губительные для природы и иерархические ценности. В течение сотен лет она была под контролем государства, но всё же империя развалилась, и в XII-XIII веках Нидерланды были, по сути, лишены государства. Центральная власть в форме церковных сановников, феодальных лордов и гильдий оставалась сильна в Голландии и Зеландии (провинция Нидерландов — прим. пер.) — там, где позже зародился капитализм, но в северных регионах, таких как Фрисландия (провинция Нидерландов — прим. пер.), общество было в основном децентрализованным и горизонтальным.

В то время контакты между городами, разделёнными несколькими дюжинами миль — несколькими днями пути, — могли быть более сложными, чем связь с противоположным концом Земли в наши дни. Несмотря на подобные затруднения, сельские общины, города и деревни смогли построить и поддерживать обширную инфраструктуру для отвоевывания земли у моря и защиты от затопления в условиях колебания уровня моря. Соседские советы, организуя совместные рабочие бригады или делегируя обязанности между общинами, построили и поддерживали дамбы, каналы, шлюзы и дренажные системы, необходимые для защиты всего общества. Это был

---

¹⁵ H. Van Der Linden «Een Nieuwe Overheidsinstelling: Het Waterschap circa 1100-1400» in D.P. Blok, *Algemene Geschiednis der Nederlanden*, deel III. Haarlem: Fibula van Dishoeck, 1982, p. 64.

«комплексный подход снизу вверх, от местных общин, которые обрели защиту при помощи самоорганизации подобным образом»¹³. Спонтанные горизонтальные организации играли главную роль даже в феодальных владениях, таких как Голландия и Зеландия, и сомнительно, что слабые правители, существовавшие в этих регионах, могли бы осуществить управление строительством самостоятельно при помощи данной им ограниченной власти. Хотя власти всегда приписывают себе заслуги творчества масс, спонтанная самоорганизация продолжает существовать даже в тени государства.

Единственный способ спасти планету

В том, что касается защиты окружающей среды, почти любая социальная система будет лучше той, которую мы имеем сейчас. Капитализм — это первый тип социального устройства в истории, подвергающий опасности выживание нашего вида и жизнь на земле вообще. Капитализм создаёт побуждающие стимулы для эксплуатации и уничтожения природы и порождает атомизированное общество, неспособное защищать среду обитания. При капитализме экоцид фактически является правом. Меры по защите окружающей среды — это «торговые барьеры». Препятствование сплошной вырубке леса корпорацией на земле, которую она купила, — это посягательство на частную собственность и свободу предпринимательства. Компаниям разрешено производить миллионы тонн пластика, который по большей части используется в одноразовых упаковках, несмотря на тот факт, что у них отсутствует программа дальнейшей утилизации и даже представление о том, что с ним происходит после использования. Пластик не разлагается, поэтому пластиковый мусор наполняет океан и оказывается в телах морских существ, и это может продолжаться миллионы лет. Чтобы спасти носорогов от браконьеров, охотинспекторы начали срезать их ценные рога, но браконьеры всё равно убивают их, потому что если они вымрут, цена на оставшиеся куски носорожьего рога взлетит до небес.

И, несмотря на это, университетам хватает наглости внушать студентам, что коммунитарное общество будет неспособно защищать окружающую среду из-за так называемой «трагедии общин». Этот миф часто излагают так: представим общество пастухов овец, которое имеет пастбищные угодья в общей собственности. Они выигрывают все вместе, если каждый пасёт небольшое число овец, благодаря чему угодья остаются плодородными. Но каждый в отдельности выиграет в том случае, если осуществляет перевыпас, так как в таком случае получает большую долю продукта — таким образом, коллективная собственность якобы ведёт к истощению ресурсов. Исторические примеры, приводимые, чтобы подтвердить эту теорию, в основном берутся из колониальной и постколониальной эпох, во время которых угнетённое население, чьи традиционные формы организации и хозяйствования были подорваны, вынуждено тесниться на малопродуктивных землях, что ведёт ко вполне предсказуемому результату. Сценарий с выпасом овец описывает ситуацию, которая исключительно редка в человеческой истории: коллектив состоит из атомизированных, конкурирующих индивидов, которые ценят персональный достаток выше

социальных связей и здоровья экологии, а социальные механизмы или традиции, которые могут гарантировать устойчивое совместное использование, отсутствуют.

Капитализм уже вызвал крупнейшую волну вымирания с тех времён, когда падение астероида уничтожило динозавров. Чтобы не допустить того, чтобы глобальное изменение климата привело к полному экологическому коллапсу, а также остановить загрязнение и перенаселение, ведущие к гибели большей части млекопитающих, птиц, амфибий и морских существ на планете, мы должны ликвидировать капитализм, желательно в течение нескольких ближайших десятилетий. Исчезновения видов, вызванные человеком, заметны, по меньшей мере, в течение последних сотен лет. Парниковый эффект был широко осознан в последние два десятилетия. И лучшее, что прославленная изобретательность свободного предпринимательства смогла предложить, — торговля углеродными квотами — нелепый фарс. Таким образом, мы не можем доверить спасение планеты какому-либо мировому правительству. Первая забота любого правительства — это всегда его собственная власть, и оно строит основу этой власти при помощи экономических взаимоотношений. Правящая элита должна поддерживать привилегированное положение, а оно зависит от эксплуатации других людей и природы.

Локализованные, эгалитарные общества, объединённые сетью всемирной связи и взаимодействия — лучший путь для спасения окружающей среды. Самодостаточные, замкнутые в плане использования ресурсов общества почти не тратят углеродных ресурсов. Им не нужна нефть для транспортировки товаров и отходов или гигантские объёмы электроэнергии для питания промышленных комплексов, производящих товары на экспорт. Они должны будут производить большую часть энергии для потребления при помощи солнечных, ветряных, биотопливных и подобных технологий и больше полагаться на то, что может быть сделано руками, а не электрическими устройствами. Подобные общества производят меньшее загрязнение, так как они имеют меньше стимулов к массовому производству и им сложно захоранивать отходы производства на землях других сообществ. На месте перегруженных аэропортов и забитых шоссе мы можем представить себе велосипеды, автобусы, межрегиональные поезда и парусники. Таким же образом, население не будет неконтролируемо расти, так как женщины будут способны сами контролировать деторождение, а локальные экономики сделают очевидным ограниченность ресурсов.

Экологически устойчивый мир должен быть антиавторитарным, таким, что ни одна община не сможет поработить своего соседа для расширения ресурсной базы. Нам нужно сотрудничество, чтобы сообщества могли объединяться для самозащиты от групп, в которых развиваются империалистические тенденции. И самое главное — он потребует общей экологической этики, при которой люди будут с уважением относиться к окружающей среде, а не воспринимать её исключительно как источник сырья. Мы можем начать строить такой мир уже сейчас, учась у экологически устойчивых коренных обществ, саботируя и разоблачая тех, кто загрязняет окружающую среду, распространяя любовь к природе и познания о биорегионах, в которых мы живём, осуществляя проекты, которые позволяют обеспечивать наши нужды в пище, воде и энергии на местном уровне.

Рекомендуемая литература

1. Nirmal Sengupta «Managing Common Property: Irrigation in India and The Philippines», New Delhi: Sage, 1991.
2. Winona LaDuke «Recovering the Sacred: The Power of Naming and Claiming», Cambridge: South End Press, 2005.
3. Jan Martin Bang «Ecovillages: A Practical Guide to Sustainable Communities». Edinburgh: Floris Books, 2005.
4. Heather C. Flores «Food Not Lawns: How To Turn Your Yard Into A Garden And Your Neighborhood Into A Community». Chelsea Green, 2006.
5. Jared Diamond «Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed», New York, Viking, 2005.
6. Murray Bookchin «The Ecology of Freedom: the Emergence and Dissolution of Hierarchy», Palo Alto, CA: Cheshire Books, 1982.
7. Elli King, ed. «Listen: The Story of the People at Taku Wakan Tipi and the Reroute of Highway 55, or, The Minnehaha Free State», Tucson, AZ: Feral Press, 2006.

Преступность

Тюрьма — это организация, которая наиболее явственно символизирует доминирование. Анархисты хотят создать общество, которое может само защищать себя и разрешать внутренние конфликты без вмешательства полиции, суда или тюрем; общество, которое не делит всё на плохое и хорошее, дозволенное и запрещённое, законопослушных граждан и преступников.

Кто будет защищать нас, когда не будет полиции?

В нашем обществе полиция получает огромную выгоду из назойливой рекламы, будь то предвзятое и паникёрское освещение в СМИ разного рода преступлений или поток фильмов и телевизионных шоу, в которых копы выступают в роли героев и защитников. Однако опыт общения с полицией многих людей разительно отличается от тяжеловесной пропаганды.

Кого защищает полиция в иерархически построенном обществе? Кому стоит больше опасаться преступников, а кому — полицейских? В некоторых сообществах полиция подобна оккупантам; полицейские и преступные сообщества формируют своего рода тиски, из-за которых люди не способны выйти из тяжёлых ситуаций или спасти свои сообщества от насилия, бедности и дробления.

Исторически полиция развилась не из нужды общества в защите людей от совершающихся преступлений. В США современная полиция возникла в то время, когда уровень преступности уже упал. Скорее, институт полиции возник как орудие правящего класса для осуществления большего контроля над населением и для усиления государственной монополии на регулирование социальных конфликтов. Это не было ответом на преступность или попыткой разрешить данную проблему; наоборот, возникновение полиции вызвало формирование новых видов преступлений. Одновременно с расширением и модернизацией полицейской системы происходит криминализация таких поведенческих моделей, присущих, как правило, низшим классам, как, например, бродяжничество, азартные игры и нахождение в состоя-

---

¹ Этот анализ хорошо изложен Кристианом Вильямсом в книге «Наши враги в голубом» (Kristian Williams in Our Enemies in Blue. Brooklyn: Soft Skull Press, 2004).

² В 2005 г. 5 734 работника погибли в результате полученных на работе травм, ещё от 50 000 до 60 000 людей погибли из-за профессиональных заболеваний, согласно данным Американской федерации труда и Съезда промышленных организаций, http://www.aflcio.org/issues/safety/memorial/upload/wmd_safetyfacts.pdf. Из всех случаев гибели рабочих по вине работодателей в период с 1982 г. до 2000 г. менее 2 000 были расследованы правительством. Из них лишь 81 работодатель был осуждён и только 16 получили реальные сроки, хотя максимальным сроком заключения были 6 месяцев, согласно докладу Дэвида Бэрстоу «США редко расследуют убийства на работе», Нью Йорк Таймс, 22 декабря 2003 г.

нии алкогольного опьянения в публичных местах¹. Люди, находящиеся у власти, определяют «преступные деяния» так, как им удобно, а затем представляют полученные дефиниции как нечто нейтральное и вечное. К примеру, гораздо больше людей может погибнуть из-за загрязнения окружающей среды и вследствие «несчастных случаев» на работе, чем из-за употребления наркотиков, однако же наркоторговцы клеймлены опасными для общества, а владельцы заводов и фабрик — нет. И даже если владелец завода нарушит закон, и из-за этого погибнут люди, он не отправится в тюрьму².

Сегодня более двух третей заключённых в США осуждены за ненасильственные преступления. Неудивительно, что большинство заключённых — бедняки и «цветные», учитывая криминализацию использования наркотиков и иммиграции, непропорционально жестокие наказания за преступления, связанные с теми наркотиками, которые используют бедняки, а также увеличенные шансы «цветных» быть обвинёнными или осуждёнными более сурово по сравнению с белыми за одни и те же преступления³. Также значительное присутствие полиции в гетто и бедных районах связано с тем, что уровень преступности в данных местах остаётся высоким, но при этом сажают всё больше и больше людей. Полиция и тюрьмы — это контролирующие институты, которые охраняют социальное неравенство, распространяют страх и недовольство, исключают и отчуждают целые сообщества и используют насилие против самых незащищённых частей общества.

Те люди, которые могут самостоятельно организовать свою жизнь в рамках своих сообществ, лучше приспособлены для самозащиты. Некоторые сообщества, которые получили автономию от государства, организуют патрули из добровольцев, чтобы помочь нуждающимся и препятствовать агрессивным действиям. В отличие от полиции данные группы обычно не обладают иерархической структурой, основанной на насилии или бюрократизме, а также чаще всего создаются из добровольцев, проживающих в данной местности. Они защищают людей, а не собственность или привилегии, и в отсутствие законов они лучше отвечают нуждам людей, чем неповоротливый нормативный акт. Другие общества организуются против социального зла без каких бы то ни было особых институциональных форм. Вместо этого для сохранения окружающей среды они используют различные способы идейного воздействия, распространяемые в обществе посредством культуры.

Анархисты имеют абсолютно отличный взгляд на проблемы преступления и наказания по сравнению с авторитарными обществами. Преступление — это нарушение писаного закона, а законы навязываются нам элитой. В конце концов, это оказывается вопросом не того, что «преступник» своим действием нанёс кому-то вред, а того, что он не подчинился указаниям элиты. Ответом на преступление является построение отношений иерархии морализма и силы между преступником и вершителями правосудия. Преступнику отказывается в ресурсах, которые ему могут быть полезны для того, чтобы вновь интегрироваться в общество и перестать причинять другим людям боль.

---

³ Широко доступная статистика американского Бюро переписи, Министерства юстиции, независимых исследователей, «Хьюман Райтс Вотч» (неправительственная организация, занимающаяся мониторингом, расследованием и документированием нарушений прав человека) и других организаций. Можно найти, например, на drugwarfacts.org (было исследовано автором книги 30 декабря 2009 г.).

В сильном обществе людям не нужны писанные законы; у них есть силы определить, что кто-то мешает им реализовать свои потребности, и позвать на помощь своих товарищей для разрешения конфликта. Таким образом, проблема не в преступлении, а в ущербе, наносимом обществу, например, нападение или вождение в пьяном виде действительно может принести вред людям. Такое видение проблемы избавляет нас от категории преступлений, в которых нет жертв, и раскрывает абсурдную сущность защиты прав на собственность привилегированных людей в то время, как другие пытаются выжить. Такие присущие капиталистическому обществу акты насилия, как задержание голодного за то, что он украл что-то у богатого, будут невозможны в рамках парадигмы, основанной на действительных человеческих потребностях.

В феврале 1919 г. во время всеобщей забастовки в Сиэтле рабочие захватили весь город. Сиэтл был закрыт для торговли, но рабочие не позволили ему погрязнуть в хаосе. Напротив, они поддерживали в рабочем состоянии все жизненно необходимые службы города, но только под управлением самих трудящихся, без хозяев. Всё равно каждый день именно рабочие поддерживали жизнь в городе, а во время забастовки они лишь показали ещё раз, что знают, как делать свою работу и без вмешательства управляющих. Они координировали свои действия на уровне города посредством Генерального забастовочного комитета, состоящего из членов местных профсоюзов; структура его была похожа на то и, возможно, построена по образу того, как была организована Парижская коммуна. Местные профсоюзы и особые группы рабочих сохраняли свою автономию без того, чтобы Комитет или любой другой орган вмешивался в их деятельность. Работники могли свободно проявлять свою инициативу на местном уровне. Водители фургонов, развозящих молоко, установили систему распространения молока по районам, которую их боссы никогда бы не одобрили из-за её неприбыльности.

Бастующие рабочие собирали мусор, организовывали общественное питание, раздавали бесплатную еду и поддерживали пожарную систему. Они также охраняли общество от асоциальных поступков: грабежей, избиений, убийств, изнасилований, — против той волны преступлений, которая должна была накрыть общество по прогнозам всех авторитариев. Городская охрана, состоящая из невооружённых ветеранов войны, гуляла по городу, наблюдая за обстановкой и помогая людям, которые в чём-то нуждались. Хотя надо отметить, что у стражей порядка в арсенале были лишь слова: они могли предупредить нарушителя или убедить его, но не применять силу. Благодаря чувству солидарности, возникшему во время забастовки, общество сплотилось и народные стражи порядка были способны поддерживать мирную обстановку, что не удавалось государству.

Эта обстановка солидарности, бесплатной пищи и раскрепощения обычного человека играла роль в уничтожении преступности на корню. Бывшие маргиналы теперь получили возможность участвовать в жизни общества, принятии решений, что было недоступно для них при капиталистическом режиме. Отсутствие полиции, наличие которой усиливает классовые противоречия и создаёт атмосферу враждебности, в

---

⁴ Википедия «Seattle General Strike of 1919», http://en.wikipedia.org/wiki/Seattle_general_strike_of_1919 (изучено автором 21 июня 2007 г.). Печатные источники: Jeremy Brecher «Strike!» Revised Edition. South End Press, 1997; и Howard Zinn «A People's History of the United States», Perennial Classics Edition, 1999.

действительности, возможно, уменьшило уровень преступности нищих классов. Даже власти отметили, насколько организованным был город: генерал-майор Джон Ф. Моррисон, находившийся в Сиэтле, заявил, что никогда ещё не видел такого «тихого и мирного города». В конце концов, забастовка была прекращена вторжением в город тысяч военных вкупе с давлением, оказываемым на рабочих главами профсоюзов⁴.

В городе Оахака в 2006 г. в течение 5 месяцев автономии на пике революции Народная Ассамблея жителей Оахаки, состоящая из бастующих учителей и других активистов, для координации своих действий и организации жизни в Оахаке создала волонтерские отряды для поддержания мира в такое жестокое время, когда общество раздирали разногласия. Со своей стороны полиция и парамилитарес⁵ убили более 10 человек — это было единственное кровопролитие в отсутствие государственной власти.

Народное движение Оахаки было способно поддерживать относительный мир, несмотря на всё то насилие, которое применяло государство. Это удалось благодаря модификации индейской традиции в новых условиях: мир охранялся так называемыми топилес, сменяемыми стражами, которые поддерживали порядок в индейских сообществах. Профсоюз учителей использовал топилес в качестве добровольных охранников ещё во время их расположения в лагере до создания АРРО, которая в свою очередь быстро распространила эту практику в работе комитета безопасности для защиты от полиции и парамилитарес. Большое место в работе топилес занимали захват правительственных зданий и защита баррикад и уже занятых зданий. Это значило, что им часто приходилось сталкиваться с вооружёнными полицией и парамилитарес тогда, когда на их стороне из оружия были только камни и огонь.

«Одни из самых страшных нападений имели место перед захваченными зданиями. Мы охраняли здание Министерства экономики, когда поняли, что где-то в здании находилась группа людей, которые готовились атаковать нас. Мы постучали в дверь, но никто не отозвался. Пять минут спустя группа вооружённых людей вышла из-за здания и начала стрелять в нас. Мы пытались найти убежище, но знали, что если отступим, то жизни по меньшей мере 40 человек на баррикадах окажутся в смертельной опасности. Потому мы решили не сдавать позиции и защищаться камнями. Они продолжали огонь до тех пор, пока у них не кончились пули. Тогда они уехали, т. к. поняли, что мы не собираемся уходить. Несколько наших людей были ранены: один парень в ногу, ещё один — в спину. Позже пришло наше подкрепление, но наёмные убийцы к тому времени уже ушли.

У нас не было никакого оружия. У Министерства экономики мы защищались камнями. Так как время шло, а мы подвергались обстрелам всё чаще и чаще, то мы начали придумывать различные приспособления для самообороны: петарды, самодельные ракетометы из бутылок, коктейли Молотова; у каждого из нас было хоть что-то. И даже если бы у нас ничего этого не было, мы бы стали защищать наших людей на баррикадах своими телами или голыми руками»⁶.

---

⁴ Парамилитарес — ультраправые вооружённые формирования, многие из которых тесно связаны с правительством — прим. пер.

⁶ Diana Denham, C.A.S.A. Collective (eds.) «Teaching Rebellion: Stories from the Grassroots Mobilization in Oaxaca», Oakland: PM Press, 2008, интервью с Cuatli.

После таких нападений топилес помогали доставлять раненых в пункты первой помощи.

Добровольные стражи порядка также отзывались на сообщения об обычных преступлениях. Если кого-то грабили или на кого-то нападали, соседи поднимали шум и местные топилес приходили на помощь; если нападавший был под действием наркотических веществ, то его привязывали на ночь на центральной площади, а на следующий день заставляли собирать мусор или выполнять иной вид общепользуемой работы. У разных людей разные взгляды на долгосрочную перспективу развития данного института, и так как восстание в Оахаке было очень разнообразно с точки зрения политических сил, не все идеи были революционными. Так, некоторые люди хотели отправлять воров и нападавших в суды, хотя широко известно, что государство отпускало всех нарушителей и, наоборот, поощряло их к совершению ещё большего количества преступлений.

История Экзархии, района в центре Афин, на протяжении многих лет показывает, что полиция нас не защищает, а, наоборот, угрожает нам. Уже давно Экзархия является оплотом анархического движения и контркультуры. Этот район защитил себя от джентрификации и контроля со стороны полиции несколькими средствами. Дорогие машины регулярно сжигаются, если их припарковывают там. После разрушения собственности или общественного давления владельцы магазинов и ресторанов больше не пытаются срывать политические постеры со стен, прогонять бродяг или создавать коммерческую атмосферу на улице. Они сдались и согласились с тем, что улицы принадлежат народу. Сотрудники тайной полиции, которые заходили на территорию района, были не раз жестоко избиты. Во время подготовки к Олимпийским играм власти города пытались обновить парк Экзархии, чтобы превратить его из места для прогулок в туристическую достопримечательность. Новый план предусматривал, к примеру, большой фонтан и никаких скамеек. Жители района организовали митинг, пришли туда с собственным планом обновления и сообщили строительной компании, что они будут работать по плану жителей, а не по плану города. Постоянное разрушение строительной техники, в конце концов, показало строительной компании, кто там хозяин. Обновлённый парк сегодня радует глаз большим количеством зелени, отсутствием туристического фонтана и новыми скамеечками.

В Экзархии очень часто нападают на полицию, поэтому около района всегда находится штурмовой отряд. За последние годы полиция и так, и эдак пыталась занять Экзархию, расположив вооружённых полицейских, готовых в любой момент атаковать, по периметру района. Никким образом не удавалось полиции в нормальном режиме осуществлять свои функции. Полицейские никогда не патрулируют район пешком и лишь изредка заезжают сюда на машине. Когда они заходят сюда, то готовятся к столкновениям с целью защититься. Люди рисуют граффити и клеят постеры среди бела дня. Это зона, где не действует закон, и люди нарушают его с удивительной частотой и открытостью. Как бы то ни было, это неопасный район. Преступления носят политический характер и не направлены против личности, как, например, курение травки. Здесь безопасно ходить одному ночью по улице, если, конечно, ты не коп, люди на улицах расслаблены и дружелюбно настроены, и личной собственности ничто не угрожает, если это не дорогие тачки и тому подобные вещи. Полицию здесь не любят, не ждут, да она тут и не нужна.

И именно в такой ситуации полиция показывает своё истинное лицо. Она не является общественной необходимостью и создана не как реакция на преступления, а как институт для поддержания контроля над обществом. В последние годы полиция пыталась наводнить район, и в частности анархическое движение, наркотиками, например, героином. Они прямо подстрекали наркоманов тусоваться в парке Экзархии. Анархистам и другим жителям района пришлось защищаться от этого вида полицейского насилия и остановить распространение наркотиков. Будучи неспособными сломить мятежный дух Экзархии, полицейские перешли к более агрессивной тактике — военной оккупации района. 6 декабря 2008 года этот подход привёл к неизбежному: двое копов застрелили 15-летнего анархиста Алексиса Григорополуса в самом центре Экзархии. Спустя несколько часов начались контратаки: по всей Греции полицейских избивали битами, камнями, поджигали коктейлями Молотова и в нескольких случаях в них стреляли из огнестрельного оружия. Освобождённые зоны Афин и других греческих городов расширяются, и полиция боится выселять новые сквоты, потому что люди доказали, что они сильнее. В настоящее время СМИ наводят страх на людей, увеличивая количество сообщений о преступлениях против общества и связывая это с существованием автономных пространств. Преступление — это орудие государства, используемое для запугивания людей, изолирования их друг от друга и создания иллюзии необходимости государства. Но государство есть не что иное, как «крыша». Государство — это мафия, которая получила контроль над всем обществом, а закон — опись всего того, что они у нас украли⁷.

Ротума (Rotuman) — традиционно безгосударственная народность, которая проживает на острове Ротума в южной части Тихого океана, к северу от островов Фиджи. Согласно антропологу Алану Ховарду, члены этого осёдлого общества воспитываются так, чтобы им не пришлось использовать насилие. Культурные нормы распространяют идеи уважительного и спокойного отношения к детям. Физическое наказание используется крайне редко, и оно практически никогда не направлено на то, чтобы действительно причинить вред непослушному ребёнку. Вместо этого взрослые ротума пристыжают детей, в результате чего они вырастают людьми с высоким уровнем восприимчивости к нуждам общества. Взрослые особенно сильно стыдят детей, которые ведут себя как забияки, а в своих собственных конфликтах они всячески пытаются не злить своих оппонентов. По мнению Ховарда, как человека с более авторитарного Запада, детям даётся «удивительная степень самостоятельности», и принцип самостоятельности личности распространён во всём обществе: «Индивиды практикуют свою автономность не только в рамках своих домов или сообществ, но и деревни также автономны относительно друг друга, а районы представляют собой исключительно автономные политические образования»⁸. Вероятно, сами ротума по-другому оценивают ситуацию, но в любом случае мы не можем найти никаких отчётов самих ротума. Возможно, они могли бы большее внимание уделить горизонтальным связям домашних хозяйств и деревень, но для наблюдателей, вы-

---

⁷ О событиях в Греции можно почитать в блоге <http://onthegreekriots.livejournal.com/> — прим. пер.

⁸ Alan Howard «Restraint and Ritual Apology: the Rotumans of the South Pacific», in Graham Kemp и Douglas P. Fry (eds.) «Keeping the Peace: Conflict Resolution and Peaceful Societies around the World», New York: Routledge, 2004, p. 42.

росших в европейской или американской культуре и обученных тому, что общество едино лишь благодаря власти, самым значительным фактом являлась автономность различных домашних хозяйств и деревень.

Хотя ротумы сейчас живут с навязанным им правительством, они избегают контакта с ним и попадания в зависимость от него. Неслучайно количество убийств среди ротума весьма невелико и составляет 2,02 человека на 100 000 человек в год, это в три раза ниже, чем в США. Ховард описывает взгляд ротума на преступление как очень похожий на анархический: не как нарушение кодифицированного закона, а как причинение вреда или нарушение общественных связей. Таким образом, посредничество играет важную роль в мирном разрешении конфликтов. Вожди и их заместители выступают в роли посредников, хотя выдающиеся старцы также могут принимать на себя данные функции. Вожди не судьи, и если они не будут беспристрастными, то потеряют доверие своих последователей, так как семьи свободны в выборе групп. Самым важным механизмом разрешения конфликтов является публичное извинение. Публичное извинение играет весомую роль; в зависимости от тяжести оскорбления, оно также может быть дополнено ритуальными примирительными подарками. Правильно извиниться — почётно, тогда как отказ от извинения является постыдным. Члены группы сохраняют свою репутацию и статус в группе только благодаря тому, что они подотчётны другим членам группы, чувствительны к их мнению и участвуют в разрешении конфликтов. Если кто-то сделал что-то так, как мы бы могли ожидать от него в обществе, построенном на формуле «преступление-наказание», он бы изолировал себя и, таким образом, ограничил бы своё вредное воздействие на общество.

В течение двух месяцев 1973 г. заключённые, отбывающие сроки в тюрьме с максимальным уровнем безопасности штата Массачусетс, показали, что так называемые преступники менее ответственны за насилие в нашем обществе, чем их охранники. После того, как восстание в тюрьме в Аттике в 1971 г. сконцентрировало внимание страны на провале пенитенциарной системы в деле исправления и реабилитации людей, осуждённых за преступления, губернатор Массачусетса назначил реформистски настроенного комиссара в Управление исправительных учреждений. Тем временем заключённые в тюрьме Уолпол создали союз заключённых. Целями союза были защита заключённых от охранников, блокирование попыток тюремной администрации ввести программы по модификации поведения, а также организация образовательных, оздоровительных программ для заключённых. Они требовали большего количества посещений, возможности работать на платной или добровольной основе за пределами тюрьмы, а также возможности зарабатывать деньги для того, чтобы помогать своим семьям. И последнее, они надеялись покончить с рецидивами — то есть случаями, когда уже отсидевшие люди снова совершали преступление и возвращались в тюрьму, — а также совсем отказаться от тюремной системы.

Чёрные заключённые создали культурную и образовательную группу Black Power (Чёрная сила), чтобы объединить чёрных и противостоять расизму белого большинства, и это оказалось полезным в деле образования союза, вопреки репрессиям со стороны тюремщиков. Прежде всего они должны были покончить с расовой войной между заключёнными, которая провоцировалась тюремщиками. Лидеры всех групп заключили перемирие, которое гарантировалось обещанием убить любого заклю-

чёрного, нарушившего его. Союз заключённых поддерживался извне гражданскими и религиозными активистами, умеющими работать со СМИ, хотя связям между этими двумя группами иногда мешали ментальность последних и ортодоксальная приверженность ненасилию. Помогло и то, что глава Управления исправительных учреждений одобрил идею союза заключённых, а не препятствовал ему, как поступили бы на его месте другие чиновники.

В начале существования союза заключённых тюрьмы Уолпол старший полицейский инспектор попытался разделить их, приняв решение об изоляции заключённых именно тогда, когда чёрные заключённые готовились к празднованию Кванзаа⁹. Белые заключённые без проблем провели празднование Рождества, а чёрные весь день готовили еду, желая увидеть поскорее своих родных и близких. В удивительном проявлении солидарности все заключённые начали бастовать, отказываясь работать или покидать свои камеры. В течение трёх месяцев они подвергались избиениям, одиночному заключению, голоду, отказу в предоставлении медицинской помощи, становились зависимыми от транквилизаторов, которые бесплатно раздавались тюремщиками, а также их содержали в отвратительных условиях, когда их экскременты и мусор скапливались около их камер и никуда не вывозились. Но заключённые отказались сдаться или разделиться. В конце концов, государству пришлось сдаться: у них кончались номерные знаки, которые изготавливали заключённые тюрьмы Уолпол, а также пресса плохо отзывалась о тюрьме в связи с конфликтом.

Заключённые добились исполнения их первого требования: отставки старшего полицейского инспектора. Затем они вскоре добились дополнительных прав: увеличение количества посетителей, возможность уходить в отпуск, свои собственные программы, пересмотр дел и освобождение заключённых, находящихся в изоляции, а также присутствие гражданских наблюдателей в тюрьме. В обмен они вычистили тюрьму и добились того, чего никогда не получалось у охранников, — мира.

В знак протеста против потери контроля охранники ушли с работы. Они думали, что этот акт покажет, насколько необходимы они были, но к их стыду это произвело совершенно противоположный эффект. В течение двух месяцев заключённые сами управляли тюрьмой. Большую часть этого времени охранников не было в блоках камер заключённых, однако государственная полиция контролировала периметр тюрьмы во избежание побегов. Гражданские наблюдатели находились в тюрьме круглыми сутками, но они были обучены не вмешиваться; их задачей было документировать обстановку, общаться с заключёнными и не допускать проявления насилия со стороны охраны, которая иногда появлялась внутри. Один наблюдатель рассказал:

«Атмосфера была очень спокойной — совсем не то, чего я ожидал. Я обнаружил, что моё собственное мышление было чрезвычайно обусловлено обществом и влиянием СМИ. Эти люди не животные, они не опасные маньяки. Я открыл для себя, что мои страхи были беспочвенными».

Другой наблюдатель настаивал:

---

⁹ Один из афроамериканских фестивалей, представляющий собой неделю предновогодних торжеств, длящихся по традиции с 26 декабря (то есть сразу после Рождества) по 1 января каждого года — прим. пер.

«Необходимо, чтобы никто из охранников Блока №9 (карцер) не вернулся. Стоит заплатить им, чтобы они ушли на пенсию. Охранники — вот проблема безопасности»¹⁰.

Уолпол была одной из самых опасных тюрем в стране, но пока заключённые сами управляли ей, уровень рецидивов значительно снизился и количество убийств и изнасилований стало равным нулю. Заключённые развеяли два основных мифа преступной системы правосудия: люди, совершившие преступление, должны быть изолированы, и они должны быть насильственно реабилитируемы, а не сами контролировать процесс своего исправления.

Охранники жаждали прекратить этот постыдный для них эксперимент отмены тюрьмы. Союз тюремщиков был достаточно могущественным, чтобы спровоцировать политический кризис и чтобы глава Управления исправительными учреждениями не мог их уволить, даже тех, кто был замечен в использовании пыток или расистских высказываний при общении со СМИ. Чтобы сохранить работу, глава Управления был вынужден вернуть тюремщиков в тюрьму, и в итоге он «продал» заключённых. Ключевые фигуры силовых ведомств, включая полицию, тюремщиков, прокуроров, политиков и работников СМИ выступили против тюремной реформы и сделали невозможным достижение этого в рамках демократических средств. Гражданские наблюдатели без колебания согласились с тем, что тюремщики вернули хаос и насилие в тюрьму и что они сознательно разрушили мирные достижения самоорганизации заключённых. В конце концов, для разрушения союза заключённых, тюремщики организовали бунт и вызвали полицию, которая застрелила несколько заключённых и пыталась главных организаторов. Самый знаменитый лидер чёрных заключённых смог спасти свою жизнь лишь благодаря вооружённой самообороне.

Многие гражданские наблюдатели и сам глава Управления исправительными учреждениями, который вскоре был вынужден покинуть свой пост, пришли к выводу о необходимости отмены тюрьмы. Заключённые, которые захватили Уолпол, продолжили бороться за свою свободу и достоинство, но союз тюремщиков в итоге стал более сильным, чем ранее, СМИ перестали говорить о тюремной реформе. На момент написания книги в тюрьме Уолпол, которая теперь называется MCI Cedar Junction, до сих пор людей помещают в психушки, пытаются и убивают тех, кто достоин находиться в своих сообществах, работая над созданием более безопасного общества.

А как быть с бандами и хулиганами?

Некоторые боятся, что в обществе без власти сильнейшие выйдут из-под контроля и будут делать, что им взбредёт в голову. Неважно, что это именно то, что с нами происходит в обществах с правительствами! Этот страх возникает из государственнического мифа о том, что все люди изолированы. Правительству очень бы хотелось, чтобы вы думали, что без его защиты вы будете подвержены капризу любого человека, который окажется сильнее вас. Как бы там ни было, ни один бандит не может быть сильнее целого сообщества. Человек, который посягает на социальный мир, не

---

¹⁰ Обе цитаты из работы Jamie Bissonette «When the Prisoners Ran Walpole: a true story in the movement for prison abolition», Cambridge: South End Press, 2008, p. 160.

уважает нужды других людей и ведёт себя авторитарно, может быть побеждён или выгнан соседями, которые работают сообща для сохранения мира.

В Христиании, антиавторитарном автономном квартале датской столицы, жители сталкивались как со своими собственными проблемами, так и с проблемами, связанными с приезжими, которых они принимают, что ведёт к высокой социальной мобильности. Многие приезжают сюда в качестве туристов, но гораздо больше для того, чтобы купить гашиша: в Христиании нет никаких законов и здесь легко купить лёгкие наркотики, хотя тяжёлые наркотики удалось благополучно запретить. В Христиании действует множество мастерских, производящих различные товары, самые знаменитые из которых – высококачественные велосипеды. Там также есть кафе, рестораны, детский сад, больница, магазин здоровой пищи, книжный магазин, место для анархистов и место для концертов. В Христиании никогда не доминировали преступные группировки или местные гопники. В 1984 г. банда байкеров приехала в Христианию в надежде захватить незаконное пространство и монополизировать торговлю гашишом. После нескольких столкновений жителям Христиании удалось выгнать байкеров, используя в основном мирные средства.

Худшее проявление бандитизма пришло от полиции, которая в последнее время снова начала входить в Христианию и арестовывать людей за марихуану и гашиш, используя это как предлог для увеличения напряжённости. Местные застройщики с радостью бы посмотрели на разрушение свободного сообщества, так как оно располагается на земле, которая стала очень дорого стоить. Десятилетия назад жители Христиании вели горячие споры о том, как решить проблему тяжёлых наркотиков, попадающих туда извне. Вопреки возражениям многих, было решено попросить полицию помочь, но в результате обнаружилось, что полиция сосредоточилась на отправке людей за решётку за лёгкие наркотики и «крышевала» распространение тяжёлых наркотиков (например, таких, как героин), видимо, в надежде на то, что массовое пристрастие к ним разрушит автономное пространство¹¹. В любом случае это не первый раз, когда полиция или другие госагенты распространяли наркотики, вызывающие привыкание, одновременно с этим запрещая лёгкие или галлюциногенные наркотики. На самом деле, это похоже на часть полицейской стратегии. В конце концов, жители Христиании выгнали полицию и сами разобрались с проблемой тяжёлых наркотиков, не позволяя наркоторговцам появляться на их территории и используя моральное давление, чтобы воспрепятствовать использованию тяжёлых наркотиков.

В Христиании, как и в любом другом месте, государство представляет наибольшую опасность для сообщества. В отличие от бандитов, которых мы представляем себе терроризирующими общество без законов, государство не может быть так легко побеждено. Обычно государство ищет монополию на использование насилия под предлогом защиты граждан от других бандитов. Это является оправданием для запрета использования силы кем бы то ни было вне государственного аппарата, особенно для запрета самообороны от правительства. В обмен на отказ от этой силы граждан направляют в суды, которые провозглашаются средством защиты

---

¹¹ Нельзя не сравнить это с тем, как Британия распространяла опиум в Китае или как правительство США распространяло виски среди индейцев, а позже — героин в гетто.

их интересов; но, конечно же, судебная система – часть государства и защищает прежде всего его интересы. Когда правительство решает предоставить вашу землю, к примеру, под строительство торгового центра, вы можете обратиться в суд или даже в Городскую думу, но может оказаться так, что вы будете разговаривать с теми, кто получит выгоду от строительства этого торгового центра. Бандитские суды не будут справедливы с жертвами бандитов, и они не будут на вашей стороне, если вы будете защищаться от незаконного выселения. Вместо этого, они посадят вас за решётку.

В этом контексте те, кто хотят разрешения конфликта, вынуждены искать его за пределами суда. Военная диктатура захватила власть в Аргентине в 1976 г. и развязала «грязную войну» против леваков, подвергнув пыткам и убив 30 000 человек. Офицеры, ответственные за пытки и казни, были прощены демократическим правительством, которое пришло к власти вслед за диктаторским. Матери Плаза Де Майо¹², которые собрались, чтобы потребовать прекратить похищения людей и узнать, что случилось с их детьми, были важной социальной силой, которая положила конец царству террора. Так как государство никогда не принимало серьёзных мер для того, чтобы убийцы и мучители отчитывались о своих действиях, люди разработали народное правосудие, которое функционирует в виде протестов и мемориалов, организованных Матерями.

Когда становится известно о местонахождении участника «грязной войны», активисты развешивают плакаты по всему району, сообщая о его присутствии; они также могут попросить местные магазины запретить данному лицу входить, а также призвать следить за ним и приставать к нему, используя тактику, называемую «эскраче», когда сотни или даже тысячи людей могут собраться у дома участника «грязной войны» с плакатами, баннерами, куклами и барабанами. Они поют, кричат и играют музыку целыми часами, пристыжая бывшего палача и давая всем знать, что он натворил. Толпа может также атаковать его дом шариками с краской¹³. Несмотря на судебную систему, которая защищает власть имущих, социальные движения Аргентины организовались для публичного осуждения и изоляции самых худших бандитов.

Как предотвратить убийство?

Наиболее жестокие преступления имеют свои корни в культурной традиции. Уровень таких жестоких преступлений, как, например, убийств, значительно снизится в анархическом обществе, так как большинство причин, его порождающих, — бедность, прославление насилия по телевидению, тюрьмы и полиция, военная служба, сексизм и нормализация индивидуалистических и асоциальных настроений, — исчезнут вовсе или заметно уменьшатся.

---

¹² Матери Плаза Де Майо — ассоциация аргентинских матерей, чьи дети «исчезли» во время «грязной войны», военной диктатуры с 1976 г. по 1983 г.

¹³ Natasha Gordon, Paul Chatterton «Taking Back Control: A Journey through Argentina's Popular Uprising», Leeds (UK): University of Leeds, 2004, pp. 66-68.

Различия между двумя сообществами сапотек¹⁴ наглядно иллюстрируют, что поддержание мира в обществе — это результат выбора. Сапотекы — это оседлая сельскохозяйственная народность, проживающая на земле, на которую заявляет свои права Мексиканское государство. В одном сапотекском сообществе — Ла Пас, что в переводе означает «мир», — уровень убийств равен 3,4 человек на 100 000 человек. В соседнем сообществе сапотек уровень убийств гораздо выше и равен 18,1 человек на 100 000 человек. Какие характерные черты общества можно выделить при более мирном образе жизни его членов? В отличие от своих более жестоких соседей, сапотекы из сообщества Ла Пас не бьют своих детей. Соответственно, дети видят меньше насилия и используют меньше насилия в своих играх. Также здесь считается неприемлемым бить своих жён, и это редко происходит; женщины считаются равными мужчине, и они свободны в своей экономической деятельности, что исключает их зависимость от мужчины. Что касается воспитания детей, то выводы данного конкретного сравнения подтверждаются по меньшей мере одним межкультурным исследованием по социализации, которое обнаружило, что тёплые, нежные техники социализации коррелируют с низким уровнем конфликтности в сообществе¹⁵.

Семаи и норвежцы ранее были упомянуты, как общества с низким уровнем убийств. До колонизации семаи жили без государства, тогда как Норвегия находилась под руководством правительства. Социализация в сообществах как норвежцев, так и семаи проходила относительно мирно. В обществе семаи практиковалась экономика дара, так что блага распределялись поровну между всеми членами сообщества. Норвегия же — страна с одним из самых низких разрывов в доходах среди капиталистических стран вследствие внутренней социалистической политики. Ещё одно сходство — использование примирения вместо наказания, полиции или тюрем для разрешения конфликтов. В Норвегии существует полиция и тюремная система, но в сравнении с большинством государств степень использования механизмов примирения довольно высок и не слишком отличается от тех механизмов, которые процветают в безгосударственных, мирных обществах. Большинство гражданских споров в Норвегии должны быть представлены к рассмотрению посредником-примирителем до их отправления в суд, тысячи уголовных дел также рассматриваются примирителями. В 2001 г. уровень соглашений, достигнутых посредством примирения, составил 89% от общего числа споров¹⁶.

Итак, в анархическом обществе насильственные преступления будут гораздо меньше распространены. Но когда они всё же будут происходить, окажется ли общество более беззащитным перед лицом преступников? Всё же кто-то может возразить, что, когда насилие перестанет быть рациональной реакцией на существующий строй,

---

¹⁴ Сапотекы — индейский народ в Мексике. Расселены в штате Оахака и в некоторых районах штатов Чьяпас, Герреро, Веракрус. Численность — около 450 тысяч человек. По религии формально — католики, но сохраняют традиционные верования. Сапотекы не имеют единого этнического самосознания, метисированы, издавна имели контакты с народами михе, соке, хуаве, чонталь, испытали их влияние. — прим. пер.

¹⁵ Graham Kemp, Douglas P. Fry (eds.) «Keeping the Peace: Conflict Resolution and Peaceful Societies around the World», New York: Routledge, 2004, pp. 73-79. Кросс-культурное исследование М.Н. Росс «The Culture of Conflict», New Haven: Yale University Press, 1993.

¹⁶ Graham Kemp, Douglas P. Fry (eds.) «Keeping the Peace: Conflict Resolution and Peaceful Societies around the World», New York: Routledge, 2004, p. 163.

психопаты-убийцы могут время от времени появляться. Достаточно на это ответить, что общество, способное разрушить правительство, вряд ли подчинится одиноким психопатам-убийцам. И общества, возникшие не в результате революции, но в которых царит сильное чувство общности и солидарности, также способны защититься. Инуиты, племя охотников-собираателей в арктической части Северной Америки, являют собой пример того, что может сделать безгосударственное общество даже в случае наихудшего варианта развития событий. Согласно их традициям, если человек совершил убийство, сообщество простит его и заставит его примириться с семьёй убитого. Если этот же человек снова убьёт кого-то, он будет убит, как правило, членами его же семьи, чтобы не возникло причин для вражды и мести.

Карательные государственные методы по борьбе с преступлениями только портят ситуацию, а не улучшают её. Восстановительные методы, используемые во многих безгосударственных обществах, открывают новые возможности для избежания злоупотреблений, наказаний и вреда, которые слишком уж знакомы каждому из нас.

Что скажете об изнасиловании, домашнем насилии и других формах физического воздействия?

Многие действия, считаемые правительством преступлениями, совершенно безвредны; некоторые «преступления», такие как кражи у богатых или диверсия в отношении инструментов ведения войны, могут даже снижать вред. Однако значительное число нарушений закона, считаемых преступлениями, действительно причиняют реальный социальный вред. Из них убийство является самым скандальным, но его редко сравнивают с другими более общими проблемами.

Сексуальное и домашнее насилие неистовствуют в нашем обществе, и даже в отсутствие правительства и капитализма эти формы насилия продолжают существовать, если не обращать на них внимание. В настоящее время многие формы сексуального и домашнего насилия допустимы; более того, некоторые из них исподволь поощряются Голливудом, церковью и другими господствующими институтами. Голливуд часто сексуализирует изнасилования и наравне с другими корпоративными средствами массовой информации восхваляет женскую пассивность и покорность. В рассуждениях, на которые влияют эти институты, часто игнорируется проблема супружеских изнасилований, и в результате многие верят, что муж не может изнасиловать жену, т. к. они связаны договорным сексуальным союзом. СМИ и голливудские кинофильмы постоянно показывают изнасилование совершаемым незнакомцем, особенно часто цветным бедным незнакомцем. По их версии женщина может надеяться на защиту только со стороны полиции или бойфренда. На самом же деле подавляющее большинство изнасилований совершаются бойфрендами, друзьями и членами семьи в ситуациях, теряющихся в неопределённости общепринятых определений согласия и принуждения. Чаще всего Голливуд полностью игнорирует проблемы изнасилований, оскорблений и домашнего насилия, увековечивая вместо этого миф о «любви с первого взгляда». В соответствии с этим мифом мужчина располагает к себе женщину, и они удовлетворяют эмоциональные и сексуальные потребности

друг друга, отлично соответствуя друг другу без разговоров о согласии, работы над коммуникацией или исследования эмоциональных и сексуальных границ.

Полиция и другие институты, претендующие на защиту женщин от изнасилований, рекомендуют им не сопротивляться из опасения разъярить нападающего, хотя очевидность и здравый смысл подсказывают, что сопротивление часто является лучшим выходом. Государство редко предлагает занятия по самообороне для женщин, но часто наказывает женщин, убивших или покалечивших насильников при обороне. Люди, обращающиеся к государству с сообщениями о сексуальном или физическом насилии, сталкиваются с дополнительными унижениями. Суды ставят под вопрос честность и моральную чистоту женщин, имевших храбрость выйти на публику после сексуального насилия; судьи назначают опекунами над детьми жестоких отцов; полиция игнорирует вызовы с сообщениями о домашнем насилии, даже безучастно наблюдая, как муж избивает жену. Иногда местные законы требуют от полиции арестовать одну или обе вовлечённые стороны в случае домашнего насилия, и часто женщина, звавшая на помощь, сама отправляется в тюрьму. Трансгендеры ещё чаще преследуются правоохранительной системой, которая отказывается признавать их индивидуальность и часто отправляет их в тюремные камеры к людям иного пола. Наёмники правоохранительных органов систематически насилуют выходцев из рабочего класса и бездомных транссексуалов.

Значительная часть насилия, не вызванного властями напрямую, является результатом того, что люди вымещают свою злобу на тех, кто находится ниже их в социальной иерархии. Дети, обычно находящиеся в основании пирамиды и часто получают большую долю этого насилия. Те, кто должны бы заботиться об их безопасности, — родители, родственники, священники, учителя — совершают акты насилия над ними чаще всех остальных. Поиск помощи может только ухудшить ситуацию, поскольку ни при каких условиях правоохранительная система не позволит людям вернуть контроль над своей жизнью, даже если именно в нём больше всего будут нуждаться пережившие насилие. Вместо этого каждый случай рассматривается социальными работниками и судьями, которые мало знают о ситуации и должны рассмотреть ещё сотню случаев.

Нынешняя парадигма наказания преступников и игнорирования потребностей жертвы показала свою полную непригодность, и усиливаемое давление законов не изменит её. Люди, которые совершают насильственные акты, часто сами были жертвами насилия; маловероятно, что отправка их в тюрьму заставит их действовать менее жестоко. Людям, пережившим насилие, может быть полезным безопасное место, а отправка насильников в тюрьму лишает их шанса на примирение, а если они ещё и экономически зависят от насильника, как это часто бывает, они могут вообще не сообщать о преступлении из страха остаться бездомными, нищими или у приёмных родителей.

В условиях государственной власти мы считаем сексуальное и домашнее насилие преступлениями — нарушениями дарованных государством прав жертвы, неприемлемыми, поскольку они нарушают государственные заповеди. В отличие от этого многие безгосударственные общества использовали основанную на потребностях парадигму. В этой парадигме такие формы насилия рассматриваются как социальный вред, фокусируясь на потребности потерпевшего исцелиться и потребности

причинившего вред стать полноценным человеком, который может иметь дела со всем сообществом. Поскольку акты социального вреда происходят не в изоляции, эта парадигма вовлекает всё сообщество и пытается восстановить всеобщий социальный мир, учитывая при этом независимость и самостоятельно определённые нужды каждого индивидуума.

Метод «миротворчества» индейцев навахо использовался веками, несмотря на колониальное насилие. Навахо до сих пор прибегают к этому методу, чтобы работать с социальным вредительством и уменьшить зависимость от правительства США; люди, изучающие так называемое «восстановительное правосудие» (restorative justice), рассматривают пример навахо, как руководство. В практике восстановительного правосудия уважаемый и считающийся честным и беспристрастным обеими сторонами человек выступает в роли миротворца. Каждая персона может поискать миротворца для помощи в решении личных проблем, если семья или сообщество озабочено её поведением, если она нанесла кому-то ущерб или ущерб был нанесён ей, или если она находится в ссоре с другой персоной и они хотят помощи в решении конфликта. Сравните это с государственной системой карательной юстиции, при которой на людей обращают внимание — всегда негативное — лишь при совершении ими наказуемого законом правонарушения. Сам вред и причины, вызвавшие его, кажутся неуместными в судебном процессе.

Цель процесса навахо — соответствовать нуждам тех, кто пришёл к миротворцу, и найти корни проблемы.

«Когда члены сообщества навахо пытаются объяснить, почему люди причиняют вред себе или другим, они говорят, что ответственные за вред ведут себя так, потому что они отсоединились от окружающего мира, от людей, с которыми они живут и работают. Они говорят, что „человек ведёт себя так, как будто у него нет родственников“».

Миротворцы решают эту проблему, «высказывая» её и помогая человеку, причинившему вред, воссоединиться со своим сообществом и вновь обрести поддержку и почву под ногами, необходимые ему, чтобы действовать правильно. Кроме того, они обеспечивают поддержку потерпевшему, ища способы помочь этому человеку снова почувствовать себя в целостности и безопасности.

С этой целью в миротворческий процесс вовлекаются семьи и друзья участников. Люди рассказывают свои истории, описывают видение проблем и чувства. Конечная цель состоит в нахождении практического решения, восстанавливающего человеческие отношения. Для этого миротворец читает проповедь, часто описывающую истории создания народа навахо, чтобы показать, как традиционные или мифические персонажи решали схожие вопросы в прошлом. В случаях, когда очевидно, что кто-то действовал неправильно и нанёс вред другому человеку, в конце процесса виновный часто должен уплатить установленную сумму возмещения, наальих (nalayeeh). Однако наальих не является формой наказания вроде «глаз за глаз», это просто способ «уладить дела с человеком, потерпевшим потерю». 104 из 110 общин,

---

¹⁷ Все цитаты и статистика, касающиеся навахо, взяты из книги Денниса Салливана и Ларри Тиффта «Восстановительное правосудие: Исцеление основ нашей повседневной жизни» (Dennis Sullivan and Larry Tiftt, Restorative Justice: Healing the Foundations of Our Everyday Lives, Monsey, NY: Willow Tree Press, 2001), стр. 53-59.

или полуавтономных сообществ, народа навахо сейчас имеют назначенных миротворцев, и часто в прошлом уважаемые члены семей призывались для разрешения споров на неофициальной основе¹⁷.

«Критическое сопротивление» (Critical Resistance) — американская антиавторитарная организация, основанная бывшими заключёнными и членами семей заключённых с целью отмены тюремной системы и причин её существования. Пока мы пишем это произведение, группа работает над обустройством «зон, свободных от вреда». Предназначение таких зон — обеспечить «инструменты и тренинги местным сообществам для усиления и развития их способности разрешать конфликты без полиции, судебной системы и тюремной индустрии. В свободных от вреда зонах практикуется аболиционистский подход к развитию сообществ, который означает построение моделей того, как мы хотим жить в будущем, уже сегодня¹⁸. Путём построения прочных отношений среди соседей и усиленного создания общих ресурсов люди, живущие рядом друг с другом, не допускают торговцев наркотиками, обеспечивают поддержку страдающим зависимостью, вмешиваются в ситуации семейного насилия, присматривают за детьми и препятствуют образованию банд, улучшают межличностное общение.

Другие антиавторитарные группы под влиянием этой модели начали упорную работу по устройству зон, свободных от вреда, в своих городах. Конечно, даже при отсутствии насильственных преступлений расистское капиталистическое правительство всё равно находит поводы запереть людей: создание внутренних врагов и наказание отступников всегда было функцией правительства, и сейчас так много частных компаний инвестирует в тюремную систему, что она стала быстрорастущей индустрией. Но когда люди больше не зависят от полиции и тюрем, когда сообщества больше не изуродованы самопричиняемым социальным вредом, гораздо проще организовать сопротивление.

Повсюду в США и других странах феминисты и феминистки организуют мероприятия «Вернём себе ночь» («Take back the night»), чтобы обратить внимание на насилие по отношению к женщинам. Раз в год большая группа женщин и тех, кто их поддерживает, проводят марш по городу или в кампусе ночью — во время, ассоциируемое многими женщинами с повышенным риском изнасилования, — чтобы исправить своё окружение и сделать проблему заметной. Некоторые группы «Вернём себе ночь» также обращают внимание на зверское насилие нашего общества по отношению к транссексуалам. Первый марш «Вернём себе ночь» прошёл в 1976 г. в Бельгии и был организован Международным трибуналом преступлений против женщин (International Tribunal on Crimes against Women). Это мероприятие многое позаимствовало от традиционных германских протестов в Вальпургиеву ночь. Ночь с 30 апреля на 1 мая, известная как ведьмина ночь, традиционно является временем розыгрышей, буйства, языческого и феминистского сопротивления. В 1977 г. немецкие феминисты и феминистки, участвующие в автономистском движении, провели в Вальпургиеву ночь марш под лозунгом «Женщины возвращают ночь!». Первое мероприятие «Вернём себе ночь» на территории США прошло 4 ноября 1977 г. в районе «красных фонарей» Сан-Франциско.

---

¹⁸ <http://www.harmfreezone.org/wiki/index.php/HarmFreeZone:About> (проверено 24

Такие действия являются важным первым шагом к созданию коллективной силы, способной изменить общество. В условиях патриархата каждая семья изолирована, и хотя многие люди переживают одинаковые трудности, они одиноки. Совместные собрания для разговора на запретные темы, для возврата ранее закрытого публичного пространства — ночных улиц — живое подобие анархического общества, в котором люди совместно побеждают любого представителя власти, любого угнетателя.

Сексуальное насилие в патриархальном обществе касается каждого. Оно случается и в радикальных сообществах, борющихся с сексизмом и сексуальным насилием. Если не фокусироваться на сознательном преодолении патриархального образа жизни, доморощенные радикалы часто отвечают на сексуальное насилие, преследование и другие формы злоупотреблений и насилия точно таким же поведением, столь схожим со всем остальным обществом: игнорированием, осуждением, отказом занять определённую позицию, недоверием или даже обвиняют потерпевшего за случившееся. Для борьбы с этим феминисты и анархисты Филадельфии сформировали две группы. Одна из них, Philly's Pissed, поддерживает переживших сексуальное насилие:

«Вся деятельность Philly's Pissed происходит конфиденциально, если только потерпевший не попросит обратного. Мы не сертифицированные “эксперты”, а группа людей, в жизни которых неоднократно случалось сексуальное насилие, и мы делаем всё возможное для создания более безопасного мира. Мы используем свои и не только свои знания, чтобы выяснить, что кажется наиболее безопасным каждому человеку. Philly's Pissed поддерживает переживших сексуальное насилие, удовлетворяя их неотложные нужды, а так же помогая им сформулировать и понять, что необходимо, чтобы они вновь почувствовали себя в безопасности и контролировали свою жизнь»¹⁹.

Если пострадавший ждёт какого-то поступка со стороны человека, причинившего ему боль, — например, совместного обсуждения проблемы, публичного извинения или обещания никогда больше и близко не подходить к пострадавшему, — группа поддержки обеспечивает это. По желанию потерпевшего группа может опубликовать персональные данные насильника, чтобы предупредить других людей или заставить этого человека перестать скрывать свои действия.

Вторая группа, Philly Stands Up, работает с людьми, совершившими сексуальное насилие, чтобы поддержать их во время процесса признания ответственности за свои поступки, обучить их и изменить их поведение, восстановить здоровые отношения с сообществом. Обе группы проводят семинары в других городах, чтобы поделиться опытом ответа на сексуальное насилие.

За гранью юстиции, приватизированной государством

Понятие о юстиции, вероятно, самый опасный результат авторитарной психологии. Самые худшие государственные злоупотребления происходят в тюрьмах, следственных органах, во время принудительного исправления и реабилитации.

ноября 2006 г.)

¹⁹ Philly's Pissed, <http://www.phillyspissed.net/> (проверено 27 октября 2010 г.).

Полиция, судьи и тюремная стража — главные фигуры принуждения и насилия. Во имя юстиции головорезы в форме терроризируют целые сообщества, в то время как инакомыслящие пишут обращения к тому самому правительству, которое их репрессировало. Многие люди до такой степени приняли правила игры государственной юстиции, что их приводит в ужас мысль об отмене защиты и разрешения споров, которые, якобы, обеспечивает государство.

Когда юстиция становится сферой интересов и компетенции узких специалистов, до притеснения остаётся один шаг. В безгосударственных обществах в точке возникновения вектора в сторону развития принуждающих иерархий, ведущих к появлению правительства, часто можно увидеть группу уважаемых мужчин старшего возраста, постоянно разрешающих конфликты и восстанавливающих справедливость. В таких условиях привилегия может закрепиться, и те, кто ею пользуется, могут изменить социальные нормы таким образом, чтобы сохранять и приумножать привилегии. Без этой силы их индивидуальное благосостояние и власть покоятся на слабом основании, которое каждый может оспорить.

Государственная юстиция начинается с отказа заниматься человеческими потребностями. Эти потребности динамичны и могут быть полностью осознаны лишь тем, кто их испытывает. Государственная юстиция, напротив, является исполнением универсальных предписаний, систематизированных законом. Специалисты, истолковывающие закон, сосредоточены на изначально заложенном законодателем смысле закона, а не на рассматриваемой ситуации. Если вам нужен хлеб, и вы украдёте его, вас накажут, даже если вы возьмёте хлеб у кого-то, кому он не нужен. Но если общество сосредоточено на удовлетворении человеческих потребностей и желаний, а не на строгом законодательном принуждении, у вас будет возможность убедить сообщество, что хлеб был вам необходим больше, чем тому, у кого вы его взяли. В таком случае действующее лицо и пострадавшие от его действий остаются центральными фигурами процесса и всегда имеют возможность объясниться и подвергнуть сомнению нормы сообщества.

Юстиция, наоборот, вертится вокруг приговора, вознося могущественного человека, принимающего решения, над обвинителем и обвиняемым, которые бессильно ожидают исхода. Юстиция является принуждением к нравственности, которая, по сути своей, преподносится как данная свыше. Когда общество отходит от религиозных объяснений, нравственность становится универсальной, или «естественной», или научной, — эти сферы всё дальше отдаляются от влияния общественности — до тех пор, пока не будет почти полностью сформирована и упакована СМИ и правительством.

Понятие о юстиции и социальных отношениях, к которым она применима, неотъемлемо от авторитаризма. На практике системы правосудия всегда дают несправедливые преимущества сильным мира сего и наносят ужасные обиды слабым. Одновременно они портят нас этически, вызывая атрофию нашей инициативной энергии и чувства ответственности. Подобно наркотику они делают нас зависимыми, прикрываясь удовлетворением естественных человеческих потребностей, необходимостью разрешения конфликтов в данном случае. Таким образом, люди выпрашивают реформы у юридической системы вне зависимости от степени реальности их ожиданий, а не берут дело в свои руки. Для исцеления от насилия пострадавшему человеку необходимо вернуть контроль над своей жизнью, применившему насилие — восста-

новить здоровые отношения со своим окружением, а сообществу следует проверить свои нормы и тенденции власти. Юридическая система препятствует всему этому. Она накапливает власть, разобщает целые сообщества, мешает исследованию корневой проблемы, сохраняя, прежде всего, существующее положение вещей.

Полиция и судьи могут обеспечить некоторую степень защиты, особенно для людей привилегированных, в условиях расизма, сексизма или капитализма, но самой большой опасностью для большинства людей является сама система. Например, ежегодно тысячи рабочих гибнут из-за халатности работодателя и небезопасных условий труда, но работодатели никогда не наказываются за убийства и практически никогда не обвиняются как преступники. Большинство рабочих семей могут надеяться на денежную компенсацию от гражданского суда. Кто решил, что босс, получающий прибыль за счёт смертей рабочих, получает всего лишь гражданский иск, жена, застрелившая мужа-насильника, отправляется в тюрьму, а чернокожий подросток, убивший полицейского при самообороне, заслуживает смертной казни? Уж точно не рабочие, не женщины и не «цветные».

Каждую человеческую потребность тоталитарная система должна либо обеспечить, либо подчинить, либо заменить суррогатом. В вышеприведённом примере юридическая система рассматривает убийства рабочих как проблему, решаемую предписаниями и бюрократией. СМИ способствуют этому, чрезвычайно фокусируясь на несопоставимых по масштабам серийных и «хладнокровных» убийцах, почти всегда бедных и обычно не белых, меняя тем самым восприятие рисков, с которыми сталкиваются люди. В результате многие люди боятся других бедных людей больше, чем собственных боссов, и хотят поддерживать полицию и суды, которые их преследуют.

Безусловно, в некоторых случаях полиция и суды реагируют на убийства рабочих или женщин, хотя и это часто делается для отвода народного гнева и чтобы отбить у людей охоту искать собственные решения. Даже в этих случаях реакция часто вялая или контрпродуктивная.

Меж тем юридическая система эффективно работает в качестве инструмента формирования общества и управления низшими классами населения. Рассмотрим «войну с наркотиками», введённую с 1980-х гг. по настоящее время. По сравнению с работой или изнасилованиями большинство запрещённых препаратов сравнительно безвредны; в случае же вреда от них медицинское вмешательство намного более эффективно, чем время, проведённое в тюрьме. Но юридическая система объявила эту войну, чтобы изменить общественные приоритеты: она оправдывает полицейскую оккупацию бедных районов, массовые тюремные заключения и порабощение миллионов бедных и «цветных» людей, расширение власти полиции и судей.

Что полиция делает с этой властью? Она арестовывает и запугивает самых беспомощных членов общества. Бедные и «цветные» преобладают в числе арестованных и осуждённых, не говоря уже о ежедневных преследованиях и даже убийствах со стороны полиции. Попытки реформировать полицию редко идут дальше увеличения её бюджета и разработки более эффективных методов, которыми ей позволено лишать людей свободы. Но что же происходит с миллионами людей в тюрьме? Их изолируют, их медленно убивает скудная диета и плохие условия содержания или быстро — охранники, которых почти никогда не наказывают. Тюремная стража потворствует

бандам и расовому насилию, чтобы удерживать контроль, и часто тайком проносит и продаёт наркотики, вызывающие зависимость, чтобы набивать карманы и держать население в подчинении. Десятки тысяч заключённых содержатся в одиночных камерах, иногда десятилетиями.

Бесчисленные научные исследования показали, что криминализация наркотической зависимости и других психологических проблем неэффективна и негуманна; дурное обращение с заключёнными, лишение их человеческого общения и возможности обучения гарантированно увеличивают рецидивизм²⁰. Но каждое исследование, показывающее как покончить с преступностью и уменьшить население тюрем, правительство отвергает и делает прямо наоборот: власти сокращают образовательные программы, увеличивают применение одиночных камер, удлиняют сроки и укорачивают свидания. Почему? Потому, что тюрьма является не только механизмом контроля, но и индустрией. Она всасывает миллиарды долларов общественных денег в институты, усиливающие контроль государства, такие как полиция, суды, слежка, частные охранные компании, и обеспечивает рабской рабочей силой производство товаров для правительства и частных корпораций. Принудительная работа всё ещё легальна в тюремной системе, и большинство тюрем имеет фабрики, где заключённые работают за несколько центов в час. В тюрьмах, кроме того, имеется современное подобие фабричной лавки, где заключённые должны тратить все деньги, которые они заработали и которые прислала им семья, покупая одежду, еду или телефонные звонки по завышенным ценам.

Нет надежды реформировать тюремную систему. Тюремные чиновники-реформисты либо сдались, либо перешли на позицию отмены тюрем. Один высокопоставленный чиновник, управлявший департаментами исправления несовершеннолетних в Массачусетсе и Иллинойсе, пришёл к выводу, что:

«Тюрьмы являются жестокими, старомодными бюрократическими аппаратами, не обеспечивающими общественную безопасность. В них невозможно никого реабилитировать. Благоприятные условия для жестокости создают ещё больше таких заведений. Это самовоспроизводящаяся система. Тюрьмы часто предлагают себя в качестве решения тех самых проблем, которые они же и создали. Учреждения устроены так, что заставляют людей проваливаться. Это их скрытое предназначение»²¹.

Это не те проблемы, которые можно решить реформами или изменением законов. Юридическая система расставила приоритеты и приняла законы с особой целью — контролировать и наказывать нас. Проблемой является сам закон.

Часто люди, живущие в государственном обществе, считают, что без централизованной юридической системы с ясными законами будет невозможно разрешать конфликты. Без общего набора законов каждый будет бороться за свои интересы, что приведёт к бесконечной междоусобице. Если способы обращения с социальным вредом децентрализованы и добровольны, что помешает людям «взять юстицию в свои руки»?

---

²⁰ George R. Edison, MD «The Drug Laws: Are They Effective and Safe?», The Journal of the American Medical Association. Vol. 239 No. 24, June 16, 1978; A.W. MacLeod «Recidivism: a Deficiency Disease», Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1965.

²¹ Jamie Bissonette, When the Prisoners Ran Walpole: A True Story in the Movement for Prison Abolition,

Важный уравнивающий механизм в безгосударственных обществах заключается в том, что люди иногда действительно берут юстицию в свои руки, особенно имея дело с теми, кто на лидерских должностях действует авторитарно. Каждый может руководствоваться своей совестью и предпринимать действия против персоны, предполагаемо наносящей вред сообществу. В лучшем случае это может подтолкнуть других к осознанию и противостоянию проблеме, которую они пытались игнорировать. В худшем — разделить сообщество на тех, кто считает такие действия оправданными, и тех, кто считает их вредными. Даже в таком виде это лучше институционализированного дисбаланса власти; в сообществе, где каждый может взять власть в свои руки, где все равны, люди поймут, что намного проще договориться и попытаться изменить мнение оппонента, чем делать что угодно или вызывать конфликты, действуя самоуправно. Этот метод не используется в демократических, капиталистических обществах не потому, что он не работает, а потому, что есть определённые мнения, которые нельзя менять, определённые противоречия, на которые нельзя обращать внимание, определённые привилегии, которые нельзя подвергать сомнению.

Во многих безгосударственных обществах проблемой неправильного поведения занимаются не специализированные защитники справедливости, а каждый, включая то, что антропологи называют неопределёнными распределёнными санкциями, — санкции или негативные реакции, неопределённые во всём обществе. Каждый приучен отвечать на несправедливость и вредоносное поведение, таким образом, каждый сильнее и больше вовлечён. Когда нет государства, монополизировавшего ежедневное обслуживание общества, люди учатся этому сами и обучают друг друга.

Нам нет нужды называть насилие преступлением, чтобы знать, что оно делает нам больно. Законы не нужны в договорном обществе: есть и другие способы реагировать на социальный вред. Мы можем обозначить проблему как посягательство на чужие потребности, а не как нарушение писанных правил. Мы можем помочь пострадавшим выразить свои потребности и поддержать их. Мы можем держать людей под присмотром, если они вредят другим, поддерживая их и давая им шанс научиться и восстановить взаимоуважительные отношения с сообществом. Мы можем рассматривать проблему как нечто, за что ответственно всё сообщество, а не как вину отдельного человека. Мы можем вернуть себе силу исцелить общество и прорвать окружающую нас изоляцию.

Рекомендуемая литература

1. Kristian Williams «Our Enemies in Blue». Brooklyn: Soft Skull Press, 2004.
2. Jamie Bissonette «When the Prisoners Ran Walpole: A True Story in the Movement for Prison Abolition», Cambridge: South End Press, 2008.
3. Dennis Sullivan and Larry Tifft «Restorative Justice: Healing the Foundations of Our Everyday Lives», Monsey, NY: Willow Tree Press, 2001.

Cambridge: South End Press, 2008, стр. 201). Там же есть истории Джона Буна и других упомянутых здесь чиновников.

4. Graham Kemp and Douglas P. Fry (eds.) «Keeping the Peace: Conflict Resolution and Peaceful Societies around the World», New York: Routledge, 2004.
5. Michel Foucault «Discipline and Punish: the Birth of the Prison», New York: Pantheon Books, 1977.

Революция

Чтобы покончить со всеми иерархиями подчинения, расчистить пространство для горизонтальной организации и свободного общества, люди должны справиться с государственными репрессивными органами, капиталистическими, патриархальными институтами, структурами расового превосходства. Мы должны создать самоорганизующиеся сообщества, не зависящие от каких-либо властей.

Как вообще организованные на принципах безвластия и координации люди могут победить государство?

Если анархисты верят в добровольное участие и децентрализованные организации, как вообще они могут оказаться достаточно сильными, чтобы свергнуть правительство, в распоряжении которого находится профессиональная армия? На самом деле, в ряде революций армии и правительства оказались разгромлены сильными анархическими и антиавторитарными движениями. Зачастую это случается во времена экономического кризиса, когда государству не хватает критически важных ресурсов, или же в периоды кризиса политического, когда власть теряет свою иллюзорную легитимность.

Советская революция 1917 г. не была первоначально тем авторитарным ужасом, которым стала после того, как Ленин и Троцкий «угнали» её у народа. Это было многообразное восстание против царя и капитализма. В нём участвовали такие разные силы, как эсеры, демократы, синдикалисты, анархисты, большевики. Сами советы были спонтанными непартийными рабочими органами, организованными на антиавторитарных принципах. Большевики захватили контроль над революцией и, в конечном счёте, задушили её, разыграв эффектную политическую партию, в которую входила кооптация или саботаж деятельности советов, захват военного руководства, манипуляция и предательство союзников, переговоры с силами империализма. Большевики успешно заняли пустующие кресла свергнутых правителей, а их союзники совершили фатальную ошибку, поверив в большевистскую революционную риторику.

Одним из первых решений большевистского правительства было подписание предательского мира с Германской и Австрийской империями. Чтобы выйти из Первой Мировой войны и освободить армию для боевых действий внутри страны, ленинисты откупились от империалистов колоссальными денежными суммами, стратегическими ресурсами, отдали им Украину, не спросив мнения самих украинцев. Крестьяне южной Украины восстали. За всю историю советской революции именно в этих местах анархизм оказался наиболее силён. Бунтовщики называли себя Революционной Повстанческой Армией (РПА). Часто их называли просто мах-

новцами, по имени Нестора Ивановича Махно, их наиболее влиятельного военного стратега и опытного организатора-анархиста. Махно был освобождён из тюрьмы вскоре после февральской революции 1917 г., после чего вернулся в родной город для организации анархистской милиции и борьбы с германскими и австрийскими оккупационными войсками.

По мере роста численности повстанческой анархической армии она развилась в более формальную структуру, чтобы осуществлять стратегическую координацию на нескольких фронтах. Вместе с тем, по своей сути она продолжала оставаться добровольным милицейским формированием, основанным на крестьянской поддержке. Основные направления политики и стратегии принимались в результате общих собраний крестьян и рабочих. Гибкая совместная структура и сильная поддержка со стороны крестьянства скорее помогли, чем воспрепятствовали освобождению области размером порядка 450 на 750 км с общим населением в 7 миллионов человек. В сердце этой области находился город Гуляйполе. Временами пограничные с анархическим районом города (Александровск, Екатеринослав — ныне Запорожье и Днепропетровск, — а также Мелитополь, Мариуполь и Бердянск) освобождались от государственного контроля, но по мере того, как гражданская война разгоралась, контроль над ними переходил из рук в руки. Более последовательно анархическую самоорганизацию в эти бурные годы удавалось реализовывать в сельской местности. В Гуляйполе анархисты организовали три средние школы и передали экспроприированные из банков деньги в распоряжение сиротских приютов. Уровень образованности среди крестьян в этой местности стал расти.

Помимо борьбы с германскими и австрийскими силами, анархисты сражались также и с националистами, пытавшимися подчинить обрётшую независимость страну доморощенному национальному правительству. Анархисты удерживали южный фронт перед лицом белогвардейцев (армии аристократов, сторонников капитализма, вооружённых и финансируемых Францией и Америкой). Предположительные союзники анархистов в этой войне — большевики — не предоставили повстанческой армии оружия и боеприпасов. Вместо этого они развернули в тылу махновских частей репрессии, чтобы остановить распространение анархических идей. В конце концов, белогвардейцы прорвали голодный и безоружный южный фронт и отвоевали Гуляйполе. Махно отступил на запад, оттянув на себя существенную часть белых. Остальные части белогвардейцев отбросили Красную Армию и начали планомерное наступление на Москву. В битве при Перегоновке (западная Украина) анархисты уничтожили белые части, брошенные за ними в погоню. Несмотря на то, что на стороне противника было численное преимущество, а также превосходство по количеству вооружения, анархисты победили благодаря эффективному исполнению серии блестящих манёвров, разработанных Махно. При этом сам Нестор Иванович никаким военным образованием и опытом похвастать не мог. Добровольческая анархистская армия бросилась назад к Гуляйполю, освободив по пути от белых сельскую местность и несколько крупных городов. Внезапное изменение ситуации в тылу белых лишило их линий снабжения как раз в тот момент, когда их части почти достигли Москвы. Белые были вынуждены отступить. Это спасло русскую революцию.

Ещё на один год в окрестностях Гуляйполя расцвело анархическое общество. Несмотря на все попытки Ленина и Троцкого репрессировать анархистов, как они

это уже осуществили повсеместно в России и во всей остальной Украине, когда очередное вторжение белых (на этот раз под руководством Врангеля) стало угрожать революции, махновцы снова согласились объединиться с большевиками в борьбе против империалистов, несмотря на недавнее предательство. Анархический контингент взялся за выполнение самоубийственной задачи по захвату оружейных позиций на Перекопском перешейке в Крыму. Они справились с задачей, развили наступление и захватили стратегически важный город Симферополь, в очередной раз сыграв решающую роль в разгроме белых. После победы большевики окружили и перебили большую часть анархистских частей. Затем оккупировали Гуляйполе и казнили многих влиятельных анархистов-организаторов и захваченных в плен бойцов. Махно и нескольким его сподвижникам удалось бежать и объявить огромной Красной Армии партизанскую войну, длившуюся многие месяцы. В ходе этой войны на сторону анархистов переходили существенные силы красных. Но, в конце концов, уцелевшие анархисты решили бежать на Запад. Некоторые из украинских крестьян сохранили свои анархические взгляды и подняли анархические знамёна в борьбе с нацистскими и сталинистскими оккупантами во время Второй Мировой войны. И даже сегодня чёрно-красный флаг является символом украинской независимости, хотя мало кто из украинцев и украинок знает о его происхождении.

Махновцам южной Украины удалось сохранить анархический характер своей жизни и борьбы в крайне тяжёлых условиях: постоянные боевые действия, предательство и репрессии со стороны предполагаемых союзников, смертельно-опасное давление, которое требовало от них готовности в любой момент защищать себя, прибегая к организованному насилию. В этих обстоятельствах они продолжали бороться за свободу, даже когда это не соответствовало военным требованиям момента. Они старались помешать еврейским погромам, в то время как украинские националисты и большевики раздували огонь антисемитизма, чтобы выставить евреев виновными в проблемах, националистами и большевиками же порождёнными. Махно лично убил влиятельного атамана Григорьева — потенциального союзника, когда узнал, что тот приказал устроить погромы, в то самое время, когда анархисты отчаянно нуждались в союзниках¹.

«В октябре и ноябре (1919 г. — прим. авт.) Махно на несколько недель занял Екатеринослав и Александровск, что дало ему возможность впервые применить принципы анархизма к городской жизни. После входа в большой город Махно первым делом (после открытия городских тюрем) постарался устранить впечатление, что он явился лишь для того, чтобы ввести новую политическую власть. Повсюду были расклеены объявления, сообщавшие горожанам, что отныне они вольны организовывать свою жизнь так, как считают нужным, что повстанческая армия не собирается „диктовать

---

¹ Некоторые мейнстримовые источники до сих пор утверждают, что махновцы несут ответственность за антисемитские погромы в Украине. В книге «Нестор Махно — казак свободы» Александр Скирда высказывает предположение, что источником этого утверждения является антимахновская пропаганда. Он приводит цитату одного из враждебных анархистам источников того времени, в которой признаётся, что махновские части были единственными, кто отказывался участвовать в погромах. Он также приводит пример махновских пропагандистских материалов, где антисемитизм критикуется как инструмент аристократии, упоминает, что в составе махновцев сражались еврейские части, а в акциях против погромщиков принимал личное участие сам Нестор Иванович.

им или приказывать“, что делать. Были объявлены свобода речи, печати и собраний, и в Екатеринославе едва ли не за ночь появилось с полдюжины газет, представлявших широкий спектр политических мнений. Тем не менее, всемерно поддерживая свободу высказываний, Махно решительно не одобрял те политические организации, которые пытались командовать людьми. Поэтому он и распустил „революционные комитеты“ (ревкомы) большевиков в Екатеринославе и Александровске, посоветовав их членам „заняться каким-нибудь честным трудом“»².

Махновцы предпочитали защищать регион, предоставив социально-экономическое устройство отдельным городам и поселениям; эта позиция «невмешательства» подкреплялась акцентом на прямой демократии внутри движения. Каждое отделение избирало своего командира, который мог быть смещён по решению той же самой группы солдат; им не отдавали честь, материальных привилегий у них не было, отсиживаться во время атаки в тылу они не имели права.

Ярким контрастом предстают офицеры Красной Армии, назначавшиеся «сверху», получавшие значительные привилегии и зарплату на уровне царской армии. Фактически большевики переняли структуру и кадровый состав царской армии после октябрьской революции. Они оставили большую часть офицеров, но переименовали армию в «народную», добавив политических комиссаров, ответственных за выявление и уничтожение «контрреволюционных элементов» в рядах армии. Также большевики взяли на вооружение имперскую практику размещать солдат, набранных в определённой области, в другой части страны, то есть в таких регионах, где языковой и культурный барьеры помешали бы им занять сторону простого народа (который они были призваны репрессировать) или же дезертировать.

Да, в Революционной Повстанческой Армии была строгая дисциплина, подозреваемых в шпионаже и тех, кто эксплуатировал крестьян ради собственной выгоды (например, мошенников и насильников), расстреливали. Повстанцы во многом обладали такой же властью над мирным населением, как и любая другая армия. С учётом многих возможностей злоупотребить этой властью, наверняка, некоторые из них так и поступали. Тем не менее, их отношение к крестьянам было уникальным по сравнению с остальными вооружёнными силами. Махновцы не могли существовать без народной поддержки, и крестьянство обеспечивало их лошадьми, едой, медицинской помощью, убежищем и разведанными во время затяжной партизанской войны с Красной Армией. По сути, большинство анархистов в частях Махно были выходцами из крестьянства.

Ещё одним спорным моментом является то, насколько демократичными на самом деле были организации махновцев. Некоторые историки утверждают, что сам Махно владел большой степенью контроля над «свободными советами» — непартийными собраниями, где рабочие и крестьяне принимали решения и организовывали взаимодействие. Даже симпатизирующие анархистам историки пересказывают анекдоты о Махно, угрожающем делегатам за их якобы контрреволюционное поведение на собраниях. Однако нужно также учитывать многочисленные случаи, когда Махно отказывался от занятия официальных должностей, помнить, что он покинул Ревво-

---

² Пол Эврич «Русские анархисты. 1905-1917» / Пер. с англ. И.Е. Полоцка. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 272 с. – (Россия в переломный момент истории).

енсовет — орган, принимавший решения о деятельности народного ополчения, — в попытке спасти анархическое движение от репрессий большевиков³.

Одним из пунктов большевистской критики махновцев было то, что махновский Реввоенсовет — орган, больше всего походивший на авторитарную организацию, — на самом деле не обладал никакой реальной властью: на практике этот совет мог только вырабатывать рекомендации, в то время как отдельные группы рабочих и крестьянские сообщества сохраняли свою автономию. Вот слова советского историка Кубанина:

«Во главе всей армии, как и в Красной армии, стоял Реввоенсовет, но избранный общим собранием комсостава и повстанцев (...). Всё командование, включая и того, чьим именем называлось всё движение, не руководило, в подлинном смысле, движением, а лишь оформляло стремление массы, являясь её идеологическим и техническим агентом».

Другой советский историк, Ефимов, писал, что ни одно решение не принималось по воле какой-либо личности, все военные вопросы обсуждались на собраниях⁴.

Недовооружённые добровольные анархические ополчения успешно разбили численно превосходящие и превосходно экипированные армии кайзеровской Германии, Австрийской империи, украинских националистов, белогвардейцев. Только усилия профессиональной армии, на которую работала промышленность величайших индустриальных держав мира, и своевременное предательство союзников смогли положить конец замыслам анархистов. Если бы они знали то, что знаем теперь мы (что авторитарные революционеры могут быть не меньшими тиранами, чем капиталистические правительства), если бы анархисты Москвы и Петербурга смогли помешать большевикам похитить Русскую Революцию, всё могло бы сложиться совсем иначе.

Даже более впечатляющей, чем пример махновцев, является победа, которую одержали несколько племён индейцев в 1868 г. В течение двухлетней войны тысячи воинов племён Лакота⁵ и Шайенны⁶ разгромили армию США и разрушили несколько армейских фортов — позже это стало известно под названием «война Красного

---

³ Махно надеялся, что Лениным и Троцким движет личная вендетта по отношению к нему самому, а не желание уничтожить свободные советы. Нестор Иванович полагал, что они прекратят свои репрессии в случае, если он добровольно покинет руководящие посты в движении.

⁴ Александр Скирда «Нестор Махно, Казак свободы (1888-1934): Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине, 1917-1921», Париж: Громада, 2001.

⁵ Лакота — индейский народ в США, аборигены Америки. Представляет собой конфедерацию из семи племён: оглала, брюле (сичангу), миннеконжу, хункпапа, сихасапа, итазипчо (санзарк), оохонунпа. Говорят на языке лакота. 20 декабря 2007 года группа лакотских активистов проинформировала госдепартамент США, что их племя в одностороннем порядке приостанавливает действие договоров, подписанных с федеральным правительством, и провозглашает независимость Республики Лакота. Они планируют выпустить собственные паспорта и водительские права. В качестве причин своего решения активисты приводят негативный эффект, оказанный вхождением в США на их племя, а также то, что условия, созданные для них правительством США привели, в частности, к высокому проценту самоубийств среди молодёжи и низкой продолжительности жизни. — прим. пер.

⁶ Шайенны, чейенны (англ. Cheyenne) — индейский народ в США. С 1860 по 1878 год шайенны принимали активное участие в войнах с американцами. И белые, и индейские современники считали шайеннов одними из самых яростных и храбрых бойцов. Первый договор с правительством США шайенны подписали в 1825 году. — прим. пер.

Облака»⁷. В 1866 г. представители Лакота встречались с правительством США в Форт-Ларами. «Белые» хотели получить разрешение обустроить фортами дорогу через долину реки Паудер, чтобы облегчить приток белых поселенцев-золотоискателей. Американские военные уже разбили племя Арапахо⁸ в погоне за своей мечтой заселить край белыми. Но добиться военной победы над Лакота не удавалось. Во время переговоров стало понятно, что власти США уже начали строить военные форты вдоль дороги ещё до того, как начались переговоры. Военный вождь Оглала Лакота, Красное Облако, поклялся бороться с любыми попытками белых захватить эти земли. Тем не менее, летом 1866 г. военные США инициировали отправку войск в регион и строительство ещё большего числа фортов. Воины племён Лакота, Шайенн и Арапахо по совету Красного Облака начали кампанию партизанского сопротивления, по сути, блокировав сообщение по «пути Бозмана»⁹ и постоянно атакуя расположенные в фортах части. Военные выпустили приказ об агрессивной зимней кампании, и 21 декабря, когда караван с древесиной в очередной раз подвергся нападению, отряд из примерно сотни солдат США отважился на преследование. Они наткнулись на ловушку в виде группы индейцев с участием воина Оглалы Неистовый Конь¹⁰ и попались. Отряд был полностью перебит сидящими в засаде индейцами численностью от 1 до 3 тысяч. Командир «белых» был зарезан ножом в рукопашной схватке. В живых лакота оставили только молодого мальчика-горниста, который сражался за свою жизнь, отбиваясь горном, — как символ чести. Такого рода поступками индейские воины показывали белым возможность намного более уважительной формы войны. Белые солдаты и поселенцы имели обыкновение вырезать плод из беременных индейских женщин, а отрезанные у безоружных индейцев гениталии использовать в качестве табачных кисетов.

Летом 1867 г. отряды американской армии, вооружённые новыми самозарядными винтовками, смогли в двух боях серьёзно потрепать лакота, но им не удалось довести до конца свою победу и перейти в наступление. В конечном счёте, они попросили мирных переговоров, на что Красное Облако ответил, что будет говорить с «белыми» только тогда, когда они уйдут из военных фортов. Правительство США согласилось и в результате мирных переговоров признало права лакота на горы Блэк-Хилс и долину реки Паудер — права на огромный регион, ныне занимаемый штатами Северная Дакота, Южная Дакота и Монтана.

---

⁷ Красное Облако (Махпийа Лута) (1822 — 10 декабря 1909) — выдающийся вождь и дипломат оглала-сиу, который в результате так называемой «войны Красного Облака» (1866 — 1868) сумел добиться вывода американских войск из долины реки Паудер в юго-восточной части Монтаны и на севере Вайоминга и подписания наиболее приемлемого для индейцев договора. — прим. пер.

⁸ Арапахо — индейский народ. Живёт в США, в штатах Вайоминг, Оклахома. — прим. пер.

⁹ В начале 60-х годов XIX века некий Джон Бозман нашёл новый путь на золотые прииски Монтаны, лежащие через земли сиу, по которому двинулись караваны переселенцев и золотоискателей, который и получил название «пути Бозмана». — прим. пер.

¹⁰ Неистовый Конь, или Бешеный Конь — военный вождь племени оглала, входившего в союз семи племён лакота. Принадлежал к группе непримиримых индейцев, боролся против федерального правительства США, отказывался подписывать какие-либо договоры с правительством США. Остановил продвижение генерала Крука летом 1876 года, разбил кавалерию генерала Кастера в долине Литтл-Бигхорн. В 1877 году капитулировал. Когда по лагерю, где он находился, поползли слухи о его желании вновь вернуться на тропу войны, Неистовый Конь был убит агентом федеральных властей ударом штыка в спину. — прим. пер.

Во время войны лакота и шайенны организовывались без малейшего принуждения или воинской дисциплины. Вопреки типичным предрассудкам, относительная нехватка иерархии не повлияла на их возможность к организации. Напротив, они сражались плечом к плечу, как единое целое, на протяжении жестокой войны, — и в основу их организации были положены принципы коллективизма, самодисциплины и различные формы низовой организации. В армиях западного типа наиболее важным родом войск является военная полиция, или политкомиссары, которые прогуливаются в тылу с заряженными пистолетами, чтобы пристрелить любого, кто вздумает бежать. Лакота и шайеннам не было нужды в дисциплине, навязанной сверху. Они сражались за родную землю и жизненный уклад, сражались в группах, связанных родством и взаимными симпатиями.

Некоторые боевые группы имели иерархичную структуру, другие действовали на более коллективных принципах, но все они добровольно объединялись вокруг высокодуховных личностей с наибольшими организаторскими способностями, духовной силой и опытом боевых действий. Эти военачальники не столько контролировали тех, кто шёл за ними, сколько вдохновляли их. Когда боевой дух падал или бой казался безнадежно проигранным, некоторые группы воинов решали отправиться по домам. Им никогда не препятствовали. Если вождь объявлял войну, он, безусловно, должен был на неё отправиться, но никто другой не был связан подобным обязательством, поэтому лидер, который не смог убедить других последовать за ним, ввязывался в сомнительное и самоубийственное предприятие. Очевиден контраст по сравнению с политиками и генералами западного общества, которые столь склонны развязывать непопулярные в народе войны, вся тяжесть которых ложится на кого угодно, но не на виновников войны.

Сообщества воинов играли важную роль в организации индейцев накануне войны, но не меньшую роль играли сообщества женщин. Они выполняли функции сродни функциям начальника снабжения в армиях западного типа: обеспечивали армию провиантом и необходимыми материалами. Вот только начальник снабжения всегда был винтиком в военной машине, подчинявшимся приказам, тогда как женщины лакота и шайенн могли отказаться сотрудничать, если причины для войны им были не по душе. С учётом того, что одним из самых важных вкладов Наполеона в европейскую военную науку стало замечание: «Армия двигается вперёд за счёт желудка», — становится очевидным, что женщины лакота и шайенн обладали много большей властью над своими жизнями и жизнями своих племён, чем нас пытаются убедить исторические заметки, составленные белыми (и не только) мужчинами. Более того, в индейских обществах женщина, решившая сражаться на войне бок о бок с мужчинами, не встречала на своём пути никаких препятствий.

Несмотря на подавляющее численное превосходство армии США и милиции белых поселенцев, коренные американцы одержали победу. После «войны Красного Облака» лакота и шайенны могли наслаждаться примерно десятилетним затишьем, автономией и миром. Вопреки тезисам пацифистов о заразительном характере радикального сопротивления, победители не принялись угнетать друг друга или «порождать неконтролируемые циклы насилия» просто потому, что использовали силу для изгнания белых поселенцев. Они отвоевали себе несколько лет свободы и мира.

В 1876 г. армия США снова вторглась на территорию лакота в попытке заставить племя переселиться в резервации, которые планомерно превращались в концентрационные лагеря в рамках кампании геноцида, направленного против коренных народов Америки. В операции участвовало несколько тысяч солдат. На первоначальном этапе операции армия потерпела ряд поражений, самым известным из которых стала «битва у ручья сочной травы», также известная как «битва при Литтл-Биг-Хорне». Около 1 000 воинов лакота и шайенн, защищаясь от нападения, перебили кавалерийскую часть под командованием Джорджа А. Кастера, убив при этом несколько сотен солдат. Сам Кастер незадолго до этого вторгся на земли лакота и распространял слухи о будто бы имеющемся там золоте, чтобы спровоцировать белых поселенцев на захват индейских земель. Помимо того, что поселенцы сами по себе являлись вооружённым военным формированием, несущим прямую ответственность за ряд самозахватов индейской земли и убийства, присутствие на территориях белых поселенцев всегда было прекрасным предлогом для геноцида против коренного населения. Военачальники и политики руководствовались такой логикой, что эти «бедные беззащитные пастухи и землепашцы», занятые вторжением в чужие края, должны быть под защитой от «этих бесчинствующих индейцев». В конечном счёте, правительство США одержало победу над лакота, атаковало их деревни, вторглось на их охотничьи земли, установило мощный репрессивный аппарат, который контролировал жизнь индейцев в резервациях. Одним из последних, кто сдался, был воин оглала по имени Неистовый Конь, бывший одним из самых эффективных военачальников в борьбе с армией США. После того, как его группа согласилась подчиниться требованиям военных и переселиться в резервацию, Неистовый Конь был арестован и убит.

Окончательное поражение индейцев вовсе не указывает на некую структурную слабость, присущую горизонтальной организации лакота и шайеннов. Причины поражения заключаются в том, что белое население Америки, которое в этот период активно пыталось уничтожить индейцев, численно превосходило племена Лакота и Шайен в пропорции 1 000:1. Белые имели возможность распространять болезни и наркотики на индейских территориях, при этом уничтожая источники продовольствия.

Сопrotивление лакота никогда не прекращалось, и, в конечном счёте, возможно, они и победили в своей войне. В декабре 2007 г. лакота снова заявили о своей независимости, проинформировав федеральное правительство США, что они в одностороннем порядке отказываются от всех подписанных ранее договоров, которые к этому времени были многократно нарушены администрацией колонистов. Это решение объявлялось необходимой мерой «в условиях колониального апартеида»¹¹.

Сопrotивление коренного населения власти государства часто принимает наименее компромиссные формы. Современные движения индейского сопротивления создали значительную часть тех немногих зон в Северной Америке, которые пользуются физической и культурной автономией и успешно защищают себя в ходе периодических конфронтаций с государством. Обычно подобные движения не опре-

---

¹¹ Amy Goodman «Lakota Indians Declare Sovereignty from US Government», Democracy Now!, December 26, 2007.

деляют себя как «анархические», и, возможно, как раз по этой причине анархистам стоит поучиться у подобных движений. Но если только такое обучение не мыслится как очередной акт по приобретению материальных благ, как акт накопления, то оно должно происходить одновременно с формированием горизонтальных отношений взаимной ответственности и взаимной полезности. Другими словами, солидарности.

Племя Могавк долгие годы боролось против колонизации, и в 1990 г. они одержали серьёзную победу над силами поселенческого государства. На территориях Канехсатейк, возле Монреаля, «белые» из города Ока¹² собрались расширить свои поля для гольфа за счёт леса, в котором располагалось кладбище могоавков. Это послужило искрой, из которой разгорелось пламя протестов коренного населения. Весной 1990 г. могоавки разбили лагерь в районе строительства и заблокировали дорогу. 11 июля 1990 г. полиция Квебека напала на поселение, используя слезоточивый газ и автоматы, но оказалось, что могоавки тоже вооружены и успели окопаться. Один коп был застрелен, остальные разбежались. Брошенные в панике полицейские машины использовались для строительства новых баррикад. В это же время воины могоавк заблокировали мост Мерсье в районе Канаваки, перекрыв сообщение с Монреалем. Полиция осадила поселения могоавков, но это привело лишь к тому, что в окрестностях появилось ещё больше индейских воинов, которые принялись контрабандой провозить продовольствие и медикаменты в индейские поселения. Повстанцы организовали доступ к пище, медикаментам и услугам связи. Блокада поселений продолжалась. В окрестных городах сформировались шайки белых расистов, которые организовали массовые беспорядки и требовали от полиции прибегнуть к крайним формам насилия, чтобы открыть движение по мосту и восстановить сообщение между городами. Позже, в августе того же года, эти банды совершили нападение на группу могоавков на виду у безучастных белых полицейских.

20 августа индейцы всё ещё не были сломлены, и канадские военные переняли эстафету у полиции. 4 500 солдат при поддержке танков, БТРов, вертолётов, реактивной авиации, артиллерии и кораблей начали военные действия. 18 сентября канадские солдаты напали на остров Текаквита с применением слезоточивого газа и огнестрельного оружия. Могоавки нанесли ответный удар. Солдат пришлось эвакуировать вертолётом. По всей Канаде индейские племена выступили с акциями солидарности с могоавками. Захватывались дома, блокировались железные дороги и шоссе, происходили акции саботажа. Неизвестные сожгли железнодорожные мосты в Британской Колумбии и Альберте, срезали пять гидроэлектробашен в Онтарио. 26 сентября остававшиеся в осаде могоавки объявили о своей победе и вышли из укрытий, предварительно уничтожив своё оружие. Поле для гольфа так и не было никогда расширено, а с большей части арестованных сняты все обвинения в незаконном ношении оружия и участии в массовых беспорядках. «Ока стала тем местом, где индейцы с новой силой почувствовали воинский дух предков и укрепились в намерении сопротивляться»¹³.

В конце 1990-х гг. Всемирный Банк пригрозил отказом пролонгировать крупный займ, от которого сильно зависело Боливийское правительство, если оно не согла-

---

¹² Канадский городок на северном берегу р. Оттава, на северо-западе от Монреаля — прим. пер.

¹³ Из анонимного иллюстрированного памфлета «Кризис Ока» («The „Oka Crisis“»).

сится приватизировать все водные ресурсы в городе Кочабамба¹⁴. Правительство согласилось с условиями и подписало контракт с консорциумом, возглавлявшимся корпорациями из Англии, Италии, Испании, США и Боливии. Водный консорциум, не имеющий ни малейшего представления о местных условиях, немедленно поднял цены на воду, вынудив многие семьи отдавать пятую часть своих месячных доходов только за право пользоваться водой. Помимо этого была навязана суровая политика отключения от водоснабжения любого дома, который вовремя не платил по счетам. В январе 2000 г. вспыхнули крупные протесты против приватизации воды. Собравшиеся в городе толпы протестующих в основном состояли из коренных крестьян. К ним быстро присоединились уволенные рабочие, сотрудники потогонных мастерских, уличные торговцы, бездомная молодёжь, студенты и анархисты. Протестующие захватили центральную площадь и забаррикадировали основные дороги города. Они устроили всеобщую забастовку, которая парализовала жизнь города на 4 дня. 4 февраля главный марш протеста был атакован полицией и солдатами. 200 демонстрантов было арестовано. В столкновениях пострадали 70 человек и 51 полицейский.

В апреле народ снова захватил центральную площадь Кочабамбы, а когда правительство принялось за аресты организаторов, протесты распространились на города Ла-Пас, Оруро и Потоси, а также на многие сельские области. Большая часть основных шоссе в стране оказались заблокированы. 8 апреля боливийский президент объявил 90-дневное военное положение. Военное положение запрещало собрания более чем 4-х человек, ограничивало политическую деятельность, позволяло полиции совершать самовольные аресты, вводило комендантский час, устанавливало военную цензуру на радиостанциях. Эпизодически полицейские присоединялись к демонстрантам, требуя повышения зарплаты, и даже принимали участие в некоторых бунтах. Но как только правительство повысило им зарплату, они вернулись к работе и возобновили привычные практики избивания протестующих и арестов бывших товарищей по борьбе. По всей стране народ восстал против полиции и военных с камнями и коктейлями молотова. Число убитых и раненых росло. 9 апреля солдаты, пытавшиеся разобрать баррикаду на шоссе, столкнулись с сопротивлением и открыли огонь, убив двоих и ранив ещё нескольких протестующих. Свидетели происшествия напали на солдат, захватили оружие и открыли огонь. Позже они ворвались в госпиталь, взяли в плен военного капитана, которого ранили в перестрелке, и линчевали.

Перед лицом всё возрастающего насилия со стороны протестующих, несмотря на (а, скорее, благодаря) многочисленные убийства и жестокие репрессии со стороны армии и полиции, государство было вынуждено расторгнуть контракт с водным консорциумом и 11 апреля отменило действие закона, который позволял приватизацию водных ресурсов в Кочабамбе. Управление водоснабжением было передано координационному комитету местных жителей, сформированному в сердце протестного движения. Некоторые из участников описанных событий позже отправились в Ва-

---

¹⁴ Один из крупнейших городов Боливии, столица одноимённого департамента Кочабамба; в переводе с языка кечуа означает «болотистая местность» — прим. пер.

шингтон чтобы принять участие в антиглобалистских протестах и демонстрациях, ставивших своей целью закрытие ежегодного саммита Всемирного Банка¹⁵.

Жалобы протестующих выплеснулись далеко за рамки возражений против приватизации водоснабжения в отдельно взятом городе. Сопrotивление приняло общую форму социального восстания, включавшего социалистическую теорию отказа от неолиберализма, анархический отказ от капитализма, фермерский отказ от долговых обязательств, требования бедняков снизить цены на топливо и отказаться от мультинациональных прав собственности на боливийский газ, требования коренных народов на суверенитет. Схожее по характеру ожесточённое сопротивление последующих лет в нескольких случаях смогло победить политическую элиту Боливии. Фермеры и анархисты, вооружённые динамитом, захватили банки с требованием списать крестьянские долги. Под мощным народным давлением правительство национализировало газодобывающую промышленность, а сильный профсоюз фермеров-коренных жителей смог одержать победу над пролоббированной США программой уничтожения коки. Лидер фермеров, выращивающих коку, Эво Моралес, был даже избран президентом страны. Так главой государства впервые стал индеец. По этой причине Боливия переживает сейчас политический кризис, который правительство не способно разрешить. Представители традиционной элиты, проживающей в белых — восточных — частях страны, отказываются подчиняться прогрессивной политике правительства Моралеса. В сельской местности сообщества коренных американцев использовали более прямые методы обеспечения собственной автономности. Они продолжили практики блокады шоссеиных дорог, ежедневными актами саботировали попытки правительства взять их деревни под контроль. Не менее чем в дюжине случаев, когда какой-нибудь мэр или другой правительственный чиновник оказывался слишком надоедливым и вёл себя оскорбительно, его линчевали.

Децентрализованное сопротивление может победить правительство в вооружённом противостоянии и может оказаться разбитым правительственными силами. В 1997 г. коррупция власти и экономический коллапс вызвали массовые восстания по всей Албании. За несколько месяцев народ вооружился и изгнал правительство и сотрудников тайной полиции из страны. Нового правительства или руководящей партии никто не назначал. Вместо этого государство было изгнано, чтобы обеспечить пространство для автономных зон, где люди сами могли бы решать, как им жить. Восстание распространялось спорадически, без центрального руководства и даже без координации. Люди по всей стране определяли государство как своего главного врага и атаковали его. Из тюрем освобождали заключённых, полицейские участки и правительственные здания сжигали дотла. Люди искали способ решать проблемы на локальном уровне, в рамках сложившихся социальных сетей. К сожалению, восстанию не хватало сознательного анархического или антиавторитарного движения. Интуитивно, но не явно, отказавшись от политических решений, люди оказались без анализа, который помог бы им взглянуть на всякую политическую партию как на врага по самой своей сути. В итоге оппозиционная социалистическая партия установила власть над страной, хотя для окончательного умиротворения населения потребовалась оккупация силами тысяч солдат ЕС.

---

¹⁵ Oscar Olivera «Cochabamba! Water War in Bolivia», Cambridge: South End Press, 2004.

Даже в наиболее богатых странах планеты анархисты и другие бунтовщики могут разгромить государство на ограниченной территории, расчистив пространство для автономной зоны, в которой могут процветать новые социальные отношения. В 1980-1981 годах консервативная партия ФРГ (христианско-демократическая) потеряла власть в Берлине после неудачной попытки силой подавить сквоттерское движение¹⁶. Сквоттеры захватывали дома в борьбе против джентрификации и разрушительной политики городских властей, либо просто из желания обеспечить себя бесплатным жильём. Многие сквоттеры, известные как «автономы», идентифицировали себя с антикапиталистическим антиавторитарным движением, которое было склонно относиться к сквотам, как к пузырькам свободы, в которых могут прорасти семена нового общества. Район Берлина под названием Кройцберг оказался местом наиболее ожесточённых боёв. В некоторых его частях население состояло из автономов и мигрантов — в каком-то смысле уже автономная зона сама по себе. Город положился на полицейскую мощь, чтобы выселить сквоты и «переломить хребет» движению. Но автономы приняли вызов. Они защищали свои районы баррикадами, камнями, коктейлями молотова, оказались более манёвренными и гибкими в уличных столкновениях, чем полиция. Они контратаковали, сея хаос и разрушения в финансовых и коммерческих кварталах города. Правящая партия ушла под свист недовольных, а её место заняли социалисты. Поскольку силовые методы очевидно не сработали, социалисты попытались использовать стратегию легализации в попытке подорвать автономность движения. В это же время автономы Кройцберга приняли меры для защиты своего района от продавцов наркотиков, инициировав кампанию «Кулаки против иголок». Они также боролись с наползающей джентрификацией, громя буржуйские рестораны и бары.

В 1986 г. и 1987 г. в Гамбурге автономам удалось задержать полицию на баррикадах, когда была предпринята попытка выселения сквотов на Хафенштрассе. После поражений в нескольких серьёзных уличных стычках и потерь в результате контратак автономов (координированные поджоги тринадцати крупных универмагов города с ущербом более чем на 10 миллионов долларов США), мэр был вынужден легализовать сквоты, которые существуют и поныне, до сей поры продолжая оставаться центрами культурного и политического сопротивления.

В Копенгагене, Дания, молодёжное движение автономов перешло в наступление в 1986 г. В период радикальных акций сквотирования, актов саботажа против заправок станций корпорации Shell Oil и прочих эпизодов антиимпериалистической борьбы несколько сотен людей внезапно перенаправили марш протеста и оккупировали Рейсгад, улицу в районе Остербро. Они построили баррикады, заручились поддержкой местных жителей и снабжали продовольствием пожилых жителей квартала. В течение 9 дней автономы удерживали улицы, нанеся поражения полиции в нескольких крупных сражениях. Свободные радиостанции по всей Дании помогали мобилизовать сторонников бунтов, обеспечить автономов едой и ресурсами. Наконец, правительство объявило о намерении бросить на баррикады войска. Молодёжь,

---

¹⁶ Сквотирование, или сквоттинг (англ. Squatting) — акт самовольного заселения покинутого или незанятого места или здания лицами (сквоттерами), не являющимися его юридическими собственниками или арендаторами, а также не имеющими иных разрешений на его использование. — прим. пер.

контролировавшая баррикады, объявила о пресс-конференции, но в назначенное утро баррикады оказались безлюдными. Городские переговорщики недоумевали:

«Куда отправились оккупационные бригады? Какие уроки вынесла для себя мэрия? Похоже, что всё это может повториться снова в любом месте, в любое время. В большем масштабе. С теми же действующими лицами»¹⁷.

В 2002 г. в Барселоне полицией была предпринята попытка выселить Can Masdeu, большой засквотированный социальный центр, расположенный на горном склоне за чертой города. Can Masdeu имел тесные связи со сквоттерским движением, движением за охрану окружающей среды и местными группами сопротивления. Склон был покрыт садами, за многими из которых ухаживали пожилые местные жители, прекрасно помнившие времена борьбы против диктатуры Франко. Они понимали, что борьба продолжается по сей день, несмотря на демократические виньетки тут и там. Соответственно, сквот получал поддержку из самых разных слоёв общества. Когда в центр пришла полиция, его обитатели забаррикадировались внутри, перекрыв все входы в здание. В течение нескольких дней 11 человек висело в скалолазных подвесных системах снаружи здания, покачиваясь на высоте над обрывом, протестуя против предполагаемого сноса здания. Сторонники социального центра устремились на выручку и вступили в столкновения с полицией. Другие перешли к действиям в самом городе, перекрывая движение на улицах, атакуя банки, офисы домовладельцев и строительных компаний, McDonalds и прочие капиталистические объекты. Полиция попыталась уморить голодом вывесившихся скалолазов, затем перешла к тактикам психологических пыток, но, в конечном счёте, всё это потерпело неудачу. Движение сопротивления выиграло схватку, и эта автономная зона существует до сих пор, с действующими общественными садами и социальным центром.

6 декабря 2008 г. греческая полиция застрелила 15-летнего анархиста Алексиса Григоропулоса в самом сердце Экзархии, оплота анархии и автономии в центре Афин. В считанные минуты анархические аффинити-группы, поддерживающие связь по интернету и сотовым телефонам, перешли к действиям по всей стране. Сотни этих аффинити-групп взрастили за прошедшие годы отношения доверия и чувство локтя, способности проводить наступательные акции. Это оказалось возможным по мере их становления, организации и проведения мелкомасштабных нападений на государство и капитал. Этими акциями были простые граффити-атаки, экспроприации продуктов из супермаркетов в пользу бедных и неимущих, молоты, брошенные в полицию, полицейские машины и комиссариаты, подрывы офисов и автомобилей политических партий, институтов и корпораций, возглавлявших государственный террор против общественных движений, иммигрантов, рабочих, заключённых и прочих угнетённых слоёв общества. Продолжительность и непрерывность подобных атак обеспечила греческую жизнь фоном бескомпромиссного сопротивления государству. И когда греческое общество оказалось готово к новому броску к свободе, эпизоды анархического сопротивления с заднего плана переместились на передний край социальной борьбы.

Гнев в связи с убийством Алексиса помог группам анархистов скоординироваться для единой атаки, и по всей стране пронеслись нападения на полицейских ещё до

---

¹⁷ Катсификас Д. «Ниспровержение политики. Европейские автономные социальные движения и

того, как полицейские департаменты страны разобрались в ситуации. Ярость атак разрушила иллюзию общественного согласия, и в последующие дни сотни тысяч недовольных людей вышли на улицы, чтобы выплеснуть на систему накопившийся гнев. Иммигранты, студенты, учащиеся старших классов, рабочие, революционеры прошлых поколений, старики — всё греческое общество вышло на улицы и приняло участие в самых разнообразных акциях. Они боролись с ментами и одержали победу, завоевав для себя власть преобразовать собственные города. Дорогие бутики и правительственные здания были разгромлены и сожжены. Школы, радиостанции, театры, прочие культурные учреждения оккупированы. Скорбь обернулась праздником, когда люди принялись зажигать огни в память о сгоревшем старом свете, ушедшем в прошлое в первые минуты после убийства. Полиция ответила силой. Сотни протестующих получили ранения и были арестованы, а воздух заполнили клубы слезоточивого газа. Люди защищались, поджигая всё, что вызывало у них ненависть, что могло гореть и производить густые облака чёрного дыма, который нейтрализовывал слезоточивый газ.

В те дни, когда люди возвращались домой, быть может, чтобы вернуться к нормальности повседневной жизни, анархисты сохраняли темп и движущую силу бунтов, чтобы ни у кого не вызывало сомнений, что улицы принадлежат теперь народу, что новый мир оказался в пределах вытянутой руки. Среди многих граффити, появившихся в те дни на улицах, мне запомнилось обещание: «Мы — образ из будущего». Бунты продолжались две недели без перерыва. Полиция потеряла какие-либо надежды на контроль над ситуацией, у неё закончился слезоточивый газ. В конечном счёте, люди вернулись домой по причине физического истощения. Но они не остановились. Атаки продолжались, огромные пласты греческого общества стали организовывать собственные творческие акции. Социум преобразовался. Народным массам оказались отвратительны все символы капитализма и правительства. Государство потеряло легитимность, а СМИ оказались редуцированы до рефрена (явной лжи): «Эти бунтовщики не знают, чего хотят». Анархическое движение завоевало уважение по всей стране, воодушевило новое поколение революционеров. Бунты приутихли, но акции продолжились. На момент написания этой книги по всей Греции люди продолжали захватывать дома, организовывать социальные центры, протестовать, нападать, переоценивать стратегии, проводить огромные ассамблеи, чтобы определить дальнейшее направление борьбы.

Демократические государства до сих пор заигрывают с идеями о вводе войск, когда полицейские силы не могут сохранить порядок, и даже в самых «прогрессивных» странах это иногда случается. Но этот выбор открывает двери и достаточно опасным возможностям. Недовольные могут захватить оружие. Если борьба продолжит пользоваться народной поддержкой и набирать популярность, то всё большее число людей будет относиться к правительству как к оккупантам. В крайнем случае, возможен военный мятеж и дальнейшее распространение борьбы. В Греции солдаты распространили заявления, гласившие, что в случае, если армию бросят на подавление восстания, солдаты передадут народу оружие и откроют огонь по полиции. Военное вмешательство — неизбежный шаг со стороны власти при любой борьбе

деколонизация повседневности». Волгоград, 2002.

против государства. Но если общественные движения могут продемонстрировать отвагу и организационные возможности нанести поражение полиции, они могут справиться и с военными. Или же переманить их на свою сторону. Благодаря риторике демократических правительств, современные солдаты много хуже подготовлены в психологическом плане к подавлению мятежей на своей родине, чем за рубежом.

Из-за глобально интегрированной природы системы государства и прочие властные институты действуют по взаимному усилению и поддержке, поэтому до определённого момента они в очень сильной позиции по отношению к движению сопротивления. Но как только этот момент оказывается пройден, они обвально слабеют, стремительно приближаясь к коллапсу, беспрецедентному в человеческой истории. Политический кризис в Китае способен уничтожить экономику США, что в свою очередь запустит цепную реакцию как в домино. Мы пока что не достигли той точки, когда появляется шанс свергнуть глобальную систему власти, но представляется важным, что в определённых условиях государство оказывается неспособным сокрушить нас. И пузырьки автономных пространств продолжают существовать в самых разных уголках системы, заявляющей о своей мнимой универсальности и безальтернативности. Правительства свергаются каждый год. Но систему не победили по той причине, что победители в подобных политических схватках всегда оказывались кооптированы и возвращены в лоно глобального капитализма. Но если явно антиавторитарные движения смогут взять инициативу в глобальном движении сопротивления, это даст нам всем надежду на будущее.

Откуда нам знать, что вчерашние революционеры не станут завтрашними правителями?

Революционерам вовсе не обязательно становиться новыми диктаторами, особенно если их основная цель — отмена всякой власти, основанной на угнетении. Повсеместно революции XX века породили новые тоталитарные системы, но нельзя забывать, что эти революции либо изначально возглавлялись, либо были «похищены» у народа политическими партиями, ни одна из которых не отказывалась от авторитаризма. Напротив, многие из этих партий обещали воплотить в жизнь «диктатуру пролетариата» или националистическое правительство.

В конечном счёте, политические партии — по природе своей авторитарные организации. Даже в тех редких случаях, когда они могут легитимно опереться на лишённые власти и маргинализированные слои общества при создании демократических структур, — всё равно даже такие политические партии вынуждены вести переговоры с властью придержащими, чтобы укрепить собственный политический вес. И конечная цель любой подобной партии — получить контроль над структурой централизованной власти. Если политическая партия надеется прийти к власти через парламентские процедуры, ей придётся отложить в сторону все эгалитарные принципы и революционные цели, чтобы взаимодействовать с уже утвердившимися коцептами власти: выгодой капиталистов, имперскими войнами и тому подобным. Этот печальный процесс повторялся раз за разом различными социал-демократическими партиями по всему миру: от лейбористов Великобритании и до коммунистов Италии,

и совсем недавно партией зелёных в Германии и Рабочей партией в Бразилии. В тех же случаях, когда политические партии — такие как большевики, красные кхмеры или кубинские коммунисты — пытаются навязать перемены посредством вооружённого государственного переворота или гражданской войны, их авторитарный характер ещё более очевиден.

В то же время явно антиавторитарные революции дают нам примеры, когда революционеры уничтожали власть вместо того, чтобы брать её в свои руки. Ни одно из восстаний прошлого не было идеальным, но они давали людям надежду на будущее и бесценные уроки того, как можно добиться анархической революции. И хотя авторитаризм всегда будет угрожать любой социальной борьбе, авторитарный исход революции не предопределён.

В 2001 г., после многих лет дискриминации и жестокости, амазиг (берберы), обитающие в части Алжира с названием Кабилия, восстали против преимущественно арабского правительства. Искрой, из которой возгорелось пламя, послужило убийство жандармами местного юноши и последующий арест ряда студентов 18 апреля. Возникшее вслед за этим движение сопротивления явно продемонстрировало, что оно является чем-то большим, чем реакцией на полицейскую жестокость. С 21 апреля люди вступили в схватки с жандармами, принялись жечь полицейские участки, правительственные здания и офисы оппозиционных политических партий. Местные интеллектуалы и журналисты, а также французские леваки заметили, что правительства правительственных социальных служб также не пощадили. На основании этих наблюдений этими интеллигентами был сделан патерналистический вывод, что сбитые с истинного пути бунтовщики уничтожают собственные кварталы. Из лицемерия или по незнанию умалчивался тот факт, что социальные службы в низших кварталах играют ту же роль, что и полиция. Разница лишь в том, что социалка выполняет свою часть работы по «умиротворению» мягче.

Бунты переросли во всеобщее восстание, и народ Кабилии вскоре добился одного из своих главных требований: вывода частей жандармов из региона. Многие полицейские участки, которые не удалось спалить, были взяты в осаду, а их линии снабжения перерезаны — так что жандармам пришлось прибегать к вооружённым рейдам по окрестностям только для того, чтобы добыть провиант. В первые месяцы описываемых событий полиция убила более сотни протестующих, счёт раненых шёл на тысячи. Но повстанцы не отступили. Благодаря неистовству мятежников, а вовсе не по причине щедрости правительства, на 2006 г. Кабилия оставалась районом, свободным от полиции.

Скоро движение принялось организовываться в освобождённом регионе на основе местных антиавторитарных традиций. Сообщества вернулись к амазигской традиции аарч (мн. ч. — ааруч). Аарч — это самоорганизовавшаяся народная ассамблея. Антиавторитарная культура пустила глубокие корни в Кабилии: во времена французской колонизации в этом регионе случались частые бунты и не затухало ежедневное сопротивление правительственной администрации.

«Например, в 1948 г. деревенская ассамблея формально запретила какие-либо отношения с правительством, касающиеся внутренних дел сообщества: „Передача правительству какой-либо информации, будь то сведения о моральных качествах другого гражданина или о налогах, будет наказываться штрафом в размере 10 000

франков. Это самый высокий существующий штраф. Мэр и члены ополчения не являются исключениями“... И когда нынешнее движение принялось организовывать районные и сельские комитеты, один из делегатов (из аарч деревни Аит Дженнад) заявил (и по его словам видно, что, по крайней мере, память о традициях 1948 г. осталась): „В былые времена, когда тажмат брал на себя разрешение конфликта между людьми или наказывал вора, мошенника, необходимости обращаться в государственный суд не было. На самом деле это было постыдным“»¹⁸.

С 20 апреля 2001 года делегаты из 43 городов подпрефектуры Бени Дуала, Кабилия, совместными усилиями призывали к всеобщей забастовке. Во многих деревнях и районах народ организовывал ассамблеи. 10 мая делегаты различных ассамблей со всей Бени Дуала собрались, чтобы сформулировать свои требования и организовать движение. Пресса опубликовала лживое заявление якобы от лица организаторов о том, что собрание отменяется (и тем самым СМИ в очередной раз показали всем, на чьей они стороне). И всё же большое число делегатов собрались вместе. В основном это были люди из вилайета (района) Тизи-Узу. Они выгнали мэра, который пытался принять участие в собрании. «Здесь не место мэрам или каким-либо иным представителям государства», — заявил один из делегатов.

Делегаты от ааруч продолжали регулярно собираться и создали межрайонную координацию. 11 июня они встретились в Эль Ксер:

«Мы, представители городов Сетиф, Бордж-Бу-Арреридж, Буйра, Бумердес, Беджая, Тизи-Узу, Алжир, а также Коллективного Комитета Университетов Алжира, провели встречу сегодня, в понедельник 11 июня 2001 г., в доме молодёжи „Мулуд Фераун“ в Эль Ксер (Беджая). Нами был выработан следующий список требований:

- Государству следует немедленно принять на себя ответственность за всех пострадавших от репрессий в ходе недавних событий и их семьи.
- Над инициаторами, подстрекателями и соучастниками этих преступлений должен состояться гражданский трибунал. Все они должны быть изгнаны из сил безопасности и уволены из органов гражданской администрации.
- Всем свидетелям драматических событий обеспечить защиту, а за всеми достойными жертвами произошедших событий признать статус мучеников.
- Немедленный вывод всех сил жандармерии и приданных им военных частей.
- Отказ от юридического преследования всех и каждого протестующих и освобождение тех из них, кого уже приговорили к тюремному заключению.
- Немедленное прекращение карательных рейдов, запугиваний и провокаций против местных жителей.
- Роспуск комиссий по расследованию, созданных государством.

---

¹⁸ Jaime Semprun «Apología por la Insurrección Argelina», Bilbao: Muturreko Burutazioak, 2002, p. 34 (переведено с французского на испанский Ксавьером Родригесом Идальго; перевод на английский — автора). Нижеследующие цитаты приводятся по страницам 18 и 20.

- Удовлетворение требований амазиг по всем важным для них вопросам (этнической идентичности, цивилизации, языка и культуры) без референдума и прочих условий. Объявление тамазигхт национальным и официальным языком.
- Государство должно гарантировать всем своим гражданам все социально-экономические права и демократические свободы.
- Мы выступаем против проводимой правительством политики недоразвития, пауперизации¹⁹ и доведения до нищеты алжирского народа.
- Перевод всех исполнительных функций государства, включая контроль над силами безопасности, под эффективное управление демократически избираемых органов.
- Срочная разработка социально-экономического плана развития всей Кабилии.
- Мы выступаем против Тамхегранит [деспотизма — прим. автора] и всех форм несправедливости и дискриминации.
- Требуем отдельного пересмотра каждого случая проваленных единых государственных экзаменов.
- Требуем введения дотаций по безработице для каждого жителя страны, зарабатывающего менее 50% МРОТ.
- Требуем официального, немедленного и публичного ответа на все наши требования.

Улас Смаһ Улас [борьба продолжается — прим. автора]²⁰.

14 июня 2001 года сотни тысяч людей вышли на демонстрации в Алжире, чтобы предъявить эти требования правительству, но они попали в полицейскую засаду и были рассеяны жёсткими действиями полиции. И хотя движение сопротивления было наиболее сильным в Кабилии, оно никогда не ограничивало себя национальными или культурными границами, благодаря чему оказалась возможной широкомасштабная поддержка по всей стране. Тем не менее, оппозиционные политические партии попытались ослабить движение, редуцировав его требования до призывов к властям принять меры против полицейского беспредела и официального признания берберского языка. Но поражение демонстрантов в Алжире показало слабость позиций движения за пределами Кабилии. «Им повезло. В Кабилии они не одиноки. У них есть вся их культура и инфраструктура солидарности. А мы тут живём в окружении стукачей и постеров Рэмбо», — как сказала одна из участниц движения по поводу трудностей сопротивления в столице.

¹⁹ Пауперизация — массовое обнищание трудящихся масс в условиях капиталистической эксплуатации. — прим. пер.

²⁰ Jaime Semprun «Apología por la Insurrección Argelina», Bilbao: Muturreko Burutazioak, 2002, pp. 73-74 (переведено с французского на испанский Ксавьером Родригесом Идалго; перевод на английский — автора).

В июле и августе движение поставило перед собой задачу стратегических размышлений о собственной структуре: за основу была принята система координаций между ааруч, дайрас и сообществами внутри вилайета с выборами делегатов от городов и кварталов. Делегаты образовывали муниципальную координацию, которая бы пользовалась полной автономией в своих действиях. Координация для всего вилайета состояла бы из двух делегатов от каждой муниципальной координации. В Беджая произошёл типичный случай, когда координация изгнала профсоюзных активистов и леваков, которые проникли в совещательный орган. После чего по независимому решению координации началась всеобщая забастовка. Кульминацией этого процесса рефлексии стал момент, когда движение осознало, что одной из основных его слабостей является относительный недостаток участия женщин в деятельности координаций (хотя женщины играли огромную роль в восстании и прочих аспектах деятельности движения сопротивления). Делегаты решили поощрять женщин к более активному участию в деятельности координаций.

В течение всего этого процесса некоторые делегаты пытались вести тайные переговоры с правительством, а пресса металась между попытками демонизировать движение и предположениями, что, может быть, наиболее цивилизные требования правительство могло бы принять во внимание. В то же время сколь-нибудь радикальные требования повстанческих советов игнорировались. 20 августа движение показало свою силу на марше протеста в Кабилии, за которым последовало несколько встреч советов вилайета. Правящая элита надеялась, что собрания продемонстрируют «зрелость» движения и позволят начать диалог, но координации продолжали отказываться от тайных переговоров и подтвердили свою приверженность решениям, достигнутым в Эль Ксер. Комментаторы отмечали, что если движение продолжит отвергать диалог с властью, одновременно настаивая на своих требованиях и успешно защищая свою автономию, то это, по сути, сделает невозможным управление государством и приведёт к коллапсу государственной власти, по крайней мере, на территории Кабилии.

10 октября 2002 г., пережив более года государственного насилия и попыток втянуть повстанческие советы в политические игры с властью, движение объявило о бойкоте выборов. К большому разочарованию политических партий выборы оказались полностью заблокированы в Кабилии, а явка в остальных районах Алжира оказалась замечательно низкой.

С самого начала самоорганизованный характер восстания угрожал политическим партиям, которые всеми правдами и неправдами пытались включить движение в существующую политическую систему. Тем не менее это оказалось не так просто. С самого начала движение приняло своего рода кодекс чести, который клялись соблюдать все делегаты координаций:

«Делегаты, представляющие движение, обещают:

- Уважать пункты главы „Основополагающие принципы взаимодействия координаций ааруч, дайрас и местных сообществ“
- Чтить кровь, пролитую мучениками, до полного достижения всех целей движения и не использовать их память в личных или фракционных интересах.

- Уважать мирный характер движения.
- Не предпринимать никаких действий, которые бы привели к установлению прямых или косвенных связей с представителями власти.
- Не использовать движения для достижения фракционных целей, не втягивать его в предвыборную борьбу или попытки захвата власти.
- Публично уйти из движения, прежде чем баллотироваться на выборную должность.
- Не принимать никакой политической должности (получение назначения) в каких-либо властных институтах.
- Проявлять приверженность народным интересам и уважение к другим людям.
- Способствовать образованию национального измерения в движении.
- Не обходить сложившиеся структуры коммуникации.
- Проявлять солидарность с любым(ой), пострадавшим(ей) от своей деятельности в качестве делегата(ки) движения.

Примечание: От любой(ого) делегатки(а), публично нарушившей(его) Кодекс Чести, движение публично отречётся»²¹.

И действительно, делегаты, нарушавшие обещания, подвергались остракизму, а иногда на них даже нападали.

Давление со стороны властей с целью кооптации движения продолжалось. В прессе появились заявления анонимных комитетов и советов, осуждающих «спираль насилия», раскрученную молодёжью, и «посредственный политический расчёт» «тех, кто продолжает паразитировать на общественном диалоге» и «затыкает рот лучшим представителям общества». Позже было пояснено, что под «лучшими представителями общества» подразумевались «все представители науки и политики из нашего муниципалитета, способные придать движению цель и целостность»²².

В последующие годы ослабление антиавторитарного аспекта движения сопротивления указало на серьёзное препятствие на пути либертарных восстаний, которым удаётся отвоевать небольшое пространство автономии: опасность не столько со стороны авторитарных участников и противников движения, сколько со стороны постоянного международного давления на движение с целью его институционализации. В Кабилии большую часть давления в этом направлении оказывали европейские НПО и международные агентства, которые якобы трудились на благо мира в регионе.

²¹ Jaime Semprun «Apología por la Insurrección Argelina», Bilbao: Muturreko Burutazioak, 2002, p. 80. Касаемо четвёртого пункта (про мирный характер движения) стоит отметить, что (в отличие от западного общества) мирный характер движения сопротивления в Алжире не исключает самообороны или вооружённого восстания. Свидетельством тому — предыдущий пункт, касающийся уважения к памяти мучеников. «Мирный характер» в данном случае указывает на предпочтение мирных решений, основанных на консенсусе, в противовес авторитарному характеру власти.

²² Там же, стр. 26.

Они требовали от координаций аарч перехода к мирным тактикам борьбы, отказа от бойкота политических процессов, выдвижения своих кандидатов на национальные выборы. С тех пор движение раскололось. Многие делегаты отдельных аарч и старейшины, самопровозгласившие себя лидерами, ушли в политику, где их главной целью стало переписать алжирскую конституцию с тем, чтобы дать ход демократическим реформам и положить конец диктатуре. В то же время Движение за Автономию Кабилии (ДАК) продолжало настаивать на децентрализации власти и получении независимости региона.

Кабилия так и не получила ощутимой поддержки или выражений солидарности от других антиавторитарных движений земного шара, что могло оказать определённое влияние на стремления к институционализации протестов. Отчасти это случилось по причине изоляции и европоцентризма многих движений. С другой стороны, само движение сопротивления ограничило себя рамками национального государства и ему недоставало откровенно революционной системы идей. Если рассматривать его в изоляции, то акцент на автономии и гражданских правах каждого жителя сообщества, который присущ культуре амазиг, обладает явно антиавторитарным характером. Но в контексте государства возникают двойственные смыслы. Если бы требования движения сопротивления были полностью воплощены, то государство, по сути, лишилось бы смысла к существованию. С этой точки зрения требования революционны. В то же время в них нигде не содержалось призывов «уничтожить власть» в явном виде, поэтому для государства оставались лазейки, через которые оно могло бы проникнуть и воскреснуть уже внутри самого движения. Хотя Кодекс Чести явно запрещал сотрудничество с политическими партиями, ориентированная на защиту гражданских прав идеология движения делала подобное сотрудничество неизбежным, поскольку подразумевала собою требования «хорошего правления», что является кодовым словом для самообмана и предательства.

Мировоззрение или анализ, революционные и антиавторитарные по своему характеру, могли бы предотвратить интеграцию движения и облегчили бы налаживание связей солидарности с другими движениями сопротивления за границами Алжира. Однако и сами антиавторитарные движения в других странах могли бы проявить больше солидарности, если бы им хватило способности к анализу борьбы и широты кругозора. Так, например, алжирское восстание вряд ли когда-либо идентифицировало бы себя как «анархическое». По целому сонму исторических и культурных причин. И в то же время, данное восстание — один из самых воодушевляющих примеров анархии в своё время. Большая часть самоопределившихся анархистов не смогла осознать этого, не смогла установить связи взаимопомощи с восставшей Кабилией по причине культурной пропасти и предубеждений против народных движений, которые не разделяют эстетику и культурные элементы, преобладающие в среде европейских и американских революционеров.

Исторические эксперименты по коллективизации и формированию основ общества анархо-коммунизма, проводившиеся в Испании в 1936-1937 гг., могли случиться только потому, что анархисты готовились к вооружённой борьбе с испанской армией в ходе всеобщего вооружённого восстания. И когда фашисты попытались осуществить военный переворот, анархистам удалось нанести им поражение на территории большей части страны. Для защиты нового мира, который они вот-вот

создадут, анархистам пришлось организоваться, чтобы дать отпор фашистским частям, которые превосходили их по вооружению. Анархические ополчения оказались вовлечены в окопную войну. Был принят лозунг: «No pasaran!» (Они не пройдут!)

Несмотря на колоссальный фронт работ в тылу (организация образования, коллективизация земли и заводов, реорганизация общественной жизни), анархисты в то же время организовывали и готовили отряды ополчения для борьбы на фронте. На раннем этапе войны анархическая Колонна Дурутти отбросила фашистов на Арагонском фронте и в ноябре 1936 года сыграла важную роль в разгроме фашистского наступления на Мадрид. Буржуазные журналисты и сталинисты, желавшие уничтожить народные ополчения и восстановить профессиональную армию под своим полным контролем, распространяли критику добровольных ополчений. Джордж Оруэлл, сражавшийся в ополчении троцкистов, пишет без обиняков:

«Все — от генерала до рядового — получали одинаковое жалование, ели ту же пищу, носили одинаковую одежду. Полное равенство было основой всех взаимоотношений. Вы могли свободно похлопать по плечу генерала, командира дивизии, попросить у него сигарету, и никто не счёл бы это странным. Во всяком случае, в теории каждый отряд ополчения представлял собой демократию, а не иерархическую систему подчинения низших органов высшим. Существовала как бы договорённость, что приказы следует исполнять, но, отдавая приказ, вы отдавали его как товарищ товарищу, а не как начальник подчинённому. Имелись офицеры и младшие командиры, но не было воинских званий в обычном смысле слова, не было чинов, погон, щёлканья каблуками, козыряния. В лице ополчения стремились создать нечто вроде временно действующей модели бесклассового общества. Конечно, идеального равенства не было, но ничего подобного я раньше не видел и не предполагал, что такое приближение к равенству вообще мыслимо в условиях войны.

...Позднее стало модным ругать ополчение, и приписывать все его недостатки не отсутствию оружия и необученности, а системе равенства. В действительности же, всякий новый набор ополченцев представлял собой недисциплинированную толпу не потому, что офицеры называли солдат „товарищами“, а потому, что всякая группа новобранцев — это всегда недисциплинированная толпа... Журналисты, которые посмеивались над ополченцами, редко вспоминали о том, что именно они держали фронт, пока в тылу готовилась Народная армия. И только благодаря „революционной“ дисциплине отряды ополчения оставались на фронте; примерно до июня 1937 года их удерживало в окопах только классовое сознание. ... В подобных условиях регулярная армия, не имея в тылу частей заграждения, безусловно, разбежалась бы... В первое время меня ужасал и бесил хаос, полная необученность, необходимость минут пять уговаривать бойца выполнить приказ. Я жил представлениями об английской армии, а испанское ополчение, право, ничем не походило на английскую армию. Но учитывая все обстоятельства, нужно признать, что ополчение воевало лучше, чем можно было ожидать»²⁵.

Оруэлл рассказал, что народные ополчения преднамеренно недоснабжались вооружением и аммуницией, которая была им необходима для победы над политическим аппаратом, решившим их уничтожить. Несмотря на этот факт, в октябре 1936 г. анар-

---

²⁵ Джордж Оруэлл «Памяти Каталонии. Эссе», Москва, 2003.

хические и социалистические ополчения смогли отбросить фашистов на Арагонском фронте и ещё 8 месяцев удерживали новую линию фронта, пока их силой не сменила правительственная республиканская армия.

Этот конфликт был затяжным и кровавым, полным опасностей, непредвиденных возможностей и трудных решений. В течение всех этих событий анархистам приходилось доказывать жизнеспособность их идеала по-настоящему антиавторитарной революции. Они пережили ряд успехов и неудач, которые в совокупности показывают, чего можно добиться и каких опасностей следует остерегаться революционерам, не желающим становиться новыми властителями.

В тылу анархисты и социалисты воспользовались возможностью, чтобы воплотить свои идеи на практике. Повсюду в испанской глубинке происходили экспроприации земли крестьянами, которые решительно взялись за отмену капиталистических отношений. Не существовало однообразной политики, которая бы определяла методы создания крестьянских анархо-коммун. Сельские жители применяли разнообразные методы для свержения своих хозяев и создания общества нового типа. В некоторых местах служителей церкви и землевладельцев убивали. Но зачастую подобные действия являлись возмездием за сотрудничество с фашистами или старым режимом, за выдачу карательным органам радикалов, которых арестовывали и казнили. В ряде восстаний, прокатившихся по Испании в период 1932-1934 гг., революционеры демонстрировали крайне малое стремление убивать своих политических противников. Например, когда крестьяне андалузской деревни Касас Вьехас развернули чёрно-красный флаг, единственным актом насилия оказалось сожжение земельных документов. Ни политическое руководство региона, ни землевладельцы не были атакованы. Их просто проинформировали, что теперь они лишены власти и собственности. Тот факт, что впоследствии эти миролюбивые крестьяне были массово истреблены военными частями по требованиям тех самых политиков и землевладельцев, объясняет более агрессивный настрой анархистов в 1936 г. Что касается испанской католической церкви, то она являлась откровенно профашистской структурой. Священники уже долгое время являлись активными сторонниками различных форм обучения молодёжи, основанных на унижении и телесных наказаниях, поборниками идей патриотизма, патриархата, божественного права землевладельцев на землю. Когда Франко предпринял попытку вооружённого захвата власти, многие клерикалы по всей Испании участвовали в создании полувоенных фашистских формирований или играли в их деятельности активную роль.

В анархических кругах уже довольно давно идут дебаты о том, насколько допустимым в ходе борьбы с капитализмом являются нападения на конкретных облечённых властью людей, когда такого рода действия не связаны с самообороной. Тот факт, что наделённые властью люди в ответ на проявленное милосердие затем отдают приказы расстрельным командам и призывают к жестоким расправам над восставшими, чтобы запугать потенциальных недовольных, ясно говорит о том, что представители элиты не являются некими невинными агнцами, по воле случая играющими свои роли. Они осознанно и целенаправленно принимают участие в войне с угнетёнными. Поэтому убийства, совершавшиеся испанскими анархистами и крестьянами, нельзя считать признаком авторитаризма, который якобы присущ революционной борьбе. Это была осознанная стратегия в условиях опасного противостояния. Пример из

того же времени, когда испанские сталинисты создали тайную полицию для пыток и казней своих бывших товарищей по оружию, наглядно показывает, как низко могут пасть люди, считая, что они «борются за правое дело». Но пример анархистов и других социалистических сил разительно контрастирует с порочной практикой авторитарных левых и доказывает, что подобное поведение вовсе не неизбежно.

Открытая демонстрация отсутствия авторитарных устремлений у анархистов видна на примере того, что те самые крестьяне, прибегавшие к насилию для самоосвобождения, впоследствии не заставляли крестьян-индивидуалистов коллективизировать их землю. В большинстве деревень, которые располагались в районах, контролировавшихся анархистами, коллективные и личные земельные наделы существовали бок о бок. В самом худшем случае, когда какой-нибудь крестьянин — противник коллективизации владел землёй в самом сердце земельного надела крестьян-сторонников коллективизации, большинство могло попросить индивидуалиста обменять спорный земельный надел на другой, чтобы у других крестьян всё-таки была возможность объединить землю для совместной обработки. В одном задокументированном примере крестьяне, проводившие коллективизацию, предложили индивидуалисту лучший земельный надел, чтобы достичь консенсуса по этому вопросу.

Ситуация в городах и внутри структур CNT(НКТ) оказалась более сложной. После того, как группы самообороны, подготовленные и вооружённые НКТ и FAI(ФАИ)²⁴, нанесли поражение фашистам в Каталонии и захватили оружие из армейских arsenалов, рядовые члены НКТ спонтанно организовали рабочие советы на заводах, ассамблеи в жилых кварталах и другие организации, которые должны были координировать экономическую жизнь людей. Что самое важное — анархисты организовывали структуры, в которые приглашали рабочих различных политических взглядов, то есть они не были склонны к сектанству. Несмотря на то, что анархисты являлись самой мощной силой в Каталонии, они не проявляли желания подавлять другие политические группы. Это контрастировало с деятельностью Коммунистической партии, троцкистов (ПОУМ) и каталонских националистов. Проблемы возникли в среде делегатов НКТ. Профсоюз не смог выстроить себя так, чтобы предотвратить собственную институционализацию и бюрократизацию. Делегатов региональных и национальных комитетов нельзя было отозвать в случае претензий к их деятельности со стороны рядовых членов НКТ, не существовало традиции, которая бы мешала одним и тем же людям оставаться на властных должностях в руководящих профсоюзных комитетах. Профсоюзные лидеры могли вести переговоры и принимать решения, не оглядываясь на мнение всего профсоюза. Более того, принципиальные анархо-активисты последовательно отказывались от руководящих позиций в Конфедерации, в то время как интеллектуалы, увязшие в абстрактных теориях и экономическом планировании, имели склонность попадать в центральные комитеты.

---

²⁴ Федерация Анархистов Иберии (FAI, исп. Federacion Anarquista Iberica) — испанская анархистская организация, боевое крыло анархо-синдикалистского профсоюза НКТ (CNT). Название часто пишется как CNT-FAI из-за близких отношений между этими двумя организациями. Печатным органом ФАИ является газета «Земля и свобода» (Tierra y Libertad). «Иберийская» часть названия связана с идеей объединения испанских и португальских анархистов в пан-иберийской организации. Является секцией Интернационала анархических федераций (ИФА). — прим. пер.

Таким образом, к революции июля 1936 г. в НКТ существовала устоявшаяся властная верхушка, изолированная от низового анархического движения.

Анархисты, вроде Стюарта Кристи, и ветераны группы либертарной молодёжи, продолжавшие партизанскую борьбу с фашистами в последовавшие за поражением анархической революции десятилетия, высказывали предположения, что такого рода динамика власти отделила руководство НКТ от рядовых членов организации и приблизила профсоюзных функционеров к профессиональным политикам. Так, они согласились вступить в Народный Антифашистский Фронт Каталонии наряду с авторитарными социалистами и республиканцами. Для них это был жест принятия плюрализма мнений и солидарности, а также способ организации самообороны перед лицом фашистской агрессии.

Отчуждённость верхушки НКТ от народных масс помешала им осознать то, что власть не была уже сосредоточена в правительственных зданиях; она уже выплеснулась на улицы, на фабрики, где рабочие захватывали производство. Не имея об этом ни малейшего представления, руководство НКТ, по сути, принялось ставить палки в колёса социальной революции, требуя от вооружённых масс отказаться от попыток полностью воплотить в жизнь идеалы анархо-коммунизма. Это было продиктовано опасениями огорчить новых союзников²⁵. В любом случае, анархистам того периода приходилось принимать очень сложные решения. Их представители оказались между двух огней: фашистское наступление, с одной стороны, и предательство союзников, с другой. А ополченцы на фронте и улицах городов были поставлены перед выбором: соглашаться ли с сомнительными решениями самоназванного руководства или рисковать расколом движения по причине излишне критических позиций.

Но, несмотря на внезапную власть, свалившуюся в руки НКТ, — они были доминирующей политической силой в Каталонии и других провинциях, — и «лидеры» анархистов, и рядовые члены организации предпочитали принимать решения и действовать на основе взаимного сотрудничества вместо того, чтобы подчинить других своей власти. Так, в Антифашистском Комитете, создать который предложило каталонское правительство, анархисты допустили равное количество членов как от себя, так и от относительно слабых в военном и политическом плане социалистического рабочего профсоюза и Каталонской националистической партии. Одной из главных причин сотрудничества с авторитарными политическими партиями, которую называло руководство НКТ, было предположение, что отмена правительства в Каталонии, по сути, означала бы установление анархической диктатуры. Но их предположение, что избавление от правительства (если быть более точным, это сделали бы сами люди, предоставив им НКТ такую возможность) обязательно означало бы установление диктатуры НКТ, демонстрирует росшее в них ослепляющее чувство собственной значимости. Лидеры анархо-синдикалистов не смогли понять, что рабочий класс в тот период самостоятельно развивал новые организационные формы, вроде советов заводских рабочих, которые могли бы расцвести, выйди они за рамки

---

²⁵ В Барселоне и прилегающих районах насчитывалось 40 000 вооружённых анархистов. Если бы НКТ проигнорировало решения правительства Каталонии вместо того, чтобы вступить с ним в переговоры, то республиканское правительство, по сути, было бы отменено. Stuart Christie «We, the Anarchists! A study of the Iberian Anarchist Federation (FAI) 1927-1937», Hastings, UK: The Meltzer Press, 2000, p. 106.

существовавших организационных форм — будь то НКТ или правительство. Лидеры НКТ «не смогли осознать ни того, насколько мощным являлось народное движение, ни того, что их роль профсоюзных вождей теперь мешала развитию революции»²⁶.

Вместо того чтобы нарисовать красивые картинки анархического прошлого, мы должны понять, что приведённые примеры наглядно демонстрируют крайнюю сложность балансирования между эффективностью и авторитарностью. Быть эффективными и неавторитарными трудно, но можно.

Как сообщества могут принять изначальное решение о самоорганизации?

Все люди способны самоорганизовываться, независимо от их опыта политической деятельности. Конечно, первоначально задача взять на себя управление собственной жизнью покажется непростой, но со временем это пройдёт. В большинстве случаев люди идут по очевидному пути, спонтанно организуя большие, открытые для всех собрания с соседями, сослуживцами или товарищами на баррикадах, чтобы разобраться, что необходимо делать. В некоторых случаях общество организуется на основе ранее существовавших революционных организаций.

В ходе народного восстания в Аргентине в 2001 г. люди продемонстрировали беспрецедентный уровень контроля над собственными жизнями. Они формировали районные ассамблеи, захватывали заводы и заброшенные участки земли, создавали сети бартерного обмена, блокировали шоссе, чтобы заставить правительство гарантировать пособие по безработице, удерживали улицы перед лицом смертельно опасных полицейских репрессий и заставили четырёх президентов и многочисленных вице-президентов одного за другим подать в отставку за довольно короткий срок. В течение всего этого периода народ не назначал лидеров, а большая часть районных ассамблей отказалась от попытки кооптации со стороны политических партий и профсоюзов. В рамках ассамблей, комитетов оккупированных заводов и иных организаций повстанцев практиковались модели принятия решений консенсусом и горизонтальные структуры. Как заметил один из активистов, вовлечённый в установление альтернативных социальных структур в своём районе (где уровень безработицы достигал 80%): «Мы строим власть, а не захватываем её»²⁷.

В одном только Буэнос-Айресе люди сформировали более 200 районных ассамблей, в работу которых были вовлечены тысячи жителей города. Если верить одному из опросов, каждый третий житель столицы посещал собрания районной ассамблеи. Всё началось с совместных встреч жителей района, часто за общим приёмом пищи (*olla popular*). Затем происходил захват пространства, которое использовалось в качестве социального центра, — зачастую таким пространством служил заброшенный банковский офис. В скором времени районная ассамблея начинала проводить еженедельные собрания «по вопросам сообщества, а также по таким темам, как

---

²⁶ Там же, p. 101.

²⁷ John Jordan, Jennifer Whitney «Que Se Vayan Todos: Argentina's Popular Rebellion», Montreal: Kersplebedeb, 2003, p. 56.

обслуживание внешнего долга, война и свободная торговля». Не менее важную роль играли обсуждения «того, как мы можем совместно трудиться для всеобщего блага и каким мы видим будущее». В конечном счёте, многие социальные центры могли предложить посетителям:

«...информационное пространство, возможно с компьютерами, библиотеку, занятия по йоге, самообороне, языковые курсы, курсы первой помощи, электрики и тому подобного. Многие также организовали общественные сады, взяли под патронаж детские школьные клубы и курсы для взрослых, стали регулярно проводить социальные и культурные мероприятия, организовали всеобщее приготовление пищи. Люди политически мобилизовались ради самих себя и для поддержки бастующих и захваченных фабрик»²⁸.

Участники ассамблей образовали рабочие группы (такие как медицинская помощь и альтернативные СМИ), которые проводили дополнительные собрания для людей, наиболее заинтересованных в этих проектах. Вот заметки посетившего регион независимого журналиста:

«В некоторых ассамблеях участвует порядка 200 человек, в других — намного меньше. В одной из ассамблей было порядка 40 человек, совершенно разного происхождения. Начиная от двух матерей, сидевших на тротуаре и кормящих грудью малышей, худющего хиппи в клёше, престарелого таксиста, велокурьера с дредликами до студента-медика и юриста в деловом костюме. Представители всех слоёв аргентинского общества выстроились кружком на углу улицы под оранжевым светом фонарей. Новенький мегафон переходил из рук в руки, пока люди обсуждали вопрос возвращения себе контроля над собственными жизнями. Периодически проезжавшие мимо машины выражали поддержку библиканьем. И всё это продолжалось в среду вечером с восьми до полуночи!»²⁹

Вскоре уже районные ассамблеи координировались на уровне города. Раз в неделю каждая из них отправляла делегата на общий (интербаррио) пленум, собиравший тысячи людей со всего города, чтобы обсуждать общие проекты и протестные планы. Решения на общем пленуме принимались большинством голосов, но в самой структуре собрания отсутствовало подчинение, поэтому никто не был связан обязательствами по исполнению принятого решения: их воплощали в жизнь, только если люди искренне этого хотели. Соответственно, если большое количество участников и участниц общего пленума голосовало против (или воздерживалось) по определённому вопросу, предложение перерабатывали, чтобы оно могло получить большую поддержку.

Структура ассамблей быстро распространилась на провинциальный и национальный уровни. Через два месяца после начала восстания национальная «Ассамблея ассамблей» призывала уже заменить правительство ассамблеями. Этому не суждено было сбыться, но, в конечном счёте, правительство Аргентины удалось заставить принимать пронародные решения: оно объявило о дефолте по международным долговым обязательствам — беспрецедентный шаг.

²⁸ Natasha Gordon, Paul Chatterton «Taking Back Control: A Journey through Argentina's Popular Uprising», Leeds (UK): University of Leeds, 2004.

²⁹ John Jordan, Jennifer Whitney «Que Se Vayan Todos: Argentina's Popular Rebellion», Montreal: Kersplebedeb, 2003, p. 9.

Международный Валютный Фонд оказался настолько напуган народным восстанием и международной поддержкой, которую оказало движение антиглобалистов, и настолько выбит из колеи коллапсом своего детища (проекта неолиберальных реформ в Аргентине — прим. пер.), что смирился с этим тяжелейшим поражением. Аргентинское движение сопротивления сыграло решающую роль в достижении одной из основных целей антиглобалистов: одержало победу над МВФ и Всемирным Банком. На момент написания этой книги эти институты дискредитированы и находятся под угрозой банкротства. В это время аргентинская экономика стабилизировалась, а народный гнев по большей части прошёл. И всё же часть ассамблей, занимавших ключевые ниши в дни восстания, продолжает функционировать даже спустя семь лет. И когда конфликт в очередной раз вспыхнет, эти ассамблеи будут храниться в коллективной памяти людей такими семенами будущего общества.

Город Кванджу в Южной Корее освободил себя сам за шесть майских дней в 1980 г., когда студенческие и рабочие протесты против военной диктатуры вылились в восстание в ответ на объявление военного положения. Протестующие сожгли офис государственной телекомпании и захватили оружие, после чего организовали «Гражданскую Армию», которая вытеснила полицейские и военные части. Подобно другим городским восстаниям (например, парижским 1848 г. и 1968 г., событиям в Будапеште в 1919 г., в Пекине в 1989 г.), студенты и рабочие Кванджу быстро сформировали ассамблеи для организации городской жизни и налаживания контактов с внешним миром. Участницы тех событий рассказывают о сложной организационной системе, которая развилась спонтанно и за короткий период времени — и без влияния лидеров основных студенческих групп и протестных организаций, которых к этому моменту уже арестовали. Их система включала в себя Гражданскую Армию, Ситуационный Центр, Комитет Граждан и Студентов, Планово-Ревизионный Совет, департаменты самообороны, расследования, информации, общественных услуг, похорон и прочие³⁰. Для подавления восстания и воспрепятствования его расползанию по стране потребовалась широкомасштабная операция специальных сил корейской армии при поддержке американских военных. В ходе военной операции несколько сотен людей было убито. Даже враги описывали вооружённое сопротивление восставших как «ожесточённое и хорошо организованное». Комбинация спонтанной организации, открытых ассамблей и специальных тематических комитетов произвела на всех свидетелей событий неизгладимое впечатление. Люди воочию увидели, как быстро сообщество может перестроиться после того, как вырывается из привычной рутины подчинения правительству.

Во время революции 1956 г. в Венгрии государство рухнуло после того, как студенческие и рабочие массы вооружились. Большая часть страны перешла под непосредственное управление народа, который быстро реорганизовал экономику и сформировал милицейские ополчения для борьбы с вторжением советских войск. Первоначально каждый город самоорганизовывался спонтанно, но оказалось, что формы этой самоорганизации были очень похожи, возможно, по причине общего куль-

³⁰ George Katsiaficas «Comparing the Paris Commune and the Kwangju Uprising», www.erosseffect.com. Замечание о том, что сопротивление было «хорошо организовано» принадлежит журналисту из консервативного издания Heritage Foundation, Daryl M. Plunk's «South Korea's Kwangju Incident Revisited», The Heritage Foundation, No. 35, September 16, 1985.

турного и политического контекста. Венгерские анархисты играли важную роль в новых Революционных Советах, которые были организованы на федералистских принципах для координации обороны, а также принимали участие в деятельности рабочих советов, которые управляли захваченными заводами и шахтами. Старые политики в Будапеште сформировали новое правительство и попытались кооптировать автономные советы в структуру многопартийной демократии, но влияние правительства не распространилось за пределы столицы, пока второму вторжению советских войск не удалось сокрушить повстанцев. Анархическое движение Венгрии не отличалось тогда многочисленностью, но народная поддержка многих советов показывает, насколько анархические идеи становятся заразны, как только люди принимают решение о самоорганизации. Эффективность описанных организационных форм подтверждается способностью управлять страной и обороняться во время первой попытки вторжения со стороны советской армии. Не было никакой нужды в выстраивании сложной институциональной структуры по неким заранее подготовленным лекалам после свержения авторитарного правительства. Всё, что было нужно народу, — это желание собираться вместе на открытых собраниях и совместно решать свою судьбу, вера в себя и в свою способность воплотить собственные идеи в жизнь, даже если поначалу это и кажется сложным.

Как будет решаться вопрос с компенсацией за былые ущемления?

Даже если вдруг завтра утром мы проснёмся и обнаружим, что правительство и капитализм сами собой исчезли, люди все ещё будут разделены. Наши места обитания обусловлены нашими историями угнетения. Они же определяют степень нашего доступа к земле, воде, чистой окружающей среде, инфраструктуре. Они же влияют на степень насилия в наших сообществах. Люди имеют довольно сильно различающиеся социальные привилегии в зависимости от цвета кожи, пола, гражданства, экономического класса и прочих подобных факторов. Что именно унаследуют эксплуатируемые планеты после того, как они восстанут и захватят, наконец, все богатства, созданные обществом? Здоровую землю, чистую воду и больницы или истощённые заражённые радиацией пустоши, свалки мусора и ржавые водопроводные трубы? В значительной степени это будет зависеть от цвета их кожи и национальности.

Ключевым моментом анархической революции является понятие глобальной солидарности. Солидарность — это противоположность благотворительности. Она не зависит от неравенства между дающим и получающим. Как и всё хорошее, что случается в жизни, солидарность можно только разделить. Таким образом, уничтожаются сами категории дающего и получающего, существующее неравенство в динамике власти между участниками в равной степени не поощряется, но и не игнорируется. Между революционеркой в Иллинойсе и революционером в Мато Гроссо не может быть настоящей солидарности, если им приходится игнорировать тот факт, что дом одной построен из древесины, похищенной с земель другого, что почва загрязнена и все перспективы будущего общины в Мато Гроссо ограничены.

Анархия должна стать несовместимой с колониализмом, будь то колониализм, существующий и по сей день в новых обличиях, или же колониализм как историческое наследие, которое мы пытаемся игнорировать. Таким образом, анархическая революция должна опираться в том числе на борьбу против колониализма. Это означает оказание поддержки народам Глобального Юга, пытающимся обратить вспять неолиберальные процессы в своих странах, борьбе индейских племён за свои земли, борьбе чернокожего населения с последствиями рабовладельческого наследия. Те, кому посчастливилось родиться в привилегированном положении — белые и все, кто проживает в Европе и странах, образованных европейскими переселенцами (США, Канада, Австралия), — должны оказывать борьбе народов Глобального Юга политическую, культурную и материальную поддержку. Поскольку масштаб антиавторитарных восстаний пока ещё слишком невелик, а возмещение ущерба будет носить глобальный характер по причине глобальности колониального угнетения, на данный момент не существует полноценных примеров того, как будут выглядеть наши репарации. Однако некоторые небольшие случаи указывают на то, что среди анархистов существует желание возместить ущерб угнетённым и что это намного проще сделать, руководствуясь анархическими принципами взаимопомощи и прямого действия, чем опираясь на демократические правительства (с их неизменным отказом осознать собственные преступления былых веков и достойными сожаления полумерами). Вышесказанное справедливо и в отношении «революционных правительств», которые традиционно наследуют и скрывают факты угнетения в своих странах. Это видно на примерах того, как нагло и беспринципно правительства СССР и Китая встали во главе рухнувших национальных империй, одновременно заявляя о своей антиимпериалистической политике.

В 1994 г. в южном мексиканском штате Чиapas произошло восстание сапатистов, которые завоевали автономию для дюжин индейских поселений. Назвавшиеся так в память о мексиканском революционере, защищавшем интересы крестьянства, Сапате, и демонстрируя приверженность к индейским, марксистским и анархическим идеям, сапатисты сформировали армию, управляемую народными «энкуэнтрос» (собраниями), с целью борьбы против неолиберального капитализма и продолжающейся эксплуатации и геноциде индейского населения со стороны мексиканского правительства. Сапатисты просили поддержать их в деле вытаскивания сообществ индейцев из глубин нищеты (навязанной многими поколениями колониальных отношений) и в борьбе с последствиями военных блокад и угнетения со стороны силовых структур государства. Тысячи добровольцев и людей с техническими знаниями со всего света устремились в поселения сапатистов, чтобы помочь с созданием инфраструктуры. Ещё больше людей оказывали поддержку, пересылая деньги и оборудование или приобретая товары fair-trade³¹, производимые на автономных территориях. Это пример солидарной поддержки. Что ещё более важно — так это то, что поддержка оказана в формах, которые пожелали сами сапатисты. Это очень сильно контрастирует с христианской моделью благотворительности, в которой привилегированные навязываются в благодетели обнищавшему получателю благотворительной помощи, от которого ожидается благодарность.

---

³¹ Товары, производимые «экологически дружелюбными» способами рабочими, получающими

Крестьяне в Испании были угнетены в течение всей многовековой истории феодализма. Частичная революция 1936 г. позволила им отвоевать привилегии и богатства, накопленные угнетателями за счёт эксплуатации крестьянского труда. В освобождённых деревнях созывались крестьянские ассамблеи, которые решали вопросы перераспределения земли, отнятой у крупных землевладельцев, чтобы бывшие крепостные, наконец, смогли получить в собственность обрабатываемую землю. В отличие от фарсовых Комиссий правды и примирения, организованных в ЮАР, Гватемале и других регионах, которые, по сути, защищают угнетателей от каких-либо ощутимых последствий и, прежде всего, ставят своей целью сохранить неравенство в распределении власти и привилегий, полученных в результате угнетения, ассамблеи испанских крестьян наделили последних властью самостоятельно принимать решения о том, как восстановить своё достоинство и вернуть равноправие. Помимо вопроса перераспределения земли ассамблеи занимались решением проблем с профашистски настроенным католическим духовенством и переоборудованием вилл богачей в социальные центры, склады, школы, клиники. За пять лет государственной аграрной реформы республиканское правительство Испании перераспределило всего 876 327 гектаров земли. За несколько недель революции крестьяне самостоятельно захватили 5 692 202 гектара³². Этот показатель становится ещё более значимым, если принять во внимание, что против перераспределения выступали как республиканцы, так и социалисты, и что оно могло проводиться только в той части страны, которую не контролировали фашисты.

Каким образом зародится общая антиавторитарная экологическая этика?

В долгосрочной перспективе анархическое общество будет, безусловно, работать лучше, если выработает культуру, основанную на ценности сотрудничества, автономии и экологически ответственного поведения. То, каким образом будет структурировано новое общество, может или поощрить, или затруднить появление подобной этики, подобно тому, как современное общество вознаграждает соперничество, угнетение и загрязнение окружающей среды, одновременно препятствуя антиавторитарным моделям поведения. В обществе, основанном на ненасилии, социальные структуры уже не смогут заставлять людей жить в соответствии с какими-либо принципами (пусть даже анархическими): у людей должно появиться естественное желание так жить и идентифицировать себя с этой системой ценностей. К счастью, факт восстания против авторитарной капиталистической культуры может сам по себе способствовать популяризации антиавторитарных идей.

Анархист-антрополог Дэвид Грэбер рассказывает о племени тсимихетов на Мадагаскаре, которые восстали против власти династии Мароансетра. Уже больше столетия минуло с тех пор, а тсимихеты до сих пор «отличаются прочно укоренившимися эгалитарными принципами общественной организации и деятельности», которые,

---

достойную оплату своего труда и трудящимися в здоровых условиях.

³² Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974, p. 71.

зачастую, определяют идентичность представителей этноса³³. Название тсимихеты, выбранное племенем, означает «те, кто не стрижётся», — это отсылка к традиции, по которой подданные Мароансетра обязаны обстригать волосы в знак подчинения.

Ряд культурных изменений произошёл в испанском обществе во время Испанской Гражданской войны в 1936 г. Активную роль по критическому переосмыслению консервативных обычаев и внедрению анархо-коммунистической культуры в деревнях играла молодёжь. В особенности это касалось быстрого изменения роли женщин. Женщины организовали анархо-феминистскую группу «Свободные Женщины» («Mujeres Libres»), которая должна была помочь делу революции и обеспечить женщинам достойное место в первых рядах борьбы. Женщины воевали на передовой, в составе боевых частей анархической милиции, удерживали фронт перед натиском фашистов. «Свободные Женщины» организовали курсы огневой подготовки, школы, программы ухода за детьми и специальные социальные группы «только для женщин», чтобы помочь женщинам овладеть навыками, необходимыми для равноценного с мужчинами участия в борьбе. Участницы группы часто дискутировали с мужчинами-анархистами, делая акцент на важности освобождения женщин от пут патриархата как необходимой части всякой революционной борьбы. По их мнению, проблемы патриархального угнетения нельзя было рассматривать как второстепенные задачи, которые можно начать решать после победы над фашизмом.

В городах Каталонии удалось существенно снизить социальный гнёт в отношении женского населения. Впервые за всю историю Испании женщины получили право ходить одни по улицам города с непокрытой головой. Не говоря уже о том, что многие сразу же оделись в одежды ополченок и взяли в руки винтовки. Анархистки, вроде Люсии Санчес Саорнил, писали о воодушевлении, которое испытывали, привнося изменения в культуру, ранее пронизанную патриархальным угнетением. Мужчины-современники (Джордж Оруэлл и Франц Боркенау) также отметили перемены в статусе женщины в Испании периода Революции.

Участие в народных ассамблеях в ходе восстания 2001 г. в Аргентине (вызванного экономическим коллапсом) позволило в прошлом аполитичным людям создать антиавторитарную культуру взаимодействия. Ещё одна популярная форма сопротивления — движение *piquetero*³⁴ — оказала огромное влияние на жизнь и культуру многих безработных. Первоначально пикетерос состояли из безработных, которые закрывали лица масками и устанавливали баррикады на шоссе, чтобы перекрыть транспортные потоки и, таким образом, сделать свои требования справедливого распределения еды или выплат по безработице более весомыми. Помимо упомянутых форм деятельности, пикетерос старались организовать антикапиталистические экономические отношения, которые бы включали школы, группы медиа-активистов, бесплатную раздачу одежды, пекарни, клиники и ремонтные бригады для помощи в быту и создания инфраструктур (например, канализации). Многие из групп пикетерос были связаны с Движением Безработных Рабочих (MTD). К тому времени, когда в декабре 2001 г. средний класс начал громить банки, это движение уже было

³³ David Graeber «Fragments of an Anarchist Anthropology», Chicago: Prickly Paradigm Press, 2004, pp. 54-55. (На русском: Дэвид Грэбер «Фрагменты анархистской антропологии» — прим. пер.)

³⁴ «Пикетерос» — блокады и перекрытия дорог, массовые несанкционированные шествия по ним — прим. пер.

достаточно сильным, чтобы играть важную роль в антикапиталистической борьбе в Аргентине.

Двое добровольцев проекта Indymedia, отправившихся в Аргентину из США и Британии для документирования восстания для англоговорящих стран, провели некоторое время с группой активистов в районе Адмирал Браун в южном Буэнос-Айресе³⁵. Подобно многим другим участникам движения МТД и пикетерос, участницы и участники этой группы перешли к активным действиям под воздействием недавно начавшейся безработицы. Однако их мотивы не ограничивались соображениями материального достатка. Так, они часто организовывали культурные и образовательные хэппенинги. Два активиста Indymedia вспоминали семинар, проводившийся в пекарне, аффилированной с МТД, на котором члены коллектива обсуждали различия между капиталистической и антикапиталистической пекарнями. «Мы производим для соседей... и для того, чтобы овладеть новыми навыками, навыками производства для самих себя», — говорила 50-летняя женщина. Ей вторил юноша в майке Iron Maiden: «Мы производим продукцию ради улучшения жизни всех и каждого»³⁶. Эта же группа управляла Ropero, мастерской по пошиву одежды, и участвовала во многих других проектах. Она существовала благодаря работе добровольцев и зависела от добровольных пожертвований соседей, хотя весь район считался довольно бедным. Несмотря на трудности, мастерская два раза в месяц устраивала бесплатную раздачу одежды для всех тех, кто не мог себе позволить её купить. В остальное время волонтеры ремонтировали старую одежду, брошенную на улицах. В отсутствие мотивации поощрять капиталистическую систему отношений люди из этих проектов находили повод для гордости в том, чем они занимались, с радостью демонстрируя посетителям, какими хорошими могут быть отремонтированные вещи, даже несмотря на дефицит материалов.

Общий идеал, к которому стремились все пикетерос, включал в себя твёрдую приверженность неиерархическим формам организации и участие в совместной деятельности и дискуссиях всех членов коллектива, независимо от возраста. Зачастую женщины первыми выходили на пикеты, и они владели существенным вниманием внутри движения. Многие женщины впервые в жизни получили возможность участвовать в крупных собраниях по принятию решений или исполнять традиционно мужские функции внутри этих автономных организаций. В той самой пекарне, где проходил описанный выше семинар, безопасностью (традиционно мужская стезя) заведовала молодая женщина.

Во время восстания 2006 г. в Оахаке, ровно также, как и до, и после этого, коренная культура была неиссякаемым источником сопротивления. Поскольку коренные народы являли пример кооперативных, антиавторитарных и экологически устойчивых отношений до колониализма, в оахакском сопротивлении они стремятся взрастить и усилить те аспекты культуры, которые контрастируют с системой, ценящей собственность дороже жизни, порождающей конкуренцию и господство и эксплуатирующей природу, приводя к вымиранию. Их способности к практике антиавторитарной и

---

³⁵ John Jordan, Jennifer Whitney «Que Se Vayan Todos: Argentina's Popular Rebellion», Montreal: Kersplebedeb, 2003, pp. 42-52.

³⁶ Там же, стр. 43-44.

экологической культуры, работе в духе солидарности и тому, чтобы кормить себя на маленьких клочках земли, которыми они обладали, увеличили мощь их сопротивления и тем самым шансы к самому их выживанию. Таким образом, сопротивление капитализму и государству — одновременно средство защиты коренных культур и тигель, в котором куётся мощный антиавторитарный дух. Многие люди, участвовавшие в восстании сами, не были представителями коренных народностей, но испытывали на себе влияние коренных культур и были вдохновлены ими. Таким образом, акт восстания сам по себе позволил людям выбирать социальные ценности и формировать их собственные идентичности.

До восстания доведённый до нищеты штат Оахака «продавал» свою коренную культуру как товар для приманивания туристов и привлечения бизнеса. Гуэлагуэца, важное для местных жителей собрание представителей коренных культур, стало спонсируемым государством туристическим аттракционом. Но во время восстания 2006 г. туризм был отодвинут на второй план, и в июле социальные движения организовали Народную Гуэлагуэцу — не для продажи туристам, а для собственного удовольствия. После успешного блокирования коммерческого мероприятия для туристов сотни студентов города Оахака и людей из деревень со всего штата приступили к организации собственного фестиваля. Они сделали костюмы, подготовили песни и танцы из всех семи районов Оахаки. В итоге Народная Гуэлагуэца имела огромный успех. Все участвовали бесплатно, и на месте действия было полно народа. Было больше традиционных танцев, чем даже во время коммерческих Гуэлагуэц. Ранее фестиваль проводился ради денег, большая часть которых попадала в карманы спонсорам и государству, теперь это был день, когда все делились друг с другом, как это традиционно и было. В сердце антикапиталистического и по большей части местного движения был фестиваль, праздник тех ценностей, которые объединяли движение вместе, и возрождения коренных культур, которые до этого уничтожались или низводились до ходкого экзотического товара.

В то время как Гуэлагуэцы были восстановлены как часть коренной культуры для поддержки антикапиталистического восстания и того либертарного общества, которое оно должно породить, другой традиционный праздник был видоизменён для службы движению. В 2006 г. в День мёртвых, мексиканский праздник, который соединяет в себе местные религиозные культы с католическими влияниями, совпал по времени с правительственным наступлением на движение. Незадолго до 1 ноября полицейские силы и полувоенные формирования убили около дюжины людей, так что смерть была свежа в памяти у всех. Художники граффити долгое время играли важную роль в движении в Оахаке, покрывая стены посланиями задолго до того, как народ захватил радиостанции, чтобы обрести голос. Когда в ноябре совпали День мёртвых и жестокие правительственные репрессии, эти художники возглавили работу по адаптации праздника для того, чтобы почтить память погибших и прославить борьбу. Они покрыли улицы традиционными *tapetes* — цветными фресками, нанесёнными с помощью песка, мела и цветов, но на этот раз *tapetes* содержали послания сопротивления и надежды или изображали имена и лица всех убитых людей. Люди сделали также скульптуры в виде скелетов и алтари для каждого убитого полицией и полувоенными формированиями. Один из художников граффити, Еска, описывает это:

«В этом году в День мёртвых традиционные фестивали обрели новое значение. Угрожающее присутствие отрядов Федеральной полиции наполнило воздух нависшей над городом атмосферой уныния и хаоса. Но мы смогли преодолеть наш страх и наши потери. Люди хотели следовать традициям не только ради своих предков, но также ради всех участников движения, кто погиб в последние месяцы.

Несмотря на то, что это звучит немного противоречиво, День мёртвых — одно из тех событий в Оахаке, где больше всего жизни. Карнавалы, люди, наряжённые в разные костюмы — дьяволов, скелетов, полные разноцветных перьев. Они проходят парадом через город, танцуя или играя театрализованные комические сценки, — в этом году с социально-политическим уклоном.

Мы не позволили силам Федеральной полиции помешать нашему празднику и нашему трауру. Весь туристический путь по центру города, Macedonio Alcalá, был полон жизни. Звучала протестная музыка, и люди танцевали и наблюдали за созданием наших знаменитых песочных фресок, называемых *tapetes*. Мы посвятили их всем убитым участникам движения. Любой желающий мог присоединиться, чтобы установить свой кусочек мозаики. Разнообразие цветов выражало наши смешанные чувства, вызванные репрессиями и свободой. Радость и печаль, ненависть и любовь. Рисунки и песни, вырвавшиеся на улицу, создали незабываемую сцену, которая, наконец, обратила нашу грусть в радость»³⁷.

В то время как искусство и традиционные фестивали играли роль в развитии освободительной культуры, сама борьба, особенно баррикады, создали среду для общения, где отчуждение было преодолено и соседи построили новые взаимоотношения. Одна женщина описывает свой опыт:

«На баррикадах вы увидите народ всех мастей. Много раз люди говорили нам, что познакомились друг с другом на баррикадах. Хотя они и были соседями, они не знали друг друга до этого. Они даже говорили: „Я никогда не заговаривал со своим соседом прежде, потому что не думал, что он мне по душе, но теперь мы вместе на баррикадах и он мой компаньеро“³⁸.

Так что баррикады не были только лишь препятствием на пути транспорта, но стали пространством, где соседи могли побеседовать, а общины вели диалог. Баррикады стали способом, которым общины усиливают себя».

По всей Европе десятки автономных посёлков построили жизнь вне капитализма. Особенно в Италии, Франции и Испании, эти посёлки существуют вне контроля государства и с небольшим влиянием логики рынка. Иногда покупая дешёвую землю, часто сквотируя покинутые деревни, эти новые автономные сообщества создают инфраструктуру для либертарной общественной жизни и культуру, которая идёт в ногу с ней. Эти новые культуры заменяют малую семью более широкой, содержательной и гибкой семьёй, объединённой скорее близостью и всеобщей любовью, чем кровными родственными связями и собственнической любовью. Они отменяют гендерное разделение труда, ослабляют возрастное разделение и иерархию и создают общественные и экологические ценности и отношения.

---

³⁷ Diana Denham, C.A.S.A. Collective (eds.) «Teaching Rebellion: Stories from the Grassroots Mobilization in Oaxaca», Oakland: PM Press, 2008, интервью с Еска.

³⁸ Там же, интервью с Лейлой.

Особенно замечательная сеть автономных поселений находится в горах около Итоис, в Наварре, которая является частью Страны Басков. Самое старое из них, Лакабе, было занято за двадцать восемь лет до написания этих строк и служит домом для тридцати человек. Проект любви, Лакабе, бросает вызов и изменяет традиционную эстетику сельской бедности. Полы и аллеи выложены прекрасными мозаиками из камня и керамики, а последние дома, построенные там, могли бы сойти за роскошную усадьбу миллионера, но, несмотря на это, они были построены силами людей, живущих в них, и спроектированы в гармонии с окружающей средой таким образом, чтобы улавливать тепло солнца и не впускать холод. В Лакабе есть свои общественные пекарня и столовая, в которой в обычный день устраивают восхитительные пиры, на которых присутствуют все жители деревни.

Другое поселение рядом с Итоис, Арицкурен, представляет пример определённой эстетики, которая представляет отличную модель истории. Тринадцать лет назад несколько людей заняли деревню, пустовавшую более пятидесяти лет. После этого они построили все свои жилища из обломков строений старого села. Наполовину Арицкурен всё ещё состоит из руин, медленно разрушающихся в горном лесу в часе езды от ближайшей дороги с покрытием. Руины напоминают об истоках и основании живой части деревни, а также служат как склады стройматериалов, которые будут использованы для восстановления другой её части. Новое восприятие истории, живущее среди нагромождений камней, является ни линейным, ни амнезическим, но органическим, где прошлое — это скорлупа настоящего и почва для будущего. Также оно является посткапиталистическим, предполагающим возвращение к земле и создание нового общества на руинах старого.

Ули (Uli), другое покинутое и вновь заселённое поселение, прекратило свою деятельность после более чем десятилетия автономного существования. Но уровень успеха среди поселений в общем воодушевляет — 5/6 всё ещё полны сил. «Провал» Ули демонстрирует другое преимущество анархической организации: коллектив может самораспуститься вместо того, чтобы навсегда погрязнуть в ошибке или подавлять индивидуальные нужды ради поддержания искусственной общности. Эти деревни в их первой инкарнации веком ранее были разрушены экономической катастрофой индустриализировавшегося капитализма. С другой стороны, их жители были зажаты в консервативной системе кровного родства, всячески поддерживаемой церковью.

В Арицкурене, также как и в других автономных поселениях по всему миру, жизнь одновременно и трудоёмка, и расслаблена. Жители должны строить всю свою инфраструктуру сами и создавать большую часть нужных им вещей своими руками, поэтому у них всегда много работы. Люди просыпаются утром и работают каждый над своим проектом, или же все собираются вместе для коллективной работы, решение о которой было принято на предшествующем собрании. После обильного обеда, который готовит по очереди кто-то один для всех, остаётся весь вечер для того, чтобы расслабиться, почитать, съездить в город, поработать в саду или заняться починкой строений. В некоторые дни никто не работает вообще. Если кто-то захочет пропустить день, его не осуждают, потому что проводятся собрания, на которых обязанности равномерно распределяются. В этом контексте, характеризуемом близкой связью с природой, неприкосновенная индивидуальная свобода объединена с коллективной социальной жизнью. Размывая границы между работой

и удовольствиями, жители Арицкурена создали не только новый образ жизни, но и этос, подходящий для жизни в анархическом обществе.

Школа, которую они возвели в Арицкурене, — яркий символ этого. В Арицкурене и соседних деревнях живёт некоторое количество детей. Их окружение уже само по себе предоставляет изобилие возможностей для обучения, но желательна также и формальная система образования. Проект предоставляет возможности для внедрения альтернативных методов обучения, которые могут быть доступны для детей из всего региона.

Как показывает школа, автономные посёлки не вписываются в стереотип хипповской коммуны как эскапистской попытки создать утопию в микрокосме, вместо изменения реального мира. Несмотря на физическую изоляцию, эти поселения активно взаимодействуют с внешним миром и социальными движениями, борющимися за его изменение. Жители делятся своим опытом по созданию устойчивых коллективов с другими анархистскими и автономными коллективами страны. Многие люди делят свой год между поселением и городом, уравнивая более утопическую жизнь с участием в текущей борьбе. Поселения также служат убежищами для активистов, отдыхающих от полной стрессов городской жизни. Многие поселения занимаются проектами, которые вовлекают их в социальную активность. Например, одно автономное поселение в Италии предоставляет спокойную базу для группы, которая занимается переводами радикальных текстов. Аналогично, поселения около Итоиса принимали решающее участие в двадцатилетнем сопротивлении строительству гидроэлектростанции в их районе.

В последние почти десять лет, начиная с захвата Ралы, что под Арицкуреном, автономные поселения округа Итоис создали сеть, обмениваясь инструментами, материалами, опытом, едой, семенами и другими ресурсами. Периодически они общаются, чтобы обсудить взаимопомощь и общие проекты. Жители одного поселения ходят в гости к жителям другого, чтобы пообедать, поболтать и, возможно, ещё донести десяток кустов малины. Они также принимают участие в ежегодных встречах, которые собирают автономные общины со всей Испании для того, чтобы обсудить процесс создания устойчивых коллективов. Здесь каждая группа рассказывает о проблеме, которую они не могут разрешить (например, распределение обязанностей или принятие решений методом консенсуса на практике). Затем каждый из них выступает посредником, в то время как другой коллектив обсуждает свою проблему — желательно такую проблему, опыт в решении которой есть у группы-посредника.

Поселения Итоиса замечательны, но не уникальны. Восточнее, в Арагонских Пиренеях, в горах Ла Солана, есть почти два десятка заброшенных деревень. На момент написания этого текста семь из них были вновь заселены. Сеть между ними всё ещё на неформальном уровне, и во многих деревнях на раннем этапе их обновления живёт всего по несколько человек. Но каждый год туда приезжает большее количество людей, и вскоре тут может возникнуть даже более крупная плеяда сельских поселений, чем в Итоисе. Многие из этих поселений поддерживают плотные связи со сквоттерским движением Барселоны и всегда готовы принять людей, которые хотят приехать, помочь или даже обосноваться там.

При определённых обстоятельствах сообщество может получить автономию для построения новой формы общежития, купив землю, а не захватив её. Хотя этот путь

может быть более безопасен, он также создаёт необходимость зарабатывания денег для того, чтобы выжить, но это давление всё же не является фатальным. Лонго Май — это сеть кооперативов и автономных поселений, которая зародилась в Базеле, Швейцария, в 1972 г. Название по-провансальски означает «пусть это длится долго», и с тех пор они и живут в соответствии со своим эпонимом. Первыми кооперативами Лонго Май являются фермы Le Pigeonnier, Grange neuve и St. Hippolyte, расположенные рядом с посёлком Лиманс (Limans) в Провансе. Здесь 80 взрослых и множество детей живут на трехстах гектарах земли, где они занимаются земледелием, садоводством и скотоводством. Они держат 400 овец, домашнюю птицу, кроликов, пчёл и упряжных лошадей. Действуют гараж, кузница, пилорама, плотницкая и ткацкая мастерские. Альтернативная радиостанция кооператива «Радио Зинзин» выходит в эфир уже 25 лет (на 2007 год). Сотни молодых людей прошли через кооператив или помогали ему, тем самым обучаясь новым навыкам и часто впервые имея контакт с коммунитарной жизнью или неиндустриальным сельским хозяйством и производством.

С 1976 г. Лонго Май использует кооперативную прядильную фабрику в Чантемерле, что во французских Альпах. Используя натуральные красители и шерсть от 10 000 овец, по большей части местных, они производят свитера, рубашки, холст и полотно для прямой продажи. Кооператив основал профсоюз «АТЕЛЬЕ» («ATELIER»), сеть животноводов и шерстопрядильщиков. Фабрика обеспечена собственным электричеством при помощи малой ГЭС.

Также во Франции, рядом с Арлес, на двадцати гектарах земли расположился кооператив Mas de Granier. Он заготавливает сено и растит оливковые деревья, в хорошие годы производя масло не только для себя, но и для других кооперативов Лонго Май. Три гектара выделено для выращивания органических овощей, которые еженедельно доставляются к заказчикам из других коммун. Некоторая часть овощей закатывается в банки в виде консервов на кооперативном заводике. Также они выращивают зерно, чтобы печь хлеб, делать пасту и кормить животных.

В Закарпатской области Украины Зелёный Хай, небольшая община Лонго Май, зародилась после распада Советского Союза. Здесь они создали языковую школу, плотницкую мастерскую, скотоводческую ферму и молокозавод. Также у них есть свой коллектив, исполняющий традиционную музыку. Сеть Лонго Май использовала свои ресурсы для помощи созданию кооператива в Коста-Рике в 1978 г., который предоставил землю четырёмстам безземельным крестьянам, бежавшим от гражданской войны в Никарагуа, позволив им создать новую общину и обеспечить себя. Также кооперативы Лонго Май есть в Германии, Австрии и Швейцарии. Они производят вино, занимаются строительством из местных экологических материалов, организуют школы и т. п. В Базеле они содержат офисное здание, служащее как координационная точка, информационный узел и центр для посетителей.

Призыв к созданию сети кооперативов, изданный в Базеле в 1972 г., содержит в себе следующее:

«Чего вы ожидаете от нас? Что мы ради того, чтобы не стать изгоями, примем несправедливость и безумные жестокости этого мира без надежды или ожиданий?

Мы отказываемся продолжать эту войну, в которой нельзя победить. Мы отказываемся играть в игру, которая уже проиграна, в игру, единственным результатом

которой является наша криминализация. Индустриальное общество, без сомнения, идёт к собственной гибели, и мы не желаем в этом участвовать.

Мы предпочитаем искать пути к строительству собственных жизней, созданию нашего собственного пространства, того, для чего нет места в этом циничном капиталистическом мире. Мы можем найти достаточно места в экономически и социально депрессивных районах, откуда молодёжь уезжает во всё большем количестве и остаются только те, кто не имеет другого выбора»³⁹.

По мере того, как у капиталистического сельского хозяйства всё хуже получается прокормить мир, в связи с катастрофами, вызванными изменением климата и загрязнением, почти неизбежным видится то, что большое количество людей будет вынуждено вернуться назад на землю, чтобы создать местные устойчивые формы сельского хозяйства. В то же время обитатели городов должны понимать, откуда приходит их пища и вода. Один из способов осознания этого — поехать в поселение, чтобы посмотреть и помочь.

Революция, состоящая из множества революций

Многие думают, что революции всегда проходят трагический путь от надежды к предательству. Конечным результатом революций в России, Китае, Алжире, на Кубе, во Вьетнаме и где бы то ни было ещё явилось установление нового авторитарного режима. Некоторые были даже хуже предыдущих, а другие — почти неотличимы от них. Но главные революции XX века были организованы авторитариями, собирающимися создать новое правительство, а не уничтожить его. Сейчас очевидно (если ранее не было), что правительства всегда поддерживают деспотичный социальный порядок.

Но в истории полно доказательств того, что люди могут свергнуть своих угнетателей без того, чтобы найти им замену. Для этого им нужно обратиться к эгалитарной культуре: явно антиавторитарным целям, структурам и средствам и эгалитарной этике. Революционное движение должно отказаться от всех возможных правительств и реформ так, чтобы невозможно было их восстановить, как это произошло в Кабилии и Албании. Оно должно быть организовано гибким горизонтальным образом, гарантирующим, что власть не будет навсегда делегирована лидерам или закреплена за формальной организацией, как это было с CNT в Испании. В конце концов, оно должно принять во внимание то, что восстания вовлекают разные стратегии и разных участников. Это множество использует с выгодой для себя коммуникации и координацию, но оно не должно быть гомогенизированным или контролироваться из центра. Такие стандартизация и централизация ни желательны, ни необходимы; децентрализованная борьба, какую, например, ведут Лакота или сквотеры Берлина и Гамбурга, доказала эффективность в преобладании над более медленными силами государства.

Новый идеал может появиться в процессе сопротивления, когда мы найдём общую почву для сотрудничества с незнакомцами и осознаём нашу собственную силу. Он

---

³⁹ «Longo Mai», Buiten de Orde, Summer 2008, p. 38.

также может подпитываться от окружающей среды, которую мы выстроим для себя. В действительности, идеал освобождения — не только новая система ценностей, но и новый подход к отношениям между людьми и их культурой; нужно, чтобы люди отошли от пассивного потребления культуры в сторону участия в её создании и реинтерпретации. В этом смысле революционная борьба против иерархии никогда не заканчивается — она тянется от одного поколения к другому.

Чтобы быть успешной, революция должна произойти на многих фронтах сразу. Не получится уничтожить капитализм, оставив государство и патриархат нетронутыми. Успешная революция должна состоять из многих революций, совершённых различными людьми, использующими различные стратегии, уважающими автономию друг друга и строящими солидарность. Это не произойдёт за одну ночь, а в течение серии столкновений, где каждый расширяет достижения предыдущих.

Неудачные революции не являются проигрышем, если люди всё ещё продолжают надеяться. Книгу о народном восстании в Аргентине двое английских активистов завершают словами пикетчика из Солано:

«Думаю, что декабрь 2001 г. не был ни упущенной возможностью для революции, ни неудавшейся революцией. Это было и это есть часть продолжающегося здесь революционного процесса. Мы извлекли много уроков о коллективной организации и силе, о барьерах для самоорганизации. Многие изумились, увидев то, что мы можем сделать вместе и что, взяв контроль над своими жизнями и действуя совместно (будь то часть деятельности пикетера, пекарни или продлёнки), мы улучшаем качество нашей жизни. Если борьба останется автономной, во время следующего восстания у людей будут „прочные фундаменты для строительства“»⁴⁰.

Рекомендуемая литература

1. Dee Brown «Bury My Heart at Wounded Knee», New York: Holt, Rinehart & Winston, 1970.
2. Diana Denham, C.A.S.A. Collective (eds.) «Teaching Rebellion: Stories from the Grassroots Mobilization in Oaxaca», Oakland: PM Press, 2008.
3. Alexandre Skirda «Nestor Makhno, Anarchy's Cossack: The Struggle for Free Soviets in the Ukraine 1917-1921», London: AK Press, 2005.
4. John Jordan, Jennifer Whitney «Que Se Vayan Todos: Argentina's Popular Rebellion», Montreal: Kersplebedeb, 2003.
5. Jaime Semprun «Apologie pour l'Insurrection Algérienne», Paris: Editions de L'Encyclopédie des Nuisances, 2001⁴¹.

---

⁴⁰ Natasha Gordon, Paul Chatterton «Taking Back Control: A Journey through Argentina's Popular Uprising», Leeds (UK): University of Leeds, 2004.

⁴¹ Для тех, кто не читает по-французски или испански, в 2004 г. Firestarter Press выпустил неплохой журнал об инсurreкции «Ты не можешь убить нас — мы уже мертвы. Продолжающееся народное алжирское восстание» («You Cannot Kill Us, We Are Already Dead.» Algeria's Ongoing Popular Uprising).

6. George Orwell «Homage to Catalonia», London: Martin Secker & Warburg Ltd., 1938.
7. George Katsiaficas «The Subversion of Politics: European Autonomous Social Movements and the Decolonization of Everyday Life». Oakland: AK Press, 2006.
8. A. G. Grauwacke «Autonome in Bewegung», Berlin: Assoziation A, 2008.
9. Leanne Simpson, ed. «Lighting the Eighth Fire: The Liberation, Resurgence, and Protection of Indigenous Nations», Winnipeg: Arbeiter Ring, 2008.

Соседские сообщества

Так как анархизм противостоит доминированию и обязательной регламентации, анархическая революция не создаст полностью анархистский мир. Анархистским сообществам будет необходимо найти пути мирного сосуществования с соседними сообществами, защищаясь от авторитарных соседей и поддерживая импульсы освобождения в сообществах с угнетающими динамиками.

Может ли анархистское общество защитить себя от авторитарных соседей?

Некоторые люди считают, что анархистская революция будет бессмысленна, так как антиавторитарное сообщество будет быстро завоёвано авторитарными соседями. Конечно, анархистская революция не является национальным делом в рамках свержения государства. Смысл не в создании небольшого пространства свободы, где мы могли бы спрятаться или куда могли бы уйти на пенсию, а в отмене системы рабства и доминирования во всемирном масштабе. Так как некоторые регионы могут освободиться раньше других, остаётся вопрос — будет ли анархистское общество в безопасности от авторитарных соседей.

На самом деле, ответ на этот вопрос — нет. Государство и капитализм по своей сути империалистичны, и они всегда будут стараться захватить соседей и унифицировать свои правила: в иерархическом обществе элита уже находится в состоянии войны с собственным простонародьем, и они развивают эту логику, перенося на свои отношения с остальным миром, который становится для них не более чем бассейном с ресурсами, доступными для добычи и использования в качестве преимуществ в непрекращающейся войне. Анархистские сообщества тем временем призывают к революции в авторитарном обществе как через солидарность с повстанцами этого общества, так и показывая подрывной пример свободы, давая понять подчинённым государства, что им не обязательно жить в страхе и покорности. Таким образом, по сути, ни одно из этих обществ не будет в безопасности друг от друга. Но анархистское сообщество никаким образом не будет беззащитным.

Анархистское сообщество Южной Украины в конце Первой мировой было большой угрозой для Германской и Австрийской империй, Белой армии, недолго просуществовавшего национального украинского государства и Советской России. Добровольная милиция махновщины вдохновила к дезертирству значительные кадры авторитарной Красной армии, прогнала австро-германцев и националистов, пытавшихся захватить землю, и помогла в разгроме Белой армии. Особенно примечательно то, что почти все повстанцы были вооружены захваченными у врага оружием и боеприпасами. Координируя силы, достигавшие десятков тысяч, анархисты часто

сражались на нескольких фронтах и меняли фронтовую тактику на партизанскую с гибкостью, недоступной регулярной армии. Несмотря на постоянное превосходство противника, они защищали свою землю несколько лет. В двух решающих битвах под Перегоновкой и Перекопом махновская милиция разгромила большую белую армию, которую обеспечивали западные правительства.

«Исключительная мобильность и набор хитрых трюков составляли основу тактики Махно. Верхом и на тачанках с пулемётами его люди стремительно носились по бескрайним степям между Днепром и Азовским морем. Они время от времени сливались в небольшую армию, мощными наскоками вселяя ужас в сердца своих противников. В то же время независимые партизанские отряды беспрекословно подчинялись командам Махно и воевали под его чёрным знаменем весьма успешно. Деревенские жители охотно снабжали его продовольствием и свежими лошадьми, что позволяло махновцам без труда покрывать по 60-80 километров в день. Они могли совершенно внезапно возникнуть там, где их меньше всего ждали, напасть на помещиков, разгромить военные гарнизоны и исчезнуть столь же стремительно, как и появились. Когда преследователи загоняли махновцев в угол, они закапывали оружие, поодиночке возвращались в свои деревни, принимались за полевые работы и лишь ждали очередного сигнала, чтобы извлечь из земли другой мешок с оружием и совершить очередной неожиданный и дерзкий налёт. По словам Виктора Сержа, бойцы Махно обладали “поистине эпическими способностями собираться и вступать в бой”»¹.

После того, как их предполагаемые союзники — большевики — попытались ввести бюрократический контроль над Южной Украиной, в то время как махновцы сражались на фронте, они успешно вели партизанскую войну против огромной Красной армии в течение двух лет при поддержке народа. Поражение украинских анархистов демонстрирует необходимость в более сильной международной солидарности. Если бы остальные восстания против большевиков были лучше скоординированы, то, возможно, у них не было бы возможности сконцентрировать столько мощи против анархистов на Украине — как и если бы либертарные социалисты в других странах распространяли новости о большевистских репрессиях вместо выступлений в поддержку Ленина. Антиавторитарное восстание способно защитить себя от правительства, против которого оно борется, и нескольких соседних правительств, но не против правительств всего мира. Глобальные репрессии должны быть встречены глобальным сопротивлением. К счастью, глобализация касается не только капитала, но и народных сетей; наша способность создавать международные движения и быстро действовать, проявляя солидарность с движением на другом конце света сильнее, чем когда-либо.

В некоторых частях доколониальной Африки анархистские сообщества веками были способны уживаться бок о бок с «хищными государствами», потому что ландшафт и технология способствовали «защитной тактике с помощью лука и стрел — самого „демократического“ оружия ведения боя, когда-либо придуманного»². Семиноль-

---

¹ Paul Avrich «The Russian Anarchists», Oakland: AK Press, p. 212-213.

² Harold Barclay «People Without Government: An Anthropology of Anarchy», London: Kahn and Averill, 1982, p. 57.

ские³ племена Флориды представляют собой вдохновляющий пример безгосударственного анархистского общества, существовавшего вопреки усилиям чрезвычайно сильного и технологически развитого соседнего государства, население которого было больше в тысячи раз по численности. Семинолы, что значит «беглецы», состояли из нескольких местных племён, в основном из Крики, спасающихся от геноцида в юго-восточной части территории, которую белые решили назвать Соединёнными Штатами Америки. Семинолы включали в себя значительное число африканских рабов и даже несколько белых европейцев, бежавших от угнетающего общества Соединённых Штатов.

Открытость семинолов демонстрирует то, как коренные жители Америки относились к племенам и народам, — скорее, как к добровольным ассоциациям в рамках сообщества, нежели как к ограничивающим этническим/наследственным категориям, предполагаемым западной цивилизацией. Семинолы называют себя «непокорённым народом», потому что они так и не подписали мирный договор с колонизаторами. Они выжили в ряде войн, начатых против них Соединёнными Штатами, убив 1 500 солдат США и неизвестное количество ополченцев. Во вторую Семинольскую Войну с 1835 по 1842 гг. тысяча воинов семинолов использовали в Эверглейдсе партизанскую тактику с сокрушающим эффектом, несмотря на то, что им противостояли 9 000 профессиональных хорошо оснащённых солдат. Война стоила правительству США 20 миллионов долларов — огромная сумма для того времени. К концу войны правительство США смогло изгнать большую часть семинолов в Оклахому, но прекратило попытки захватить оставшиеся группы, которые так никогда и не сдались и продолжали жить свободно от правительства на протяжении десятилетий.

Мапуче — большая группа коренных жителей территории, занятой на данный момент Чили и Аргентиной. Традиционно они принимали решения консенсусом и имели минимум иерархии. Отсутствие какого-либо государственного аппарата не помешало им защитить самих себя. Ещё до европейского вторжения они успешно защищали себя от своих иерархических соседей инков, которые по европейским стандартам были куда более развитыми. Во время испанских завоеваний инки быстро пали, но земли мапуче стали известны как «испанское кладбище». После того, как мапуче победили конкистадоров в серии войн, растянувшихся на сотни лет, Испания подписала Киллинский договор, признав независимость их народа и своё поражение в их завоевании. Независимость мапуче была признана в ещё 28 последующих договорах.

В войне против Испании мапуче объединялись под предводительством избираемых военных лидеров (Таqui, или «носители топора»). В отличие от военных, группы мапуче сохраняли автономию и сражались добровольно, а не по принуждению. Это

---

³ Семинолы (англ. Seminole) — индейское племя, происходящее из Флориды, ныне также проживающее на территории Оклахомы. Племя возникло в начале XVIII века в результате объединения индейцев (в основном крикского происхождения), проживавших на территории современных штатов Джорджия, Миссисипи и Алабама, а также беглых негров-рабов из Южной Каролины и Джорджии. В середине XIX века большинство семинолов было насильственно переселено американским правительством из Флориды в индейскую резервацию в Оклахоме. Небольшая часть племени, от 300 до 500 человек, осталась на юге Флориды, в Эверглейдс, и оказывала ожесточённое сопротивление армии США, потерявшей в боях с семинолами около 1 500 солдат. Флоридские семинолы так и не сдались белым американцам и гордо именуют себя «Непокорённым народом», они являются единственным индей-

отсутствие иерархии и принуждения оказалось военным преимуществом мапуче. По всей Америке иерархически ориентированные коренные народы, вроде инков и ацтеков, сдавались после потери лидера или столицы. Они были также ослаблены атаками со стороны мстящих врагов, которых они нажили, завоёвывая соседние племена ещё до прибытия европейцев. Анархистские коренные группы в основном были наиболее приспособлены к ведению повстанческой борьбы против захватчиков.

В 1860-1865 гг. на мапуче нападали и пытались «усмирить» чилийское и аргентинское государства — геноцид, унёсший сотни тысяч жизней. Захватчики начали процесс искоренения языка мапуче и христианизации завоёванных людей. Но сопротивление мапуче продолжилось, и благодаря этому несколько сообществ мапуче сегодня наслаждаются определённой степенью автономии. Их сопротивление остаётся угрозой чилийскому государству; на момент написания книги некоторые мапуче находились в тюрьмах, будучи арестованными на основе антитеррористических законов, принятых в эру Пиночета, за нападения на лесные плантации и медные рудники, которые уничтожали плодородную землю.

Ожесточённое сопротивление коренных жителей не было единственным барьером на пути колониализма. Феномен насильственного переправления ресурсов из Америки в Европу породил долгую и гордую традицию грабежа, сеявшего страх в сердцах торговцев, перевозивших золото и рабов. Такие писатели, как Даниель Дефо и Питер Ламборн Уилсон, изображали пиратство как борьбу с христианским миром, капитализмом и его предшественниками — меркантилизмом и государством. Пиратские республики представляли постоянную угрозу сложившемуся порядку — нарушители глобального колониального грабежа, подстрекатели восстаний рабов, беженцы, к которым могли убежать низшие классы и начать войну против своих формальных хозяев. В пиратской республике Сале, вблизи нынешней столицы Марокко, была использована представительская демократия за столетие до Французской революции. На Карибах многие из беглецов присоединились к остаткам коренных сообществ и приняли их эгалитарные структуры. Этот социальный класс пиратов также во многом состоял из протоанархистских социальных революционеров, таких как левеллеры, диггеры и рантеры, изгнанных из английских исправительных колоний в Новый Мир. Многие пиратские капитаны избирались и могли быть отозваны в любой момент.

«Власти обычно были шокированы их либертарными тенденциями; голландский губернатор Маврикии встретил пиратский экипаж и так прокомментировал это: „Каждый имел право высказываться не меньше, чем капитан, и каждый носил своё оружие у себя за пазухой“. Подобное сильно угрожало порядку европейского общества, где огнестрельное оружие было привилегией высшего класса, и сильно контрастировало с торговыми кораблями, где всё, что можно было использовать как оружие, хранилось под замком, а также и с военно-морским флотом, где основной целью морской пехоты на военных кораблях было удержание экипажа на своих местах»⁴.

ским племенем, не подписавшим формального мирного договора с США. В то же время семиналы входят в состав «Пяти цивилизованных племён». — прим. пер.

⁴ «Pirate Utopias», Do or Die, No. 8, 1999, pp. 63-78.

Пиратские сообщества также культивировали и большее гендерное равенство, а часть пиратских капитанов были женщинами. Многие пираты считали себя Робин Гудами, и лишь немногие относили себя к какому-либо государству. В то время, как одни пираты вовлекались в стратегию меркантилизма, продавая украденные товары покупателям, готовым заплатить наибольшую цену, или даже участвуя в работоторговле, другие пираты составили раннюю силу аболиционизма, помогая восстаниям рабов и привлекая многих бывших рабов. Власти колоний Северной Америки, таких как Вирджиния, были обеспокоены связью между пиратством и восстаниями рабов. Страх побега рабов к пиратам и грабежа своих бывших хозяев, а также межрасовых восстаний побудил колониальные власти к принятию законов, наказывающих межрасовые связи. Эти законы были первыми юридическими попытками институционализации сегрегации и распространения расизма среди белого простонародья.

По всем Карибам и остальному миру освобождённые пиратские анклавные процветали годами, хотя их существование и покрыто пеленой тайны. Факт того, что эти пиратские сообщества были широко распространены и долгое время доставляли проблемы империалистическим силам, и то, что многие из них были шокирующе либертарны, задокументированы, но достаточной информации нет, так как пираты существовали в состоянии войны с теми, кто записывал историю. Само существование самой хорошо описанной пиратской утопии, честной республики Либерталии, или, в альтернативных источниках, Либертатии, ставится под сомнение. Многие эпизоды её истории признаны выдумкой, но некоторые считают, что и сама Либертатия была выдумкой, в то время как другие думают, что её легендарный создатель капитан Джеймс Миссон был легендой, а само поселение существовало⁵.

Разрастающиеся флоты Великобритании и Соединённых Штатов, в конце концов, уничтожили пиратство в XIX веке, но в XVII и XVIII веках пиратство представляло собой сильное безгосударственное общество, которое вело войну против империализма и правительства и вдохновило тысячи людей освободиться в те времена, когда западная цивилизация превзошла все предыдущие формы варварства в мировой истории.

Что мы будем делать с сообществами, остающимися патриархальными или расистскими?

Анархизм делает акцент на автономии и местных действиях, но не является изоляционистской или провинциальной тенденцией. Анархистское движение всегда интересовалось глобальными вопросами и поддерживало в том числе сражения,

---

⁵ Либерталия — вымышленное государство пиратов, описанное в книге Чарльза Джонсона «Всеобщая история пиратов», вышедшей в Англии 1724 году. По преданию оно существовало в северной части Мадагаскара на протяжении двух-трёх десятилетий. Долгое время многие считали Либерталию реально существовавшим государством, однако сомнения в её подлинности оставались, поскольку единственным источником информации о ней была книга Джонсона. К тому же в архивных списках Морского министерства Великобритании капитан Чарльз Джонсон не числится. В 1932 году американский литературовед Джон Роберт Мур опубликовал статью, посвящённую анализу «Всеобщей истории пиратов», где доказал, что Чарльз Джонсон — псевдоним английского писателя Даниеля Дефо, а сама Либерталия — художественный вымысел. — прим. пер.

происходящие где-то далеко. В то время как правительства также заявляют о своей озабоченности проблемами в других частях света, анархизм отличается своим отрицанием навязывания решений. Государственная пропаганда заявляет о необходимости мирового правительства для освобождения людей в деспотических сообществах, даже когда ООН, НАТО, США и другие институты продолжают взращивать угнетение и влезать в войны для поддержания иерархического мирового порядка⁶.

Анархистский подход (как локальный, так и глобальный) основан на автономии и солидарности. Если бы соседние сообщества были патриархальными, или расистскими, или основанными на угнетении в том или ином виде, анархистская культура была бы способна предложить ряд возможных решений помимо апатии и «освобождения» с помощью силы. Во всех деспотических сообществах можно найти людей, борющихся за собственную свободу. Куда реалистичней и эффективней поддерживать таких людей, нежели пытаться принести освобождение в виде миссионерских «хороших новостей».

Когда Эмма Гольдман, Александр Беркман, Молли Штеймер и прочие анархисты были депортированы из США в Россию и обнаружили там созданное большевиками государство угнетения, они распространили информацию по всем миру, чтобы вдохновить людей на протесты против большевиков и поддержать многих анархистских и прочих политических заключённых. Они работали с Анархическим Чёрным Крестом — организацией поддержки политических заключённых с отделениями по всему миру, оказывающей поддержку политическим заключённым в России или где-либо ещё. В нескольких случаях организованная ими международная поддержка и солидарность оказали давление на Ленина, который в результате временно прекратил репрессии против политических оппонентов и освободил политических заключённых.

Анархический Чёрный Крест, который вначале назывался Анархическим Красным Крестом, был создан в России во время поражения революции 1905 г. для помощи тем, кто пострадал от правительственной реакции. В 1907 г. его международные отделения открылись в Лондоне и Нью-Йорке. Организованная ими международная солидарность помогала сохранять жизни заключённым анархистам, а некоторым бежать. В результате в 1917 г. революционное движение в России было сильнее, имело больше международных связей и было лучше оснащено для свержения царского правительства.

Революционная Ассоциация Женщин Афганистана (RAWA), основанная в Кабуле в 1977 г., боролась за женское освобождение от исламского фундаментализма, а также и против СССР, который был ответственен за убийство основателя RAWA в Пакистане в 1987 г. После борьбы с советской оккупацией и Талибаном они начали противостоять Северному Альянсу, пришедшему к власти при поддержке США. После

---

⁶ Приведу один пример: гуманитарные миссии ООН неоднократно были пойманы за организацией торговли сексуальными услугами в странах, в которых они базировались для миротворчества. «Но проблема выходит за пределы Косово и секс-торговли. Кажется, везде, где в последнее время действовала ООН, имели место многочисленные изнасилования женщин», — Майкл Дж. Джордан «Сексуальные обвинения преследуют силы ООН» (Michael J. Jordan «Sex Charges haunt UN forces»), *Christian Science Monitor*, 26 ноября 2004. Но СМИ не могут признать, что данная ситуация характерна для любых военных сил, вне зависимости от того, носят ли они голубые каски или нет.

выживания в серии отчаянных ситуаций они всё ещё крепки в своей вере в то, что освобождение может прийти только изнутри. Даже во время угнетения талибами они противостояли вторжению США в 2001 г., заявляя, что если Запад действительно хочет освободить Афганистан, то ему надо поддерживать афганские группы, которые сами борются за освобождение. Их предположения оказались правдой, так как афганские женщины встретились со множеством тех же проблем, которые существовали во время правления талибов. По заявлению RAWA: «RAWA верит, что свобода и демократия не могут быть пожертвованы; долгом жителей этой страны является борьба и достижение этих ценностей»⁷.

Что предотвратит постоянные конфликты и междоусобицы?

В государственном обществе кризис военных конфликтов привёл к гонке объединений на постоянно повышающемся уровне и, в конце концов, к мировому правительству. Эти попытки явно были безуспешны, в конце концов, война — показатель здоровья государства, но успех в этой модели не является даже желанным. Глобальное правительство стремится к мировой оккупации, а не к всеобщему миру. Взять, к примеру, Палестину: из-за того, что именно там развиваются военные технологии, которые позже осваивают американские военные и правительство, оккупация перерастает в видимую войну только раз в несколько лет, но захватчики ведут постоянную борьбу в невидимой войне для сохранения и расширения своего контроля посредством СМИ, школ, криминальной системы правосудия, транспортной системы, рекламы, временных мер, слежки и секретных операций. И лишь тогда, когда палестинцы наносят ответный удар, и войну уже нельзя просто так игнорировать, ООН и гуманитарные организации начинают действовать — не для исправления прошлых и текущих ошибок, а для возвращения к иллюзии мира и создания обстановки, когда правильные вопросы никогда не будут заданы. Таким же образом, но менее интенсивно, ведётся невидимая война с коренными народами, иммигрантами, этническими меньшинствами, бедными, рабочими — со всеми, кого колонизировали или эксплуатируют.

В безгосударственных малых сообществах прошлого конфликты были распространены, но они не были всеобщими и во многих своих проявлениях не были особо кровавы. Некоторые безгосударственные сообщества никогда не участвовали в войне. Мир — это выбор, и они выбрали его через понимание значимости совместного урегулирования конфликтов и воспитанного поведения. Другие безгосударственные сообщества, которые были вовлечены в конфликты, обычно практиковали безвредные ритуалы. В некоторых случаях разница между спортивным состязанием и войной была не очевидна. Как описывается в некоторых антропологических наблюдениях, команды или военные отряды двух разных общин встречались на определённой территории для сражения. Целью было не уничтожение противника и даже не убийство кого-то. Кто-то с одной стороны бросал копье или выстреливал из

---

⁷ «About RAWA», <http://www.rawa.org/rawa.html>. Просмотрено 22 июня 2007 г.

лука, и всё ждали — попадёт в кого-то стрела или копье, и только после этого вторая сторона бросала копье. Обычно они расходились по домам, если кого-то ранило или даже раньше. В конфликтах, практикуемых лакота и другими индейцами равнин Северной Америки, было куда более почётно дотронуться до врага палкой — «засчитанный удар», — нежели убить его. Другой формой войны были простые набеги — разрушение или обворовывание соседних общин с попыткой скрыться до того, как разразится конфликт. Если эти хаотичные конфликты были войной анархистского общества, то насколько они предпочтительнее холодных механических кровавых бань государства!

Но сообщества, которые не хотят воевать с соседями, могут создать инфраструктуру для предотвращения этого. Отсутствие границ — первый важный шаг. Обычно мы можем добраться до правды, просто перевернув логические обоснования государства, и пункт о защищающих нас границах может быть переведён: границы угрожают нам. Если возникает социальный конфликт, насилие куда быстрее появится там, где есть «мы» и «они». Чёткое социальное разделение и границы предотвращают взаимодействие и взаимопонимание и вдохновляют на соревнования и поляризацию.

Антрополог-анархист Гарольд Барклей описывает некоторые сообщества, в которых индивидуумы связаны друг с другом сетью, возникающей из родства, супружества, кланового членства и т. д.:

«У нас есть примеры анархистского общественного устройства [...] исчисляемого сотнями тысяч и плотностью населения более 100 человек на квадратный километр. Такой общественный строй может быть достигнут через сегментируемую систему поколений, которая, как мы уже увидели, имеет определённую связь с анархистским понятием федерализма. Так, например, у тонга и некоторых восточно-африканских фермеров большие популяции могут быть объединены более сложными отношениями, которые в свою очередь создают связь индивидуума с некоторым количеством пересекающихся и разделяющихся групп для усиления социальных связей на большом пространстве. Другими словами, индивидуумы и группы создают множество связанных очагов, образующих объединение многих людей, но без реальной централизованной координации»⁸.

В дополнение к этой самобалансирующейся собственности основанных на кооперации сообществ некоторые безгосударственные народы выработали ещё кое-какие механизмы для предотвращения междоусобиц. Аборигены марду Западной Австралии традиционно жили небольшими группами, но периодически встречались для массовых собраний, где разногласия между индивидуумами или группами решались на глазах всего сообщества. Таким образом, можно было избежать случаев длительных безотчётных конфликтов, и все были заинтересованы помогать в решении конфликта. Африканские конкомба и нуэр признавали двухстороннее родство и совместные экономические связи. Из-за того, что все были связаны со всеми, не было явных сторон конфликта, поддерживающих войну. Общепризнанное табу против раздора вдохновляло многих на мирное решение конфликтов. Антрополог Эванс Притчард описывал общество нуэр как «упорядоченную анархию».

---

⁸ Harold Barclay «People Without Government: An Anthropology of Anarchy», London: Kahn and Averill, 1982, p. 122.

Анархистское движение сегодня продолжает бороться с границами, которые разделяют капиталистический мир. Антиавторитарная антиграничная сеть была создана в Западной Европе в 1999 г. и с тех пор стала активна по всей Европе и в Турции, Северной Америке и Австралии. Антиграничная деятельность включает поддержку нелегальных иммигрантов, семинары о расизме, распространяемом государственными иммиграционными политиками, протесты против государственных представителей, авиакомпаний, занимающихся депортациями, и антиграничные лагеря на границах стран. В рамках кампании её участники насильно открыли пограничный переход между Испанией и Марокко, ворвались в детский центр временного содержания в Нидерландах для передачи помощи и общения, частично уничтожив оборудование центра, и саботировали итальянские компании, замешанные в депортации, закрыли центр временного содержания в Греции и освободили десятки иммигрантов из центра временного содержания в Австралии. Антиграничные лагеря собирают людей со многих стран для развития стратегий и дальнейших действий. Они обычно проходят на периферии расширяющихся зон «Первого Мира» — например, в Украине, на границе Греции и Болгарии или между США и Мексикой. Распространёнными лозунгами антиграничных протестов являются: «Нет границ, нет наций, хватит депортаций», «Свобода передвижения, свобода местожительства: право приезжать, право уезжать, право оставаться!», «Нелегальных людей не бывает!».

Анархистские сообщества стимулируют свободное создание взаимосвязанных сетей между соседями и сообществами. Эти сети могут включать материальный обмен, культурное взаимодействие, дружбу, семейные отношения и солидарность. Нет чёткой границы, где заканчивается какое-то сообщество и начинается другое, то есть, нет чётко обозначенных сторон в случае конфликта. Когда существует разногласие, конфликтные стороны будут иметь множество общих связей и многие будут загнаны между этих двух враждующих сторон. В культуре, которая поощряет соревнования и завоевания, они могут принять чью-то из сторон и уничтожить, таким образом, возможность примирения. Но если их культурные ценности — кооперация, консенсус и социальное взаимодействие, а их экономические взаимоотношения укрепляют эти ценности, то, скорее всего, они будут способствовать переговорам и миру между враждующими сторонами. Они могут делать подобное из-за личного желания мира, из-за обеспокоенности за состояние вовлечённых в конфликт людей или из-за собственного интереса, так как они тоже зависят от здоровья социальных сетей, столкнувшихся с проблемой. В подобных сообществах собственный интерес, интерес общества и идеалы невероятно взаимосвязаны, если сравнить с нашим с вами обществом.

На больших территориях или на территориях с разнообразным населением, где общепринятые культурные нормы этики и спонтанное разрешение споров не могут защитить от серьёзных конфликтов, сообщества могут создавать федерации или мирные соглашения. Один из примеров антиавторитарного мирного договора с куда большей продолжительностью, чем все существующие ныне договоры, — конфедерация ирокезов, которую обычно называют Лигой ирокезов. Ирокезы состоят из пяти народов, говорящих на одном и том же языке и проживающих на северной части территории, захваченной США, и южной части, ныне известной как канадские провинции Онтарио и Квебек.

Конфедерация была сформирована приблизительно 31 августа 1142 г.⁹ Она охватывала огромные территории, принимая во внимание, что единственными средствами транспорта были ноги и каноэ. Ирокезы были оседлыми земледельцами, которые жили при самой большой плотности населения на северо-востоке вплоть до XIX века, составлявшей приблизительно 200 человек на акр¹⁰. Общественно обрабатываемые земли окружали ограждённый стенами город. Пять племён — сенека, кайюга, онондага, онайда и мохоки — имели долгую историю конфликтов, включая войны за ресурсы. Конфедерация была крайне эффективна в борьбе с этим. Все факты свидетельствуют о том, что пять народов (а позже и шестой, тускарора, которые бежали от английской колонизации Каролины), прожили в мире более пятисот лет, даже во время направленного на геноцид европейского вторжения и торговли оружием и алкоголем за шкуры, которые привели многие прочие племена к междоусобицам. Федерация, в конце концов, во время Американской революции временно разделилась из-за разногласий по вопросу, кого поддержать для смягчения эффекта колонизации.

Коммунальная экономическая жизнь сыграла важную роль в способности пяти народов жить в мире; метафорой, обычно используемой для федерации, был сбор всех в одном доме и обед из одной миски. Все группы Федерации отправляли делегатов для встречи и обеспечения структуры общения, разрешения конфликтов и обсуждения отношений с соседними сообществами. Решения принимались консенсусом после обсуждения всеми сообществами.

Анархо-синдикалистское движение, появившееся в Европе, обладает вековым опытом создания международных федераций для обмена информацией и координации борьбы против капитализма. Эти федерации могут быть прямыми предшественниками глобальных структур, способствующих жизни в мире и предотвращающих конфликты. Международная Ассоциация Трудящихся (МАТ, или АИТ на испанском) включает в себя анархо-синдикалистские профсоюзы из 15 стран 4 континентов, и периодически проводит конгрессы, каждый раз в разных странах. МАТ была сформирована в 1922 г. и вначале включала миллионы членов. Несмотря на то, что большинство её профсоюзов были загнаны в подполье или изгнаны из своих стран во время Второй мировой, с тех пор она восстановилась и продолжает деятельность.

Сети, а не границы

С развитием национальных государств в Европе на протяжении нескольких сотен лет правительства пытались создать чувство общности внутри каждой нации на основе общего языка, общей культуры и общей истории — и всё это объединялось с

---

⁹ В ирокезских устных преданиях встречается именно эта дата, но белые расистские антропологи уменьшают срок и оценивают год образования Лиги как 1500 г. Некоторые даже предполагают, что Конституция пяти наций была написана с помощью европейцев. Но последние археологические данные и записи о совпадении солнечного затмения подтверждают верность устных преданий, доказывающих, что федерация была их собственным изобретением. Википедия, «The Iroquois League», http://en.wikipedia.org/wiki/Iroquois_League. Изучена автором 22 июня 2007 г.

¹⁰ Stephen Arthur «Where License Reigns With All Impunity:» An Anarchist Study of the Rotinonshón:ni Polity», *Northeastern Anarchist* No. 12, Winter 2007

<http://nefac.net/anarchiststudyofiroquois#greatpeace>.

общим правительством. Это искусственное сообщество служит для обучения людей самоидентификации, а тем самым и верности центральному правительству, для размыwania конфликта интересов низших слоёв и элиты, определяя их в одну команду и запутывая их при помощи отождествления хорошего состояния и славы правителей и хорошего состояния всех; также становится проще заставлять бедняков одной страны убивать бедняков другой, создавая психологическую дистанцию между ними.

При близком рассмотрении представление о том, что национальные государства основаны на общей культуре и истории, — просто обман. К примеру, Испания была создана при изгнании мавров и евреев. И даже вопреки этому без центростремительной силы, создаваемой государством, Испания бы не существовала. Не существует одного испанского языка, есть пять языков: каталанский, баскский, галисийский, кастильский и диалект арабского, развитый в Марокко и Андалузии. Если бы эти языки стали предметом изучения, то обнаружилось бы ещё больше ответвлений. Валенсийцы могут сказать, не без оснований, что их язык не одно и то же что и каталанский, но если вы попадёте в правительство в Барселоне, то вы увидите такое же ущемление валенсийского, как и ущемление каталанского языка испанским правительством.

Без усиленной гомогенизации национальных государств будет существовать ещё большее разнообразие, так как культуры и языки развиваются и перемешиваются друг с другом. Границы задерживают это культурное смешение, и, таким образом, развивают конфликты, закрепляя и оформляя сходства и различия. Границы не защищают людей; они являются средством, при помощи которого государства защищают свои владения, в том числе и нас. Когда границы передвигают в результате войны, победившее государство продвигается и заявляет о своих правах на новые территории, новые ресурсы и новых подчинённых. Мы являемся добычей — потенциальным пушечным мясом, налогоплательщиками и рабочими, — и границы являются стенами нашей тюрьмы.

Даже без границ могут существовать очевидные различия в организации общества — к примеру, кто-то может попытаться захватить соседа или сохранить ущемление женщин. Но децентрализованные безграницные общества всё равно могут защищать себя от агрессии. Общество с ясным чувством собственной автономии не нуждается в пересечении захватчиком какой-то невидимой линии, чтобы увидеть агрессию. Люди, борющиеся за свободу и собственные дома, сражаются бесстрашно и способны спонтанно организовываться. Если бы не было правительства, которое финансирует военные комплексы, то только сражающиеся в оборонительных кампаниях обычно пользовались бы преимуществами, следовательно, не было бы выгодно нападать. Когда европейские государства захватили остальную часть мира, они пользовались определёнными обманчивыми преимуществами, в том числе беспрецедентной плотностью населения и технологиями, которые их жертвы никогда не видели. Эти преимущества существовали в определённый исторический промежуток и более не актуальны. Общение теперь глобально, плотность населения и сопротивление болезням более распространены, а известные виды оружия, необходимые для ведения оборонительных военных действий против последних технологических новинок армии (штурмовые винтовки и взрывчатка), доступны почти во всех уголках плане-

ты и могут быть изготовлены в домашних условиях. В будущем без правительства агрессивные общества будут находиться в невыгодном положении.

Анархисты уничтожают границы сегодня посредством международных сетей, разрушающих национализм и борющихся в солидарности с иммигрантами, которые опрокидывают однородность национальных государств. Люди в приграничных территориях могут помочь уничтожить границы поддержкой нелегального пересечения границ или людей, которые пересекают границу нелегально, изучая язык, на котором говорят по другую сторону границы, и строя сообщества, которые не разделяют границы. Люди, находящиеся в глубине территорий, могут помочь как отказом в верности централизации, однородности культуры, так и развитием местной культуры, приветствуя мигрантов в своих общинах, распространяя знания и действуя в солидарности с борьбой в остальных уголках мира.

Рекомендуемая литература

1. Harold Barclay «People Without Government: An Anthropology of Anarchy», London: Kahn and Averill, 1982.
2. Starhawk «The Fifth Sacred Thing». New York, Bantam, 1993.
3. Stephen Arthur «“Where License Reigns With All Impunity:” An Anarchist Study of the Rotinoshón:ni Polity», Northeastern Anarchist No. 12, Winter 2007 <http://nefac.net/anarchiststudyofiroquois#greatpeace>.

Будущее

Мы сражаемся не только за наши собственные жизни, но также и за мир, который мы можем никогда и не увидеть.

Не появится ли государство вновь с течением времени?

Большинство примеров, приведённых в этой книге, больше не существует, и некоторые из них длились всего несколько лет. Безгосударственные общества и социальные эксперименты в большинстве своём были подчинены империалистическими державами или подавлены государствами. Но история также показывает, что революция возможна, и что революционная борьба не неизбежно ведёт к авторитаризму. Авторитарные революционные идеи, такие как социал-демократия или марксизм-ленинизм, были дискредитированы во всём мире. В то время как социалистические политические партии продолжают быть паразитами, сосущими жизненную энергию социальных движений, предсказуемо продавая своих избирателей каждый раз, когда они приходят к власти, различные сочетания горизонтальных, низовых, автономных структур и анархизма выходят на передний план во всех волнующих социальных восстаниях последнего времени — народные восстания в Алжире, Аргентине, Боливии и Мексике, автономии в Италии, Германии, Дании, студенты и бунтари в Греции, борьба фермеров в Корее и альтерглобалистское движение, объединившее страны по всему миру. Эти движения имеют шанс разрушить государство и капитализм во время кризисов грядущих лет.

Но некоторые люди боятся того, что даже если глобальная революция упразднит государство и капитализм, то со временем они неизбежно возникнут вновь. Это понятно, потому что государственное образование внушало нам веру в мифы о прогрессе и однолинейной истории — идеи о том, что есть только один глобальный путь, и он неизбежно ведёт к господству Западной цивилизации. На самом деле, никто в точности не знает, как развивалось и формировалось государство, но очевидно, что это не является ни неизбежным, ни необратимым процессом. Большинство обществ никогда добровольно не породили государство. Возможно, число обществ, развивавших государство, а затем отказавшихся от него, равно числу обществ, продолжавших поддерживать государство. С точки зрения этих обществ государство, скорее, является выбором или обманом, чем естественным развитием. Временная шкала, используемая нами, так же влияет на наше мнение. На протяжении десятков тысяч лет человечество не знало государства, и после того, как оно перестанет существовать, станет ясно, что государство — всего лишь отклонение, возникшее в нескольких частях мира, которое временно контролировало судьбу каждого человека на планете до того, как от него отказались.

Ещё одним заблуждением является то, что безгосударственные сообщества уязвимы для захвата агрессивными альфа-мужиками, которые провозглашают себя лидерами. Напротив, похоже, что общественная модель «бигмена»¹ никогда не приводила к государству, равно как и к вождям. Общества, позволяющие властвовать более талантливому или сильному человеку, как правило, игнорируют или убивают его до того, как он станет слишком авторитарным; и Большой Человек неспособен расширить своё влияние слишком широко как географически, так и социально. Физические характеристики, на которых основывается его лидерство, эфемерны, и в скором времени они исчезают или заменяются².

Очевидно, что государства постепенно развивались из традиционно принятых систем родства, которые связывают геронтократию (принцип управления, при котором власть принадлежит старейшим — прим. пер.) с патриархатом, — в течение поколений старшие мужчины получали больше уважения и обладали большим приоритетом как посредники в спорах и как советники. Лишь в самом конце этого процесса они стали обладать чем-то, напоминающим право на приведение в жизнь своих желаний. Мы должны помнить, что хотя люди постепенно и уступили большинство своих обязанностей, и предоставили определённым членам общества больше уважения, у них не было возможности заранее узнать о результатах своих действий, а это означает, что у них не было и способа узнать, насколько плохим может стать иерархическое общество. Как только социальная элита получила возможность управлять, возникла новая диалектика социального развития, и, по всей вероятности, в этот момент произошло создание государства, но оно всё ещё не являлось неизбежностью, потому что большинство оставалось социальной силой, способной убраться элиту или остановить данный процесс.

Современные общества с коллективной памятью о бюрократических методах организации социума могут перестроить государство гораздо быстрее, но у нас есть преимущество: мы знаем, куда ведёт этот путь, и как он начинается. После тяжёлой борьбы за свою свободу люди будут достаточно воодушевлены, чтобы остановить возрождение государства, если это будет происходить где-нибудь рядом с ними.

К счастью, анархистское общество является наградой само по себе. У многих безгосударственных обществ после начала эры колониализма была возможность присоединиться к иерархическому обществу, и, тем не менее, они продолжают сопротивляться этому всё так же, как, например, кунг,³ которые продолжают жить в пустыне Калахари, несмотря на усилия правительства Ботсваны «устроить» их.

Также есть примеры длительных антиавторитарных социальных экспериментов, которые процветают в рамках государства. В графстве Глостершир, Англия, в 1898 году на 40 акрах земли анархисты-толстовцы основали поселение Уайтвей (Whiteway). После того, как они купили землю, они сожгли свидетельство о собственности на

---

¹ Бигмен (англ. big man; big-man — большой человек) — термин, используемый в этнографической литературе для обозначения мужчин, пользующихся большим авторитетом и влиянием в своих общинах и фактически возглавляющих их. Бигмены влиятельны, главным образом, благодаря своим личным способностям. — прим. пер.

² Посмотрите, например, работу Дмитрия Бондаренко и Андрея Коротаева «Цивилизационные модели политогенеза». М.: Институт Африки РАН, 2002.

³ Кунг — племя бушменов, проживающих на территории Намибии, Ботсваны и Анголы — прим. пер.

конце вил. Соответственно, они должны были построить все свои дома сами, так как не могли получить ипотечные кредиты. Более ста лет спустя, эта пацифистско-анархистская коммуна всё ещё существует, и некоторые из нынешних жителей являются потомками основателей. Они принимают решения на Генеральной Ассамблее и имеют множество объектов общественного пользования. Время от времени Уайтвей предоставлял приют беженцам и отказникам от военной службы. Также коммуна содержит ряд совместных предприятий, таких как пекарня и ремесленное производство. Несмотря на внешнее давление капитализма и иерархических отношений, воспроизводимых государством, Уайтвей остаётся оплотом равноправия и антиавторитарности.

На противоположном Уайвею берегу Северного моря, в Аппелша, Фрислан (область на севере Нидерландов — прим. пер.), в 2008 году анархистская деревня праздновала своё 75-летие. В настоящее время деревня состоит из фургонов, домиков на колёсах и нескольких постоянных строений. Аппелша активна в анархистских и антимилиитаристских движениях с тех пор, как священник Домела Ньювенгуис (Domela Nieuwenhuis) покинул церковь и начал проповедовать атеизм и анархизм. После там начала собираться группа рабочих, и вскоре они приобрели землю, на которой каждую Пятидесятницу⁴ они проводят ежегодные анархистские встречи. Прислушиваясь к социалистическому движению трезвенников, которое считает алкоголь чумой, калечащей рабочих, и формой зависимости от работодателей, продающих спиртное в служебных магазинах, там проводят встречи, свободные от алкоголя. В 2008 году около 500 человек со всех концов Нидерландов, а так же Германии и Бельгии приняли участие в ежегодной анархистской встрече в Аппелши. Они присоединились к анархистам, живущим там круглый год, на время выходных для проведения семинаров и обсуждений по различным темам, таким как пацифизм, общественное движение защиты животных, антифашистская борьба, дискриминация по полу в рамках движения, психологическое благополучие, а также для обсуждения кампании, которая в 1992 году не допустила проведения Олимпийских Игр в Амстердаме. Также были детская программа, знакомство с длинной историей поселения, общественное питание и достаточно вдохновения в атмосфере встречи, что обещает принести следующее поколение анархизма в регионе.

Другие анархистские проекты также могут существовать сотни лет. Конкретные сообщества, общины и организации не должны быть изолированы «каменной стеной» — анархистам нет необходимости принимать какие-либо ограничительные меры, чтобы сохранить подобные пространства за счёт своих участников. Иногда лучшее, что сообщество или организация могут сделать для своих участников, — это позволить им идти дальше. Нет никаких наследственных привилегий или конституций, которые должны быть переданы потомству или запрограммированы в будущем. Предоставляя большую динамичность и изменчивость, анархистские общества могут существовать гораздо дольше.

---

⁴ Пятидесятница — название двух различных праздников: 1) в иудаизме — праздник Шавуот, отмечаемый на 50-й день после Песаха; 2) День Святой Троицы — праздник в православии и католичестве, отмечаемый на 50-й день после Пасхи; в протестантизме — день сошествия Духа Святого, описанный во 2-й главе Деяний Апостолов в Библии — прим. пер.

На протяжении всей человеческой истории большинство обществ были обществами коммунитарного и безгосударственного типа, многие из них существовали на протяжении тысячелетий, пока не были разрушены или завоёваны западной цивилизацией. Рост и мощь западной цивилизации не были неизбежными, они стали результатом определённых исторических процессов, возможно, зависящих от географических различий⁵. Военные успехи нашей цивилизации могут показаться доказательством её превосходства, но, даже при отсутствии сопротивления, проблемы, присущие нашей цивилизации, такие как исчезновение лесов и изменение климата, могут привести к её гибели, раскрывая её серьёзный недостаток с точки зрения устойчивости. Другие примеры неустойчивых иерархических обществ (от шумеров до острова Пасхи) показывают, как быстро общество, которое, кажется, находится на пике своего развития, может двигаться к коллапсу.

Представление о том, что государство неизбежно появится в течение некоторого времени, является ещё одной из безнадёжно европоцентристских фантазий, которые западная культура внушает людям. Множества коренных народов по всему миру никогда не развивали государственность, они процветали в течение тысяч лет, никогда не подчинялись, и, когда они, наконец, одержат победу над колониализмом, они сбросят с себя навязанную белыми культуру, включающую в себя государство и капитализм, и возродят свои традиционные культуры, которые они по-прежнему несут с собой. У многих коренных народов есть опыт сотен или даже тысяч лет контакта с государством, и они никогда добровольно не подчинялись государственной власти. Западные анархисты могут многому научиться у их постоянства, и все люди западного общества должны учитывать: государство не является неизбежным — это обман, и как только мы узнаем, как победить его навсегда, мы не позволим ему вернуться.

А как насчёт других проблем, которые мы не можем предвидеть?

Анархистские общества столкнутся с проблемами, которых мы не можем предвидеть в настоящее время. Также они будут сталкиваться с трудностями, с которыми можем столкнуться и мы, но мы неспособны решить их без исторической практики, обеспечиваемой революцией. Но одна из многих ошибок государства — невротическая гипотеза о том, что общество способно к совершенствованию, что возможно разработать проекты, предусматривающие все проблемы до их возникновения. Предпочтение законов вместо различных оценок от случая к случаю и здравого смысла, поддержка армии, предоставление полиции чрезвычайных полномочий на постоянной основе — всё это происходит от паранойи государственности.

Мы не можем связать непредвиденные обстоятельства жизни в программу, и мы не должны это делать. В анархистском обществе мы должны изобрести совершенно

---

⁵ Аргумент, что определённые сообщества смогли захватить мир из-за географических условий, а не из-за какого-то врождённого превосходства, умело представлен Джаредом Даймондом в книге «Ружья, Микробы и Сталь», АСТ, 2009 г.

новые решения для полностью непредсказуемых проблем. Получив такую возможность, мы сделаем это с радостью, пачкая руки в сложностях жизни, осознавая свой огромный потенциал и достигая новых уровней роста и зрелости. Мы никогда не должны снова упустить возможность решать свои собственные проблемы, сотрудничая с теми, кто нас окружает.

Заставляя анархию работать

Есть миллионы способов для атаки против взаимосвязанных структур власти и угнетения и для создания анархии. Только вы можете решить, какому пути следовать. Важно не допустить, чтобы ваши усилия оказались в каком-либо из каналов, встроенных в систему, предназначенных для восстановления её сил и нейтрализации сопротивления, таких как: требование перемен от политических партий вместо того, чтобы сделать это самостоятельно, или превращение ваших усилий и творений в предметы потребления, продукты или моду. Чтобы освободиться, мы должны вернуть себе контроль над каждым аспектом нашей жизни: нашей культурой, нашими развлечениями, нашими отношениями, нашим жильём, образованием и здравоохранением, защитой наших сообществ и производством пищи — всем. Не обособляясь в кампаниях вокруг одной проблемы, выясните, где лежат ваши собственные увлечения и навыки, какие проблемы касаются именно вас и вашего сообщества, и что вы можете сделать сами. В то же время оставайтесь в курсе того, что делают другие. Таким образом, вы сможете построить взаимно вдохновляющие отношения солидарности.

Возможно, уже есть антиавторитарные группы, активные в вашей области. Кроме того, вы могли бы организовать свою собственную группу; одна важная вещь заключается в том, что, чтобы быть анархистом, не нужно спрашивать на это разрешения. Если нет никого, с кем вы могли бы работать, возможно, вы могли бы стать следующим Робинот Гудом — эта позиция остаётся вакантной слишком долго! Или, если это слишком, начните с чего-нибудь меньшего, например, с граффити, распространения литературы или запуска относительно маленьких DIY проектов, пока вы не получите опыт и уверенность в собственных силах и не встретите других людей, которые захотят работать вместе с вами.

Анархия процветает в борьбе против доминирования, и везде, где существует угнетение, существует и сопротивление. Эта борьба не нуждается в том, чтобы её называли анархистской, чтобы быть благоприятной почвой для подрывной деятельности и свободы. Важно то, что мы поддерживаем их и делаем более сильными. Капитализм и государство не будут уничтожены, если мы посвятим себя только созданию замечательных альтернатив. Когда-то давно мир был полон замечательных альтернатив, и система весьма хорошо знает, как их завоевать и разрушить. Независимо от того, что мы создаём, мы должны быть готовы защищать это.

Ни одной книги не достаточно, чтобы исследовать все возможности анархистской революции. Но вот несколько из них, которые могут оказаться полезными.

Рекомендуемая литература

1. CrimethInc. «Recipes for Disaster: An Anarchist Cookbook», Olympia: CrimethInc. Workers' Collective, 2005; и Expect Resistance, Salem: CrimethInc. Workers' Collective 2008.
2. Kuwasi Balagoon «A Soldier's Story: Writings by a Revolutionary New Afrikan Anarchist», Montreal: Kersplebedeb, 2001.
3. Ann Hansen «Direct Action: Memoirs of an Urban Guerrilla», Toronto: Between the Lines, 2002.
4. Lorenzo Kombo Ervin «Anarchism and the Black Revolution», 2nd edition online at Infoshop.org, 1993.
5. Emma Goldman «Living My Life», New York: Knopf, 1931.
6. Richard Kempton «Provo: Amsterdam's Anarchist Revolt», Brooklyn: Autonomedia, 2007.
7. Bommi Baumann (trans. Helene Ellenbogen & Wayne Parker) «How It All Began: A Personal Account of a West German Urban Guerrilla», Vancouver: Pulp Press, 1977.
8. Trapeze Collective, ed. «Do It Yourself: a handbook for changing our world», London: Pluto Press, 2007.
9. Roxanne Dunbar Ortiz «Outlaw Woman: A Memoir of the War Years 1960-1975», San Francisco: City Lights, 2001.
10. A. G. Schwarz, Void Network «We Are an Image from the Future: The Greek Uprising of December 2008», Oakland: AK Press 2009.
11. Isy Morgenmuffel, Paul Sharkey (eds.) «Beating Fascism: Anarchist anti-fascism in theory and practice», London: Kate Sharpley Library, 2005.
12. Call («Appel» в оригинале на французском, или «Крик» на русском, анонимный манифест)
13. Статья, журнал или книга, которую вы собираетесь написать, чтобы поделиться своим опытом со всем миром и расширить наш коллективный инструментарий...

Это работает, когда мы заставляем это работать

Многие люди, тайно замышлявшие записать эти повстанческие истории на бумагу, чтобы потом передать их в ваши руки, были достаточно вдумчивыми, чтобы предоставить вам один частный пример анархии: непосредственно эту книгу. Вообразите децентрализованную сеть, гармоничный хаос, слияние освобождённых желаний, которые сделали это возможным. Со страстью и решимостью миллионы людей вдохнули жизнь в истории, представленные нами, и многие из них боролись, даже несмотря на бесспорные поражения, в надежде, что их утопии могли бы вдохновить будущие поколения. Сотни других людей задокументировали эти миры и держат их живыми в нашем сознании. Чуть больше дюжины объединились, чтобы редактировать, проектировать и иллюстрировать, а также корректировать, печатать и распространять книгу. У нас нет никакого босса, и мы не получаем деньги за это. Книга, фактически, оценена по себестоимости, и наша цель в её распространении — не заработать денег, а поделиться ею с вами.

Издательство является «сферой», которую мы, как предполагается по умолчанию в существующем мире, оставили профессионалам, и книги были чем-то, что мы должны были покупать и потреблять, а не делать самостоятельно. Но мы подделали себе разрешение продвигать этот проект и надеемся показать этим, что вы также способны на это. Может возникнуть соблазн представить такие амбициозные проекты как волшебный конечный продукт, оставляя читателю догадки, как мы сделали это, и наслаждаясь иллюзией самостоятельно; однако иногда лучше впустить неожиданный порыв ветра, поднять занавес и раскрыть махинации за кулисами. Оказывается, что эта книга не отличается от всех других примеров, освещённых здесь, в которых создание было так же вопросом конструктивного конфликта. Сообщество людей, непосредственно ответственных за её публикацию, не является однородным, а включает редакционные группы с различными режимами работы, а также основным автором, для которого писательство является индивидуальной деятельностью. Из-за различных потребностей и мнений, некоторые люди не смогли увидеть, как этот проект был доведён до конца, но как анархисты они могли свободно покинуть группу, когда это было в их интересах, и они различными способами уже достаточно повлияли на рукописи. Тем временем, благодаря гибкости организации, проект смог продвинуться вперёд.

Я учился и совершенствовался как личность в этой группе так, как никогда бы не смог при работе в авторитарной группе. В традиционных издательствах я был бы вынужден уступать всякий раз при возникновении разногласий, и не потому, что они убеждали бы меня, а потому, что у них больше ресурсов и они могут решать, стоит ли эта книга того, чтобы её напечатать. Но с нашей горизонтальной структурой

я мог получить критику, которая, как я понимаю, была предназначена, чтобы развить внутренний потенциал книги, а не для того, чтобы просто заставить её лучше продаваться на рынке.

Конечно, издательство книги не является самым удивительным достижением, и эта крошечная бумажная вещь, безусловно, не будет штурмовать Зимний дворец, но важно то, что анархия гораздо более распространена, чем мы привыкли думать. И, чёрт побери, если мы можем заставить её работать, вы тоже сможете.

Так же, как и другие рассказанные нами истории, наша история имеет свои слабые места. Мы хотели бы быть первыми, кто укажет на них. Неизбежно, пара вещей отсутствует. Одной из них является вопрос реализма. Делая эту книгу, мы старались не романтизировать примеры, хотя очевидно, что на этих страницах не хватило места для полного анализа сильных и слабых сторон каждой упомянутой революции или социального эксперимента. Вместе с тем мы хотели бы дать некоторое представление об изобилии сложностей и трудностей, скрытых под поверхностью каждого примера анархии. Но если книга в общем будет успешной, если вы, читатели, не просто скажете: «О, отлично, анархия возможна», — и затем вернётесь в свою жизнь, а на самом деле самостоятельно вооружитесь этими знаниями, чтобы погрузиться в создание анархического мира, то вы быстро обнаружите для себя, насколько это трудно.

Правда в том, что иногда анархия не работает. Иногда люди не учатся сотрудничеству, или определённая группа никогда не находит способа разделить ответственность, или соперничество искалечивает всё движение и делает его неспособным пережить серьёзное давление окружающего мира. Даже некоторые из примеров, описанных в этой книге, в конечном счёте, развалились из-за своих собственных внутренних недостатков. В других случаях освобождённые сообщества будут жестоко подавляться: засквотированный социальный центр, создающий островок свободы от государства и капитала, будет изгнан владельцем, или государство найдёт какой-нибудь предлог для того, чтобы посадить вас за участие в борьбе за создание нового мира.

Многие люди, боровшиеся за анархию, закончили гибелью и поражением или просто были деморализованы. И их жертвы будут напрасны, если мы не напишем эту историю самостоятельно, учась на их ошибках и вдохновлённые их победами.

Другой недостаток этой книги состоит в том, что мы не смогли достаточно романтизировать эти примеры. Боюсь, что наша короткая попытка объективного рассмотрения упускает то обстоятельство, насколько сильны вдохновляющие чувства, получаемые от реализации анархии в жизнь, несмотря на все трудности. Истории, описанные здесь более реальны и жизненны, чем могли бы выразить сноски, хроники дат и имён. Я был непосредственным участником некоторых из этих событий, и они содержатся в самом процессе написания этой книги. Вопреки душной психологической обстановке Соединённых Штатов, томительное удовлетворение от организации инфошопов и изучения «метода консенсуса» были моим вдохновением для того, чтобы начать книгу о том, на что фактически будет похож анархистский мир. И хотя я всё ещё не закончил этот проект, он уже привёл меня к исследованию того, на что похожа анархия. В Берлине, на скамейке в парке, в перерыве от изучения автономного движения этого города я набросал план новой книги, а пару недель спу-

стя в Христиании я видел, как целый городской район, живущий в анархии, кажется совершенно обычным.

Мне пришло в голову, что если бы я осмотрелся, то мог бы встретиться с ещё многими жизненными историями. В течение следующего года я съездил в существующий семидесят пять лет анархистский лагерь в Нидерландах, шагнув в непрерывную борьбу, в которой прошлое не заключается в тюрьму настоящим, а усиливает его. Я стоял в провинциальных украинских городах, жители которых когда-то свергли власть, и пытался вообразить, как они выглядели; работал в саду в анархистской деревне в горах Италии и чувствовал своими костями, что означает отмена работы. Путешествуя, я переписывался с одним из моих лучших друзей, когда он отправился в Оахаку на шесть месяцев и участвовал там в восстании.

Я закончил писать эту книгу в Барселонском сквоте, где застрял, ожидая суда и находясь под угрозой тюремного заключения после полицейской фальсификации. Вместо парка внизу улицы ранее была городская тюрьма, но анархисты разрушили её в 1936 году. В 2007 году наш социальный центр воспользовался этим во время протеста против предстоящего выселения, открывая фри-маркет, распространяя книги из нашей библиотеки, рассказывая истории детям. Будучи неожиданно объявленным вне закона, я выжил благодаря сети таких освобождённых мест по всему городу, дававших мне приют и кормивших меня. В свою очередь, эти пространства зависели от всех нас, борющихся за их создание и защиту.

То же самое верно для всех других историй, которые мы уже видели: ни одна из них не обязана своим существованием пассивным зрителям. Эти истории показывают, что анархия может работать. Но мы должны строить её сами. Храбрость и уверенность необходимы нам, чтобы сделать это, и они не могут быть найдены ни в одной книге. Они уже принадлежат нам. Нам осталось только заявить о них.

Пусть эти истории выйдут со своих страниц и найдут новую жизнь в ваших сердцах.

*Питер Гелдерлоос
Барселона, декабрь 2008 г.*

Библиография

1. Emily Achtenberg «Community Organizing and Rebellion: Neighborhood Councils in El Alto, Bolivia», *Progressive Planning*, No. 172, Summer 2007.
2. Ackelsberg, Martha A. «Free Women of Spain: Anarchism and the Struggle for the Emancipation of Women», Bloomington, IN: Indiana University Press, 1991.
3. William M. Adams and David M. Anderson «Irrigation Before Development: Indigenous and Induced Change in Agricultural Water Management in East Africa», *African Affairs*, 1998.
4. AFL-CIO «Facts About Worker Safety and Health 2007». <http://www.aflcio.org/issues/saf> [viewed January 19, 2008]
5. Gemma Aguilar «Els Okupes Fan la Feina que Oblida el Districte», *Avui*, Saturday, December 15, 2007.
6. Michael Albert «Parecon: Life After Capitalism», New York: Verso, 2003.
7. Michael Albert «Argentine Self Management», *ZNet*, November 3, 2005.
8. Anonymous «Longo Mai», *Buiten de Orde*, Summer 2008.
9. Anonymous «Pirate Utopias», *Do or Die*, No. 8, 1999.
10. Anonymous «The „Oka Crisis“». Decentralized publication and distribution, no date or other publishing information included.
11. Anonymous «You Cannot Kill Us, We Are Already Dead». *Algeria's Ongoing Popular Uprising*, St. Louis: One Thousand Emotions, 2006.
12. Stephen Arthur «„Where License Reigns With All Impunity:“ An Anarchist Study of the Rotinonshón:ni Polity», *Northeastern Anarchist*, No. 12, Winter 2007. <http://nefac.net/anarchiststudyofiroquois#greatpeace>
13. Paul Avrich «The Russian Anarchists», Oakland: AK Press, 2005.
14. Paul Avrich «The Modern School Movement: Anarchism and Education in the United States», Oakland: AK Press, 2005.
15. Roland H. Bainton «Thomas Müntzer, Revolutionary Firebrand of the Reformation». *The Sixteenth Century Journal* 13.2 (1982): 3-16.
16. Jan Martin Bang «Ecovillages: A Practical Guide to Sustainable Communities». Edinburgh: Floris Books, 2005.

17. Harold Barclay «People Without Government: An Anthropology of Anarchy», London: Kahn and Averill, 1982.
18. David Barstow «U.S. Rarely Seeks Charges for Deaths in Workplac», New York Times, December 22, 2003.
19. Eliezer Ben-Rafael «Crisis and Transformation: The Kibbutz at Century's End», Albany: State University of New York Press, 1997.
20. Jamie Bissonette «When the Prisoners Ran Walpole: A True Story in the Movement for Prison Abolition», Cambridge: South End Press, 2008.
21. Christopher Boehm «Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy», Current Anthropology, Vol. 34, No. 3, June 1993.
22. Dmitri M. Bondarenko and Andrey V. Korotayev «Civilizational Models of Politogenesis», Moscow: Russian Academy of Sciences, 2000.
23. Franz Borkenau «The Spanish Cockpit», London: Faber and Faber, 1937.
24. Thomas A. Brady, Jr. & H.C. Erik Midelfort «The Revolution of 1525: The German Peasants' War From a New Perspective». Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981.
25. Jeremy Brecher «Strike!» Revised Edition. Boston: South End Press, 1997.
26. Stuart Christie «We, the Anarchists! A study of the Iberian Anarchist Federation (FAI) 1927-1937», Hastings, UK: The Meltzer Press, 2000.
27. CIPO-RFM website «Our Story», <http://www.nodo50.org/cipo/ourstory.htm> [viewed November 6, 2006].
28. Eddie Conlon «The Spanish Civil War: Anarchism in Action, Workers' Solidarity Movement of Ireland», 2nd edition, 1993.
29. CrimethInc. «The Really Really Free Market: Instituting the Gift Economy», Rolling Thunder, No. 4, Spring 2007.
30. The Curious George Brigade «Anarchy In the Age of Dinosaurs», CrimethInc. 2003.
31. Diana Denham and C.A.S.A. Collective (eds.) «Teaching Rebellion: Stories from the Grassroots Mobilization in Oaxaca», Oakland: PM Press, 2008.
32. Robert K. Dentan «The Semai: A Nonviolent People of Malaya». New York: Holt, Rinehart and Winston, 1979.
33. Jared Diamond «Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed», New York, Viking, 2005.
34. Dissent! Network «The VAAAG: A Collective Experience of Self-Organization», <http://www.daysofdissent.org.uk/evian.htm> [viewed January 26, 2007].

35. Sam Dolgoff «The Anarchist Collectives», New York: Free Life Editions, 1974.
36. George R. Edison, MD «The Drug Laws: Are They Effective and Safe?» The Journal of the American Medical Association. Vol. 239 No. 24, June 16, 1978.
37. Martyn Everett «War and Revolution: The Hungarian Anarchist Movement in World War I and the Budapest Commune (1919)», London: Kate Sharpley Library, 2006.
38. Patrick Fleuret «The Social Organization of Water Control in the Taita Hills, Kenya», American Ethnologist, Vol. 12, 1985.
39. Heather C. Flores «Food Not Lawns: How To Turn Your Yard Into A Garden And Your Neighborhood Into A Community», Chelsea Green, 2006.
40. The Freecycle Network «About Freecycle», <http://www.freecycle.org/> [viewed January 19 2008].
41. Peter Gelderloos «Consensus: A New Handbook for Grassroots Social, Political, and Environmental Groups», Tucson: See Sharp Press, 2006.
42. Peter Gelderloos and Patrick Lincoln «World Behind Bars: The Expansion of the American Prison Sell», Harrisonburg, Virginia: Signalfire Press, 2005.
43. Malcolm Gladwell «The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big Difference». New York: Little, Brown, and Company, 2002.
44. Amy Goodman «Louisiana Official: Federal Gov't Abandoned New Orleans», Democracy Now!, September 7, 2005.
45. Amy Goodman «Lakota Indians Declare Sovereignty from US Government», Democracy Now!, December 26, 2007.
46. Natasha Gordon and Paul Chatterton «Taking Back Control: A Journey through Argentina's Popular Uprising», Leeds (UK): University of Leeds, 2004.
47. Uri Gordon «Anarchy Alive! Anti-authoritarian Politics from Practice to Theory», London: Pluto Press, 2008.
48. David Graeber «Fragments of an Anarchist Anthropology», Chicago: Prickly Paradigm Press, 2004.
49. David Graeber «The Shock of Victory», Rolling Thunder no. 5, Spring 2008.
50. Evan Henshaw-Plath «The People's Assemblies in Argentina», ZNet, March 8, 2002.
51. Neille Ilel «A Healthy Dose of Anarchy: After Katrina, nontraditional, decentralized relief steps in where big government and big charity failed», Reason Magazine, December 2006.
52. Inter-Press Service «Cuba: Rise of Urban Agriculture», February 13, 2005.

53. Interview with Marcello, «Criticisms of the MST», February 17, 2009, Barcelona.
54. Derrick Jensen «A Language Older Than Words, White River Junction», Vermont: Chelsea Green Publishing Company, 2000.
55. John Jordan and Jennifer Whitney «Que Se Vayan Todos: Argentina's Popular Rebellion», Montreal: Kersplebedeb, 2003.
56. Michael J. Jordan «Sex Charges haunt UN forces, Christian Science Monitor», November 26, 2004.
57. George Katsiaficas «The Subversion of Politics: European Autonomous Social Movements and the Decolonization of Everyday Life». Oakland: AK Press, 2006.
58. George Katsiaficas «Comparing the Paris Commune and the Kwangju Uprising», www.eroeffect.com [viewed May 8, 2008].
59. Lawrence H. Keeley «War Before Civilization». Oxford: Oxford University Press, 1996.
60. Roger M. Keesing, Andrew J. Strathern «Cultural Anthropology: A Contemporary Perspective», 3rd Edition, New York: Harcourt Brace & Company, 1998.
61. Graham Kemp and Douglas P. Fry (eds.) «Keeping the Peace: Conflict Resolution and Peaceful Societies around the World», New York: Routledge, 2004.
62. Elli King, ed. «Listen: The Story of the People at Taku Wakan Tipi and the Reroute of Highway 55, or, The Minnehaha Free State», Tucson, AZ: Feral Press, 1996.
63. Aaron Kinney «Hurricane Horror Stories», Salon.com October 24, 2005.
64. Peter Kropotkin «Fields, Factories and Workshops». Tomorrow, London: Freedom Press, 1974.
65. Wolfi Landstreicher «Autonomous Self-Organization and Anarchist Intervention», *Anarchy: a Journal of Desire Armed*. No. 58 (Fall/Winter 2004-5), p. 56.
66. Gaston Leval «Collectives in the Spanish Revolution», London: Freedom Press, 1975 (translated from the French by Vernon Richards).
67. A.W. MacLeod «Recidivism: a Deficiency Disease», Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1965.
68. Alan MacSimoin «The Korean Anarchist Movement», a talk in Dublin, September 1991.
69. Sam Mbah and I.E. Igariway «African Anarchism: The History of a Movement», Tucson: See Sharp Press, 1997.
70. The Middle East Media Research Institute «Algerian Berber Dissidents Promote Programs for Secularism and Democracy in Algeria», Special Dispatch Series No. 1308, October 6, 2006, <http://memri.org/bin/articles.cgi?Page=archives&Area=sd&ID=>

71. George Mikes «The Hungarian Revolution», London: Andre Deutsch, 1957.
72. Cahal Milmo «On the Barricades: Trouble in a Hippie Paradise», *The Independent*, May 31, 2007.
73. Bonnie Anna Nardi «Modes of Explanation in Anthropological Population Theory: Biological Determinism vs. Self-Regulation in Studies of Population Growth in Third World Countries», *American Anthropologist*, vol. 83, 1981.
74. Nathaniel C. Nash «Oil Companies Face Boycott Over Sinking of Rig», *The New York Times*, June 17, 1995.
75. Oscar Olivera «Cochabamba! Water Rebellion in Bolivia», Cambridge: South End Press, 2004.
76. George Orwell «Homage to Catalonia», London: Martin Secker & Warburg Ltd., 1938.
77. Oxfam America «Havana's Green Revelation», <http://www.oxfamamerica.org/whatwedo/w> [viewed December 5, 2005].
78. Philly's Pissed, <http://www.phillyspissed.net/> [viewed May 20, 2008].
79. Daryl M. Plunk «South Korea's Kwangju Incident Revisited», *The Heritage Foundation*, No. 35, September 16, 1985.
80. Rappaport, R.A. (1968) «Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People». New Haven: Yale University Press.
81. RARA «Revolutionaire Anti-Racistische Actie Communiqués van 1990-1993». Gent: 2004.
82. Revolutionary Association of Women of Afghanistan «About RAWA», <http://www.rawa.org/ra> Viewed June 22, 2007
83. James C. Scott «Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed», New Haven: Yale University Press, 1998.
84. James C. Scott «Civilizations Can't Climb Hills: A Political History of Statelessness in Southeast Asia», lecture at Brown University, Providence, Rhode Island, February 2, 2005.
85. Jaime Semprun «Apología por la Insurrección Argelina», Bilbao: Muturreko Burutazioak, 2002 (translated from French to Spanish by Javier Rodriguez Hidalgo).
86. Nirmal Sengupta «Managing Common Property: Irrigation in India and The Philippines», New Delhi: Sage, 1991.
87. Carmen Sirianni «Workers Control in the Era of World War I: A Comparative Analysis of the European Experience», *Theory and Society*, Vol. 9, 1980.

88. Alexandre Skirda «Nestor Makhno, Anarchy's Cossack: The Struggle for Free Soviets in the Ukraine 1917-1921», London: AK Press, 2005.
89. Eric Alden Smith, Mark Wishnie «Conservation and Subsistence in Small-Scale Societies», Annual Review of Anthropology, Vol. 29, 2000, pp. 493-524.
90. «Solidarity with the Communities of CIPO-RFM in Oaxaca», Presentation at the Montreal Anarchist Bookfair, Montreal, May 21, 2006.
91. Georges Sossenko «Return to the Spanish Civil War», Presentation at the Montreal Anarchist Bookfair, Montreal, May 21, 2006.
92. Jac Smit, Annu Ratta and Joe Nasr «Urban Agriculture: Food, Jobs and Sustainable Cities», UNDP, Habitat II Series, 1996.
93. Melford E. Spiro «Kibbutz: Venture in Utopia», New York: Schocken Books, 1963.
94. «The Stonehenge Free Festivals, 1972-1985». <http://www.ukrockfestivals.com/henge-menu.html> [viewed May 8, 2008].
95. Dennis Sullivan and Larry Tift «Restorative Justice: Healing the Foundations of Our Everyday Lives», Monsey, NY: Willow Tree Press, 2001.
96. Joy Thacker «Whiteway Colony: The Social History of a Tolstoyan Community», Whiteway, 1993.
97. Colin Turnbull «The Mbuti Pygmies: Change and Adaptation». Philadelphia: Harcourt Brace College Publishers, 1983.
98. Marcele Valente «The Rise and Fall of the Great Bartering Network in Argentina». Inter-Press Service, November 6, 2002.
99. Judith Van Allen «„Sitting On a Man“: Colonialism and the Lost Political Institutions of Igbo Women». Canadian Journal of African Studies. Vol. ii, 1972. 211-219.
100. Johan M.G. van der Dennen «Ritualized „Primitive“ Warfare and Rituals in War: Phenocopy, Homology, or...?» <http://rechten.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/Algemeen>
101. H. Van Der Linden «Een nieuwe overheidsinstelling: het waterschap circa 1100-1400 in D. P. Blok, Algemene Geschiednis der Nederlanden, deel III». Haarlem: Fibula van Dishoeck, 1982, pp. 60-76.
102. Wikipedia «Asamblea Popular de los Pueblos de Oaxaca», http://en.wikipedia.org/wiki/Asamblea_Popular_de_los_Pueblos_de_Oaxaca, [viewed November 6, 2006].
103. Wikipedia «The Freecycle Network», http://en.wikipedia.org/wiki/Freecycle_Network, [viewed January 19, 2008].
104. Wikipedia «Gwangju massacre», http://en.wikipedia.org/wiki/Gwangju_massacre, [viewed November 3, 2006].

105. Wikipedia «The Iroquois League», http://en.wikipedia.org/wiki/Iroquois_League [viewed June 22, 2007].
106. William Foote Whyte and Kathleen King Whyte «Making Mondragon: The Growth and Dynamics of the Worker Cooperative Complex», Ithaca, New York: ILR Press, 1988.
107. Kristian Williams «Our Enemies in Blue». Brooklyn: Soft Skull Press, 2004.
108. Peter Lamborn Wilson «Pirate Utopias», Brooklyn: Autonomedia, 2003.
109. Daria Zelenova «Anti-Eviction Struggle of the Squatters Communities in Contemporary South Africa» paper presented at the conference «Hierarchy and Power in the History of Civilizations», at the Russian Academy of Sciences, Moscow, June 2009.
110. Howard Zinn «A People's History of the United States». New York: Perrenial Classics Edition, 1999.

Библиография и рекомендуемая литература на русском

1. Пол Эврич «Русские анархисты. 1905-1917» / Пер. с англ. И. Е. Полоцка. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 272 с.
2. Д. Бондаренко, А. Коротаяев «Цивилизационные модели политогенеза». М.: Институт Африки РАН, 2002.
3. CrimethInc «Анархия в эпоху динозавров». М.: Гилея, 2010.
4. CrimethInc «Работа». М., 2012.
5. Джаред Даймонд «Коллапс», Издательства: АСТ, АСТ Москва, Мидгард, 2008 г. или «Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают» Издательства: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010 г.
6. Питер Гелдерлоос «Консенсус: принятие решений в свободном обществе» / пер. с англ. — СПб., 2010. — 106 с.
7. Катсификас Д. «Ниспровержение политики». Европейские автономные социальные движения и деколонизация повседневности. Волгоград, 2002 г.
8. Джордж Оруэлл «Памяти Каталонии. Эссе», Москва, 2003 г.
9. Александр Скирда «Нестор Махно, Казак свободы (1888-1934): Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине, 1917-1921», Париж: Громада, 2001.
10. Wikipedia «Восстание в Кванджу», http://ru.wikipedia.org/wiki/Восстание_в_Кванджу
11. Wikipedia «Ирокезы», <http://en.wikipedia.org/wiki/Ирокезы>
12. Дарья Зеленова «Борьба против выселений сквотерских сообществ в современной Южной Африке», доклад на конференции «Иерархия и власть в истории цивилизации», РАН, Москва, июнь 2009 г.
13. Ольга Аксютин, Дарья Зеленова «Через сопротивление к сообществу: самоорганизация сквотеров ЮАР») смотрите в журнале «Неприкосновенный запас», №5 (67) 2009, <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/ak19.html>
14. Говард Зинн «Народная история США», Издательство: Весь Мир, 2006 г.
15. Фуко Мишель «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», Москва, 1999 г.

16. Марсель Мосс «Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах».
17. Пётр Кропоткин «Поля, фабрики и мастерские».
18. Андрей Лошак «Проживём без государства» <http://www.openspace.ru/society/project>
19. Джейсон Адамс «Не-западный анархизм: переосмысливая глобальный контекст». Данный перевод можно найти в сообществе Анархия_ру в Живом Журнале (http://community.livejournal.com/anarchia_ru/)
20. «Выбить фашизм. Анархистский антифашизм в теории и на практике». Сборник статей. Перевод на русский Шарапова. Предисловие Влада Тупикина. СПб., Реноме, 2009.

Рекомендуемые сайты

Организация Либертарных коммунистов Автономное Действие

<http://avtonom.org/>

Анархия говорит по-русски http://anarchia_ru.livejournal.com

Послезавтра: коллективный блог левого толка

<http://poslezavtra.be/>

Бакуниста! (теория и анализ, история анархизма)

<http://bakunista.nadir.org/>

За рывок сквозь невозможное

http://anarchism_ru.livejournal.com

Анархо-библиотека <http://www.a-read.narod.ru/a-read.htm>

Хорошие книги для хороших людей

<http://goodbooks.noblogs.org/>

Международный феминистский сайт <http://svobodna.org.ua/>

Сайт о сквотах www.squat.net

Индимедия-Россия <http://ru.indymedia.org/>

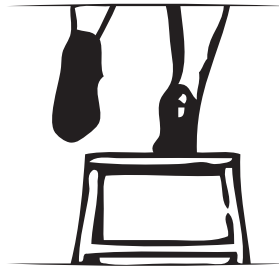
Индимедия-Питер <http://piter.indymedia.ru/ru>

Индимедия-Беларусь <http://belarus.indymedia.org/>

Индимедия-Сибирь <http://imc-siberia.org/>

Индимедия-Кубань (Краснодарский край и Адыгея) <http://kuban.indymedia.ru/>

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Питер Гелдерлоос
Анархия работает
2011

http://rtpbooks.info/anarchy_works/

Перевод: Черныш, Саша Кентукки, Daria, Андрей Кутузов, А. С. Пушкин, Black Swan,
Байкпанк Правка: Пётр Рябов, Андрей Одулин, Ксения Демакова, А. Р. Обложка:
Rottenzombi, D. Sury Вёрстка: Николай Катин

ru.theanarchistlibrary.org